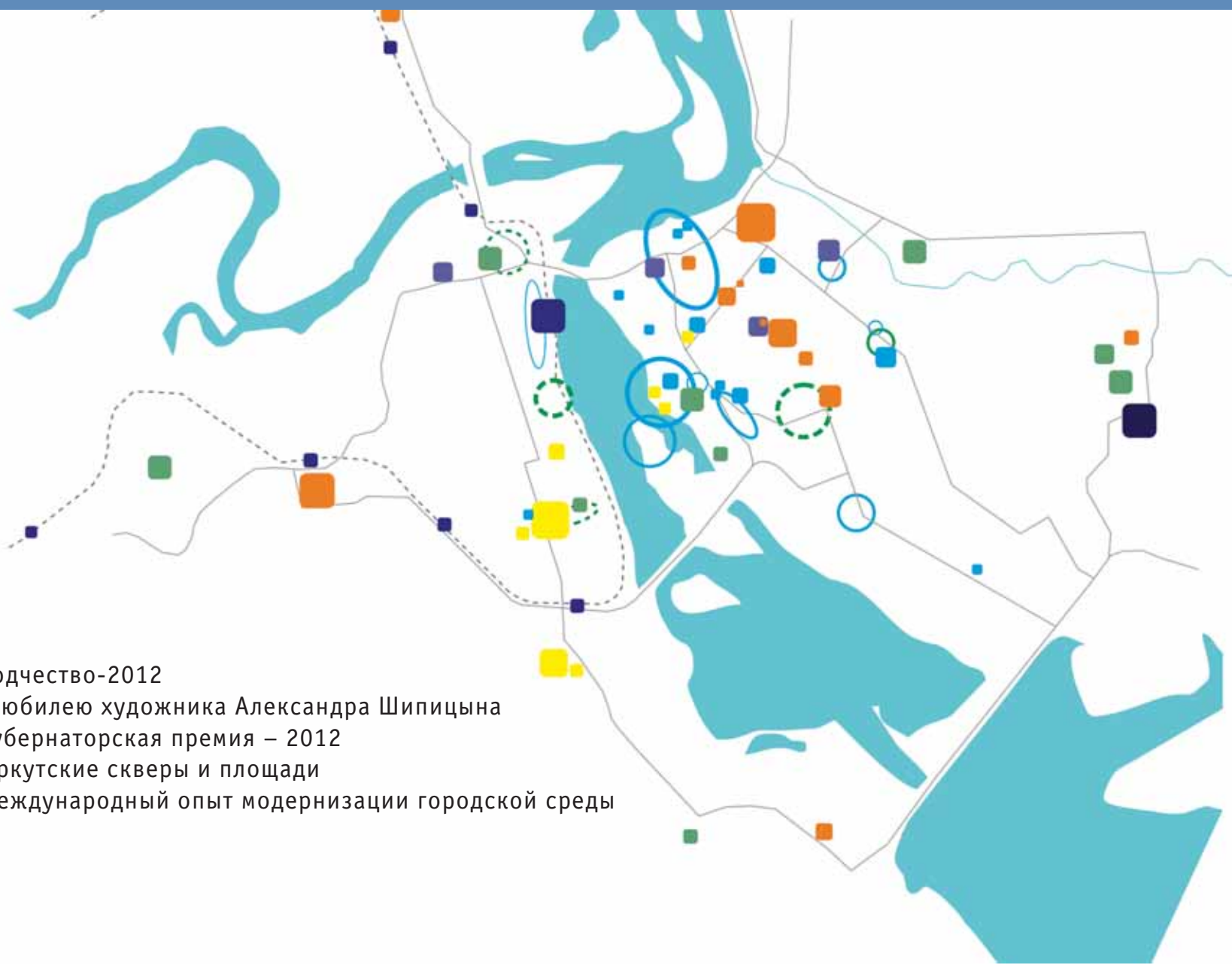

2013 / 35

общественные пространства /
public spaces

проект
байкал /
project
baikal

Зодчество-2012
К юбилею художника Александра Шипицына
Губернаторская премия – 2012
Иркутские скверы и площади
Международный опыт модернизации городской среды

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**20 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

- инженерно-геодезические изыскания**
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы**
- инженерно-геологические изыскания**
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов**
- инженерные изыскания источников водоснабжения**
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений**
- контроль качества работ**
- инжиниринговые и консультативные услуги**

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

Тема этого номера – ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА – интересна тем, что близка и понятна каждому горожанину. Улицы и дворы нашего детства — впечатления, остающиеся с нами на всю жизнь. Это и места, куда нас водят по выходным родители, где мы встречаемся с друзьями, где назначаем свидания, куда ведем на прогулку уже своих детей.

История общественных пространств длинна и захватывающе интересна: именно там – на главных городских площадях – проходили важнейшие события в истории. Агоры Древней Греции и форумы Рима, площади Ватикана, Парижа и Лондона, Москвы и Санкт-Петербурга... Гревская, Трафальгарская, Сенатская, Дворцовая, Красная, Болотная – за каждым названием встает жизнь столиц, стран и народов.

Общественные пространства, их формы, их облик и развитие оказывают огромное влияние на то, как воспринимается город в целом. И для приезжих, и для жителей города именно общественные пространства составляют не просто лицо города, но его суть, душу и разум. К сожалению, ценность общественных пространств приходится иногда доказывать и отстаивать против тех, кто видит в них только пустое место, ничейную землю для дикой застройки.

Что должно произойти, чтобы горожане начали воспринимать общественные пространства города как собственные, а власти считать развитие и содержание площадей и парков своей приоритетной задачей в обострившейся конкуренции городов, в борьбе за человеческий капитал? В последнее время все чаще звучит: «за качественный человеческий капитал». А когда говорят: «город должен быть удобный для жизни», теперь добавляют: «всех групп горожан, в том числе – креативного класса».

Елена Григорьева

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

35

общественные пространства / public spaces

The topic of this issue is PUBLIC SPACES. It is familiar and clear to every citizen. The streets and courtyards as childhood experiences remain with us forever. And these are the places where we come with our parents at weekends, where we meet friends, where we have dates and where we already come for a walk with our children.

The history of public spaces is long and captivating. It was the main city squares where the most important events took place in history. The Agoras of Ancient Greece and the Roman Forums, the squares of Vatican, Paris and London, Moscow and Saint Petersburg... Greve, Trafalgar, Senate, Palace, Red, Bolotnaya – behind every name there is life of capitals, countries and nations.

Public spaces, their shapes, image and development greatly influence the perception of the city as a whole. Both visitors and inhabitants can see in public spaces not only the visage but the heart, the soul and the mind of the city. Unfortunately, sometimes we have to prove the value of public spaces and defend them from those who consider them nothing but a blank space, nobody's land destined for barbarous development.

What should happen to make citizens perceive public spaces as their own and to make authorities consider development and maintenance of squares and parks their priority task against the background of increasing competition between cities and the fight for human capital? Lately they more often say about "a high-quality human capital". And now, when they say "the city should be liveable" they add "for all groups of citizens, including the creative class".

Elena Grigoreva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала **проект россия** Алексею Муратову и издателю Барту Голдхоорну, **издательству А-Фонд**

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева

выпускающий редактор, корректор
Инесса Бражникова

литературный редактор
Марина Ткачева

редактор раздела «Дайджест»
Лариса Крылова

верстка
Татьяна Анненкова

переводчик, редактор раздела «Новости МСА»
Анна Григорьева

печать
«Репроцентр А1»,
Тираж 3000 экз.
Подписано в печать 21.01.13

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

периодичность
4 раза в год

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

Золотая медаль Международной Академии Архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания»

Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

35

общественные пространства / public spaces

новости

	Новости Международного союза архитекторов	5
Александра Козак	Летним градостроительным мастерским в Сержи-Понтуаз – 30 лет	10
	XLVIII Международный конгресс городских и региональных планировщиков ISOCARP-2012 (10–13 сентября, 2012 г.)	13
Марк Меерович	Приветственное слово на открытии Форума мэров российских городов в рамках XLVIII Международного конгресса городских и региональных планировщиков ISOCARP-2012 (Пермь, 10–14 сентября 2012 г.)	14
Евгений Хохрин Сергей Смольков	Иркутская архитектурная школа: итоги XXI Международного смотра-конкурса дипломных проектов выпускников архитектурных вузов 2012 года	16
Елена Григорьева	XX Международный фестиваль «Зодчество-2012».	19
Эдуард Товмасьян	На XX фестивале «Зодчество» вновь прекрасны детство и отрочество!	21
	Прогрессивный дизайн от Вене удостоен награды. Коллекция DOCKLANDS стала лауреатом премии «Interior Innovation Award – 2013»	26
Ирина Бордовская	К 75-летию юбилею заслуженного художника России Александра Шипицына	28
Вера Широкова	Кафедра изобразительного искусства и методики Восточно-Сибирской государственной академии образования	29
Николай Опанасенко	История офортного станка	32
	Премия Губернатора Иркутской области.	34

общественные пространства

	35
Константин Лидин	Когерентные города	37
Елена Григорьева Марк Меерович	Общественные пространства в городе. К разработке программы формирования структуры общественных пространств Иркутска	42
Марина Ткачева Елена Григорьева	Общественные пространства и их системы в Иркутске: уничтожение и создание. Диалог архитектора и культуролога во время прогулки по городу	52
Марина Ткачева	Общественные пространства. Поле взаимодействия власти и общества.	58
Леонид Коган	О городской ответственности общества	64
Людмила Козлова	Возрождение общественных пространств как приоритетная стратегия европейских городов	66

Special thanks to the editor-in-chief of project rus-sia magazine Alexei Muratov and the publisher Bart Goldhoorn, as well as to A-Fond publishing house for their help and support in creating the magazine

The magazine is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of October 16, 2007

спонсоры номера

publisher and editorial director

Elena Grigoryeva

copy editor and proofreader

Inessa Brazhnikova

literary editor

Marina Tkacheva

editor of "Digest" section

Larisa Krylova

upmaking

Tatyana Annenkova

translator, editor of the "UIA News" section

Anna Grigorieva

printed by

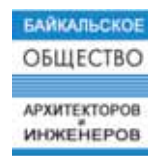
"Reprocenter A1"
print run 3,000
passed for printing:
21.01.13

address

Cheremkhovsky Lane 1a
Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839
+7 3952 332840
sar@irk.ru

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication

	Артём Ольшевич	Shared Space: революционные изменения улиц британских городов 74
	Юлия Панкратьева	Брюссельский столичный регион. Повышение плотности городского пространства и сохранение качества жизни 80
	Диана Визнер Сибаллос	Эколого-рекреационный коридор в горном заповеднике Боготы 84
	Диана Визнер Сибаллос	Общественное пространство библиотеки Хулио Марио Санто-Доминго 88
	Мерон Кирк	Как создать пространства для людей 90
	Фабио Тодескини Дэвид Девар	Улица как необходимое условие для открытого пространства. Современный опыт южноафриканских городов и необходимость сдвига парадигмы 94
	Кристиан Пиль	Дождевая вода как инструмент развития и сохранения городской природной среды. Использование воды для поддержания естественных процессов городской среды на примере трех проектов 100
дайджест	Лариса Крылова	Суперкилен: разноцветное пространство 109
	Светлана Макотина	Заметки про Эстонию. Город Тарту 110
	Юрий Самодуров	Объекты современного искусства в городской среде 118
	Марина Ткачева	Скульптура и разломы городского пространства. 123
	Марина Ткачева	Про бабра 129
объект номера		Двор в Красноярске 131
ландшафт	Андрей Большаков	Проект сквера на территории делового центра Иркутск-Сити. 140
	Доминик Гарриг	Монастырские сады. 144
	Доминик Гарриг	Пале-Рояль 147
	Ольга Смирнова	Гайд-парк. В поисках ораторов 148
наследие	Алексей Чертилов Марк Меерович Мария Белова	Несостоявшийся музей деревянного зодчества «Илимская деревня». 154

news		UIA News	5
	Alexandra Kozak	The 30th Anniversary of Les Ateliers Summer Workshops of Urban Planning in Cergy-Pontoise	10
		The XLVIIIth International Congress of City and Regional Planners ISOCARP 2012 (September 10-13, 2012)	13
	Mark Meerovich	The Welcome Speech at the Opening of the Forum of Mayors of Russian Cities within the Framework of the XLVIIIth International Congress of City and Regional Planners ISOCARP 2012 (Perm, September 10-14, 2012)	14
	Evgeny Khokhrin Sergey Smolkov	Irkutsk Architectural School: the Results of the XXIst International Review Competition for the Best Graduation Architectural Projects 2012	16
	Elena Grigoryeva	The XXth International Festival "Zodchestvo 2012"	19
	Eduard Tovmasyan	The XXth Zodchestvo Festival: the Young Generation and their Beautiful Presentation	21
		Bene's Progressive Design Received the Interior Innovation Award 2013 for Its DOCKLANDS Collection	26
	Irina Bordovskaya	On the Occasion of the 75th Anniversary of the Honoured Artist of Russia Alexander Shipitsin. . . .	28
	Vera Shirokova	The Department of Fine Arts and Teaching Methods Of East Siberian State Academy of Education	29
	Nikolai Opanasenko	The History of an Etching Press	32
		The Irkutsk Regional Governor's Prize	34
public spaces		35
	Konstantin Lidin	Coherent Cities	36
	Elena Grigoryeva Mark Meerovich	Public Spaces in the City (working out the structure of public spaces in Irkutsk)	42
	Elena Grigoryeva Marina Tkacheva	Public Spaces and Their Systems in Irkutsk: Elimination and Creation The Dialogue between an Architect and a Culture Expert during their Walk around the City	52
	Marina Tkacheva	Public Spaces. The Field of Interaction between the Authorities and Society	58
	Leonid Kogan	About the Urban Responsibility of Society	64
	Lyudmila Kozlova	Revitalization of Public Spaces as a High Priority Strategy for European Cities	66
	Artem Olshevich	Shared Space: Revolutionary Changes in the Streets of British Cities	74
	Ioulia Pankratieva	The Brussels-Capital Region. Increasing the Density of Urban Spaces and Preserving the Quality of Life.	80
	Diana Wiesner Ceballos	Ecological and Recreational Corridor Bogotá Mountain Reserve.	84
	Diana Wiesner Ceballos	Julio Mario Santodomingo Library's Public Space	88
	Mehron Kirk	Creating Places for People	90
	Fabio Todeschini David Dewar	The Street as Pre-requisite Open Space: Current South African Settlement Practice and the Need for a Paradigm Shift	94
	Christian Piel	Rainwater, a tool for development and maintenance of nature in the city - Three development projects illustrating the water as a support of natural processes in urban environment	100
digest	Larisa Krylova	Superkilen: a Colourful Space.	109
	Svetlana Makotina	Notes about Estonia. The City of Tartu.	110
	Yuri Samodurov	The Objects of Contemporary Art in the Urban Environment	118
	Marina Tkacheva	A Sculpture and the Fractured City Space.	123
	Marina Tkacheva	About Babr	129
object of the issue		A Courtyard in Krasnoyarsk	131
landscape	Andrei Bolshakov	The Garden Project on the Territory of the Business Center "Irkutsk-City"	140
	Dominique Garrigues	Les Jardins des Monasteres	144
	Dominique Garrigues	Le Palais Royal	147
	Olga Smirnova	Hyde Park. In Search of Orators	148
heritage	Maria Belova Mark Meerovich Alexei Chertilov	A Might-Have-Been Museum of Wooden Architecture "Ilimskaya Derevnnya"	154

120TH UIA COUNCIL SESSION

Highlights: Professional Practice and the Future of the UIA

UIA Council met in Strasbourg, France, on 18 and 19 October, hosted jointly by the French, German, and Swiss member sections. During this session, Council reaffirmed UIA's commitment and strong attachment to the Recommended International Guidelines for Policy on Practice in a Host Nation. Council strongly urged UIA member sections to include them in their national codes of ethics in the interest of the architects of their countries in order to encourage mobility and contribute to the respect of identities, cultures, local resources and environment.

Given the effects of the global economic crisis and increasing unemployment that has serious repercussions especially the young architects, Council expressed the wish that UIA make available tools to facilitate their access to the new

professional opportunities created by responsible and ecological architectural design and the planning of friendly towns that are respectful of the environment. These opportunities should be listed and disseminated. The Council confirmed pursuit of the UIA Strategy on Responsible Architecture launched during the United Nations Climate Conference, COP 15, in Copenhagen in 2009.

Council expressed the wish that at its next session in Durban, South Africa, on 17 and 18 March 2013, a discussion be held on the future of the UIA based on proposals submitted by the five UIA Regions.

This 120th session of Council took place during the "Twenty-four hours of architecture", a festival of contemporary architecture organised for the first time in Strasbourg by the Maisons de l'architecture, with the support of the National Council of the Order of French Architects.

EUROPEAN REAL ESTATE INVESTMENT AWARD

ThyssenKrupp Quarter in Essen wins first prize

The jury for the European Real Estate Investment Award awarded the first prize to the ThyssenKrupp headquarters, constructed in Essen, Germany. Designed and delivered by ARGE JSWD Architekten, Chaix & Morel et Associés, this complex achieves excellent energy scores and a high level of user comfort. The surrounds and park, planned with respect for the environment and natural resources, recreate the link with the city centre and expand leisure and recreational facilities in the district.

The second prize went to the Kaufhaus Tyrol Department Store in Innsbruck, Austria, designed by David Chipperfield; the third to the Kungsbrohuset building in Stockholm, designed by De Strategisk Arkitektur. A special award was given to INSPIRIA Science Centre in Graalum, Norway, by AART architects A/S.

Новости Международного союза архитекторов / UIA News

120-я СЕССИЯ СОВЕТА МСА

Ключевые вопросы: профессиональная практика и будущее МСА

18 и 19 октября в Страсбурге (Франция) проходила встреча Совета МСА, организованная совместно тремя секциями-членами – Францией, Германией и Швейцарией. Во время сессии Совет МСА повторно заявил об обязательствах Международного союза архитекторов и соблюдении Рекомендуемых международных стандартов практики в принимающей стране. Совет настоятельно призвал секции МСА включить данные стандарты в национальные кодексы профессиональной этики, чтобы в интересах архитекторов своих стран способствовать мобильности и действовать на благо национальной идентичности и культуры, местных ресурсов и окружающей среды.

Принимая во внимание последствия глобального экономического кризиса и роста безработицы, особенно затронувшие молодых архитекторов, Совет МСА предложил выработать меры для облегчения доступа к новым профессиональным возможностям в сфере экологического и социально-ответственного архитектурного проектирования и градостроительства. Списки этих возможностей должны быть опубликованы и распространены странами-членами МСА.

Совет МСА подтвердил намерение следовать стратегии «ответственной архитектуры», принятой на Конференции ООН по изменению климата (COP 15) в Копенгагене в 2009 году.

На следующую сессию, которая пройдет в Дурбане (Южная Африка)

17 и 18 марта 2013 года, запланировано обсуждение перспектив МСА. Для предстоящего обсуждения пять регионов МСА должны представить свои предложения.

120-я сессия Совета МСА проходила одновременно с Фестивалем современной архитектуры «24 часа архитектуры», впервые организованным в Страсбурге Центром архитектуры при поддержке Национального совета Ордена французских архитекторов.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ НАГРАДА ЗА ИНВЕСТИЦИИ В НЕДВИЖИМОСТЬ
Квартал «ТиссенКрупп» в Эссене занял первое место**

Жюри Европейского конкурса инвестиций в недвижимость присудило первое место зданию штаб-квартиры компании «ТиссенКрупп», построенному в городе Эссен (Германия). Комплекс, созданный по проекту архитектурных бюро JSWD Architekten и Chaix & Morel et Associés, достиг прекрасных энергетических показателей и высочайшего уровня комфортности. Окружающее пространство и парк, где особое внимание было уделено заботе об окружающей среде и природных ресурсах, воссоздают связь района с городским центром и расширяют зону отдыха и развлечений.

Второе место заняло здание торгового центра «Тироль» в Инсбруке (Австрия) по проекту Дэвида Чипперфильда; третий приз достался коммерческому центру Kungsbrohuset в Стокгольме, построенному по проекту архитектурного бюро De Strategisk Arkitektur. Специальный приз получило здание научного цент-

ра «Инспирия», построенного в городе Граалум (Норвегия) по проекту фирмы AART architects A/S.

На суд международного жюри было представлено 160 заявок из 19 европейских стран. Представителем МСА на вручении награды за 2012 год был архитектор из Будапешта Ласло Секер.

Награда была учреждена в 2008 году Союзом инвестиций в недвижимость, одной из крупнейших инвестиционных компаний в Европе, чтобы идти навстречу инвесторам всего мира, которые проявляют растущий интерес к энергоэффективности и экологичности зданий. Награда присуждается раз в два года за завершённые объекты в Европе, которые объединяют в себе принципы ответственности, социокультурной устойчивости и экономического успеха – три ключевых фактора экономической жизнеспособности объектов недвижимости.

www.prime-property-award.com

**ВЕНЕЦИАНСКАЯ БИЕННАЛЕ
Альваро Сиза получил награду в Венеции**

28 августа 2012 года на венецианской архитектурной биеннале Альваро Сиза Виера получил «Золотого Льва» за профессиональные достижения в области архитектуры. Президент биеннале Дэвид Чипперфильд высоко оценил творческую деятельность португальского архитектора, сказав: «Те из нас, кому посчастливилось слышать его слова об архитектуре, которые он произносит также сдержанно и точно, как проводит линии на чертежах, знают, что его проекты не плод

v Architect Alvaro Siza.
Image © FG+SG /
Архитектор Альваро Сиза.
Фото © FG+SG

A total of 160 submissions from 19 European countries were presented to the international jury for the 2012 session of the Award. L6szly Sz6yker, architect in Budapest, represented the UIA.

This biennial award, first launched in 2008, by Union Investment Real Estate GmbH, one of Europe's leading real estate investment managers, meets with growing success in the world of real estate investors all more and more attentive to energy performance in buildings and respect for the environment. The award recompenses and highlights completed works in Europe that combine responsible architectural design, sociocultural sustainability and economic success, three key factors for a viable future of the real estate economy.

www.prime-property-award.com

VENICE BIENNALE

Alvaro Siza Honoured in Venice

On 29 August 2012, Alvaro Siza Viera was awarded the Golden Lion for Lifetime Achievement at the Venice Architecture Biennale. The biennale's director, David Chipperfield, paid a beautiful tribute to the career work of the Portuguese architect with these words: "Those of us fortunate enough to have heard him speak about architecture, using words as sparingly and as precise as the fine lines of his drawings, know that these works are not the product of a conventional talent but of a mind sophisticatedly exercised by the confidence of knowledge and the wisdom of doubt." Alvaro Siza received the 2011 UIA Gold Medal at the Tokyo UIA World Congress.

<http://www.labiennale.org/en/architecture/news/27-06.htm>

NORDIC COUNTRIES

Light Houses

Finland, Norway and Sweden joined together to celebrate dwellings and light in their region with: Light Houses on the Nordic common ground. Thirty-two architects were invited to create the model of a concept-home reflecting their architectural philosophy. The exhibition's curator is Peter MacKeith. It is housed in the iconic space designed by Sverre Fehn in 1962. Finland is presenting New Forms in Wood in the Alvar Aalto pavilion.

<http://www.mfa.fi/lighthouses>

UNITED KINGDOM

Peter Zumthor: Royal Gold Medal 2013

Swiss architect Peter Zumthor was selected as winner of the 2013 Royal Gold Medal by the Royal Institute of British Architects medal committee. Known for his modest and uncompromi-

v Nordic Pavilion in Giardini, Venice. Architect Sverre Fehn, 1962. Photo: Nasjonalmuseet for kunst, arkitektur og design / Скандинавский павильон в Джардини (Венеция). Архитектор Сверре Фен, 1962. Фото Национальный музей искусства, архитектуры и дизайна (Норвегия)

The Serpentine Pavilion in London. Architect: Peter Zumthor / Павильон галереи Серпентайн в Лондоне. Архитектор Питер Цумтор

заурядного таланта, а результат работы ума, отточенного прочностью знаний и мудростью сомнений». В 2011 году Альваро Сиза стал обладателем золотой медали МСА на Всемирном Конгрессе МСА в Токио.

<http://www.labiennale.org/en/architecture/news/27-06.htm>

СЕВЕРНЫЕ СТРАНЫ

Светлые дома

Финляндия, Норвегия и Швеция организовали совместную экспозицию, посвященную теме жилья и освещения в своем регионе, под названием «Общность взглядов в вопросах освещения в домах северных стран». Тридцати двум архитекторам было предложено создать модель концептуального дома, которая бы отражала их

архитектурную философию.

Куратором выставки стал Питер Маккейт. Экспозиция была размещена в знаменитом павильоне, сооруженном по проекту архитектора Сверре Фена в 1962 году. Финляндия представила экспозицию на тему «Новые формы из дерева» в павильоне Алвара Аалто.

<http://www.mfa.fi/lighthouses>

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Питеру Цумтору присуждена Королевская золотая медаль – 2013

По решению Комитета по наградам Королевского института британских архитекторов обладателем Королевской золотой медали в 2013 году станет Швейцарский архитектор Питер Цумтор. С момента открытия

собственной студии в 1979 году Питер Цумтор стал широко известен своими сдержанными и бескомпромиссными работами. Его исключительный талант проявляется в создании восхитительного пространства и чарующей атмосферы благодаря оригинальности композиции и умелому использованию света и материалов. В число его самых интересных проектов входят Дом искусств в Брегенце (Австрия), термальные бани в Вальсе, музей Колумбы в Кельне и павильон галереи Серпентайн в Лондоне. Престижная Королевская медаль будет вручена архитектору на официальной церемонии 6 февраля 2013 года.

<http://www.architecture.com/Awards/RoyalGoldMedal/RoyalGoldMedal.aspx>

sing practice in the studio he opened in 1979, Peter Zumthor has an incomparable talent for creating spaces and atmospheres that captivate by their use of light, choice of materials, and inventive composition. Among his most striking projects are the Bregenz art gallery in Austria, the Vals thermal baths, the Kolumba museum in Koln, and the Serpentine Pavilion in London. This prestigious medal will be officially presented to him on 6 February 2013.

More information:

<http://www.architecture.com/Awards/RoyalGoldMedal/RoyalGoldMedal.aspx>

Rem Koolhaas, Jencks Award 2012

On 20 November 2012, Rem Koolhaas will receive the Charles Jencks prize at RIBA headquarters, where he will present a public conference. This prize is awarded annually to a person or studio that has made a major, international contribu-

tion to architectural theory and practice. Charles Jencks commented that "Rem Koolhaas has, more than any other architect of his generation, invested in the creation of two parallel lives – one of theory and one of the practice of architecture. This double venture is marked by his twin studios, OMA and AMO, the Office of Metropolitan Architecture and the Architecture Media Organisation. The separation of these 'Siamese twins' is intended to 'liberate architectural thinking from architectural practice.'"

More information:

<http://www.architecture.com/WhatsOn/Talks/Events/2012/Autumn/JencksAward2012-RemKoolhaas.aspx>

JAPAN

Henning Larsen: Praemium Imperiale

Danish architect Henning Larsen received the 24th Praemium Imperiale 2012 for architecture

in Tokyo, on 23 October. This prestigious award recognizes the talent of accomplished artists in five disciplines: painting, sculpture, music, architecture and theatre, for their contribution to cultural enrichment for the world community. The Praemium Imperiale has been awarded since 1989 by the Japan Art Association. Ricardo Legorreta, Toyo Ito, Zaha Hadid, Peter Zumthor, Jacques Herzog and Pierre de Meuron are among former recipients of the architecture prize. Each winner receives a recompense of 150 000 euro.

More information:

<http://www.praemiumimperiale.org/>

CHINA Wang Shu, Innovator of the Year 2012

The American newspaper The Wall Street Journal has recognised the creative and collaborative genius of Chinese architect Wang Shu by naming him Innovator of the year for 2012 in the architecture category. WSJ names innovators of the

Рем Колхас – обладатель премии имени Дженкса за 2012 год

20 ноября 2012 года Рему Колхасу была вручена премия Чарльза Дженкса. Вручение награды состоялось в здании Королевского института британских архитекторов, где лауреат также выступил с публичной лекцией. Награда ежегодно присуждается отдельному лицу или коллективу за большой вклад в архитектурную теорию и практику. Чарльз Дженкс отметил, что «Рем Колхас как никто другой из архитекторов его поколения способствовал развитию двух параллельных жизней – теории и практики архитектуры. Эта двойная деятельность связана с именами студий архитектора, OMA и AMO («Офис архитектуры метрополий» и «Медиаархитектурная организация»). Разделение этих «сиамских близнецов» потребовалось для «освобождения архитектурной мысли от архитектурной практики».

<http://www.architecture.com/WhatsOn/Talks/Events/2012/Autumn/JencksAward2012-RemKoolhaas.aspx>

ЯПОНИЯ

Хеннинг Ларсен награжден Премиум Импераале

23 октября 2012 года в Токио датский архитектор Хеннинг Ларсен получил присуждаемую в 24-й раз награду «Премиум Импераале» в области

архитектуры. Эта престижная награда отмечает заслуги талантливых мастеров, которые работают в сфере изобразительных искусств, скульптуры, музыки, архитектуры и театра и вносят значительный вклад в культурное обогащение мирового сообщества.

«Премиум Импераале» присуждается с 1989 года Японской ассоциацией искусств. В число лауреатов премии в области архитектуры входят Рикардо Легоррета, Тойо Ито, Заха Хадид, Питер Цумтор, Жак Херцог и Пьер де Мерон. Премия составляет 150 тыс. евро.

<http://www.praemiumimperiale.org/>

КИТАЙ

Ванг Шу – «Новатор года – 2012»

Американская газета «Уолл Стрит Джорнал» оценила творческий талант и партнерские качества китайского архитектора Ванг Шу, присудив ему звание «Новатор года – 2012» в области архитектуры. Газета «Уолл Стрит Джорнал» поощряет инновационную деятельность в таких творческих областях, как мода, изобразительное искусство, дизайн, архитектура, обра-

< Rem Koolhaas. Photo © Dominik Gigler / Рем Колхас. Фото © Dominik Gigler

< Henning Larsen. Photo Henning Larsen Architects / Хеннинг Ларсен. Фото «Хеннинг Ларсен Архитектс»

v Umea School of Architecture by Henning Larsen Architects, 2010. Photo Henning Larsen Architects / Школа архитектуры в Умео, 2010. Бюро «Хеннинг Ларсен Архитектс». Фото «Хеннинг Ларсен Архитектс»

year in various creative fields including fashion, art, design, architecture, education, and technology.

Winner of the 2012 Pritzker Prize for architecture, Wang Shu was commended by the WSJ jury for his "deceptively simple" vision that is "drafting a new architectural blueprint for his country".

http://graphicsweb.wsj.com/documents/image_grid/?slug=WSJMAG112012#filter=*

INTERNATIONAL VELUX AWARD 2012 Two Chinese Students from the ETHZ in Zurich Win the First Prize

Bo Li and Ge Men, students at the Federal Polytechnic School in Zurich (ETHZ), are winners of the 2012 International VELUX Award for their project entitled "resonance memory", a metaphor on light, based on the idea of a hypothetical

mudflow in the Swiss Alps where a tiny village is buried.

To quote Brigitte Shim, President of the jury: "this project is impressive because it addresses three distinct scales very eloquently, very powerfully and in a more comprehensive manner than any of the other projects. ... The powerful idea of memory and the subconscious are included in the project."

Students from Korea, Poland and China carried off the second and third prizes.

Ten honourable mentions were also awarded representing students from Belgium, China, Denmark, Portugal, Rumania and Spain.

The results were officially announced during the awards ceremony held in Porto on 4 October 2012 at the Serralves Museum. UIA President, Albert Dubler was present. The jury reviewed 986 projects developed in schools of architecture in

59 different countries. It was composed of architects Brigitte Shim, Canada, Juan Miry, USA, Peter Stutchbury, Australia and Per Arnold Andersen, Denmark, representing the VELUX Group.

The VELUX Group launched the fifth session of this international Award in Tokyo, during the world congress of the International Union of Architects in September 2011.

Registration for the next session will open in October 2013.

View all the projects:

http://iva.velux.com/about_the_award/winners2012

The Award ceremony at Alvaro Siza's Serralves Museum in Porto

<http://www.youtube.com/watch?v=wXTD5szbT08>

ARCASIA Pei Ing Tan - ARCASIA President

Pei Ing Tan will begin her service as president of

зование и технологии.

Лауреат Притцкеровской премии 2012 года в области архитектуры, Ванг Шу был выбран жюри за его «на первый взгляд простое» умение придумывать «новые архитектурные решения для своей страны».

http://graphicsweb.wsj.com/documents/image_grid/?slug=WSJMAG112012#filter=*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАГРАДА VELUX-2012

Двое китайских студентов из Федеральной политехнической школы в Цюрихе получили первое место

Бо Ли и Же Мен, студенты Федеральной политехнической школы Цюриха (ETHZ), стали победителями международного конкурса VELUX-2012. Их проект «Резонанс. Воспоминания» представляет собой метафору света. В основе проекта – гипотетический селевой поток в Швейцарских Альпах, накрывший маленькую деревушку.

По словам члена жюри Бриджит Шим, «этот проект впечатляет тем, что очень красноречиво использует три различных измерения, в нем больше силы и глубины, чем в других проектах. ... В проекте ярко отражены такие аспекты, как память и подсознание».

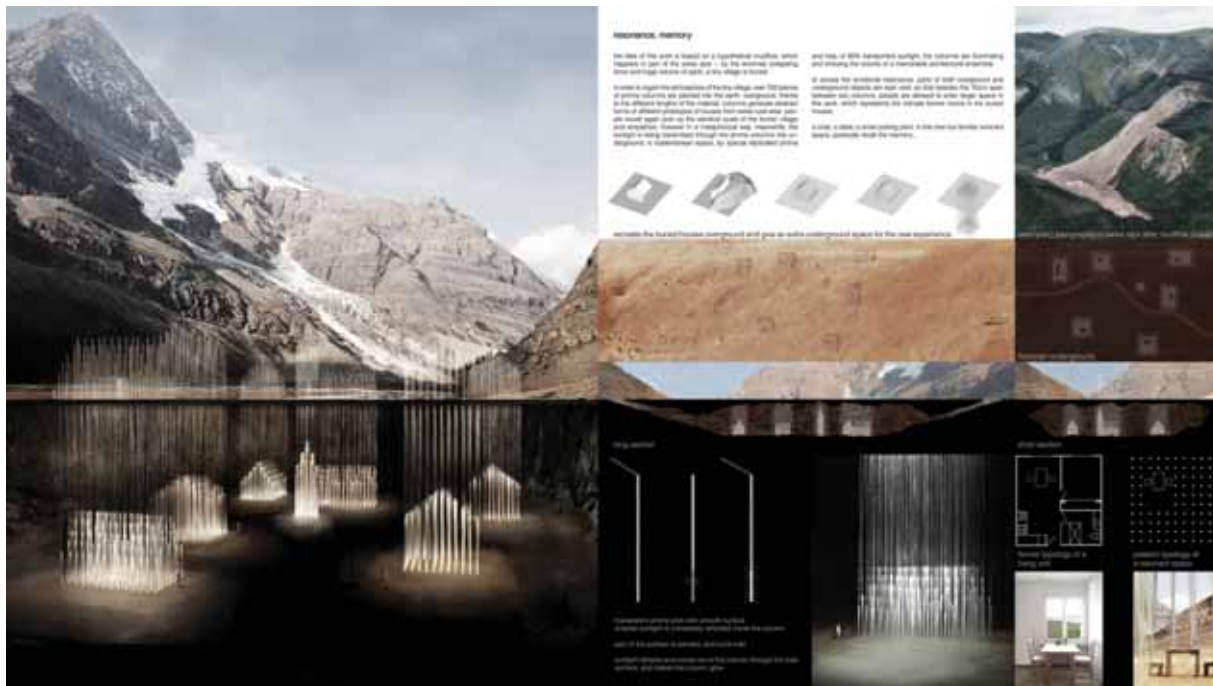
Второе и третье места заняли студенты из Кореи, Польши и Китая.

Десять поощрительных премий досталось студентам из Бельгии, Китая, Дании, Португалии, Румынии и Испании.

Результаты были официально объявлены на церемонии награждения в Музее Серралвес в городе Порту (Португалия) 4 октября 2012 года. На церемонии присутствовал президент МСА Альберт Дублер. Жюри просмотрело 986 проектов, разработанных студентами архитектурных школ из 59 стран. В жюри вошли архитекторы Бриджит Шим (Канада), Хуан Майри (США), Питер Статчбери (Австралия) и

^ Wang Shu at the Xiangshan campus of the China Academy of Art. Photo by Zeng Han / Ванг Шу в Сяньшанском кампусе Китайской академии искусств. Фото Цэнг Хан

> The winning project "resonance, memory". Photo by Velux / Проект-победитель «Резонанс. Воспоминания». Фото VELUX

the Architects' Regional Council – Asia (ARCA-SIA) in 2013. She became president elect in 2011, and succeeds Japanese architect George Kunihiro. Pei Ing is very active in the work of the Malaysian Institute of Architects, of which she served as president, and has represented her country on the international level as an alternate member of the UIA Council (2008-2011). She is also the president of Architecture for Humanity Malaysia. Both architect and designer, she runs her own studio, PI Architect, since 1989, and her realisations have been recognised by a number of prizes.

<http://www.arcasia.org/>

**REGION II
YOUNG ARCHITECTS INTERNATIONAL PRIZE
Temporary Shelters**

The Turkish Chamber of Architects and its Antalya branch has launched the 5th edition of an international prize for young architects, born

after 1974. This prize recognises the winners of an international ideas competition regarding temporary shelters. The need for temporary shelters seems to be ever growing, whether they are destined for disaster victims or poor people left behind by society. The role and response of architects in this context, to which they are little accustomed, is the object of this competition and a debate that will follow in Antalya, on 25 May 2013. The deadline for registration and submitting projects is 15 March 2013. The UIA has supported this initiative since 2010.

<http://www.youngarchitectsmeeting.com/ana.cfm?PgID=146>

**OSCAR NIEMEYER 1907-2012, BRAZIL
UIA President Albert Dubler message**

"The world community of architects has lost a symbolic figure, an immense creator, a man of action, a man of heart.

Oscar Niemeyer passed away yesterday, in Rio. He was in his 104th year. Messages of homage to this acknowledged master of modern architecture are flowing in from all over the world.

The International Union of Architects would like to salute his enormous contribution to the architectural and urban heritage of the XX century but also his commitment to the city, to justice and solidarity.

On behalf of the International Union of Architects, I should like to address my most sincere condolences to his family and loved ones/friends, to the Brazilian Institute of Architects and fellow architects in Brazil and throughout the world, on the occasion of this loss that affects us profoundly."

Albert Dubler

UIA President, 06 December 2012

More information:

www.uia-architectes.org

Пер Арнольд Андерсен (Дания), представитель компании VELUX.

Пятая сессия международного конкурса была объявлена компанией VELUX на Всемирном конгрессе МСА в Токио в сентябре 2011 года.

Регистрация участников следующей сессии будет открыта в октябре 2013 года.

Проекты:

http://iva.velux.com/about_the_award/winners2012

Церемония награждения в музее Серральвес по проекту Альваро Сиза в городе Порту:

<http://www.youtube.com/watch?v=wXTD5szbT08>

АРКАЗИЯ

Пей Инг Тан – президент Арказии

Пей Инг Тан займет пост президента Регионального архитектурного совета стран Азии (АРКАЗИИ) в 2013 году, сменив японского архитектора Джорджа Кунихино согласно результатам выборов 2011 года. Пей Инг принимала активное участие в работе Малазийского института архитекторов в качестве его президента и представляла Малайзию на международном уровне, являясь заместителем члена Совета МСА с 2008 по 2011 годы. Она также возглавляет малазийское отделение ассоциации «Архитектура для человечества». С 1989 года работает архитектором и дизайнером в собственной студии PI Architect, ее работы были удостоены множества наград.

<http://www.arcasia.org/>

**РЕГИОН II
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАГРАДА ДЛЯ
МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ**

Временные укрытия

Палата архитекторов Турции и ее отделение в Анталии объявили об открытии V Международного конкурса молодых архитекторов, рожденных после 1974 года. Будут награждаться победители из разных стран, представившие свои идеи на тему временных укрытий.

Потребность в таких укрытиях постоянно растет, будь то убежища для жертв катастроф или для бедных людей, оставшихся на обочине жизни. Определение роли архитекторов в этом малоизвестном для них контексте станет основной задачей конкурса, после которого, 25 мая 2013 года, состоится дискуссия на данную тему. Конечный срок регистрации и представления проектов – 15 марта 2013 года. Конкурс проходит при поддержке МСА с 2010 года.

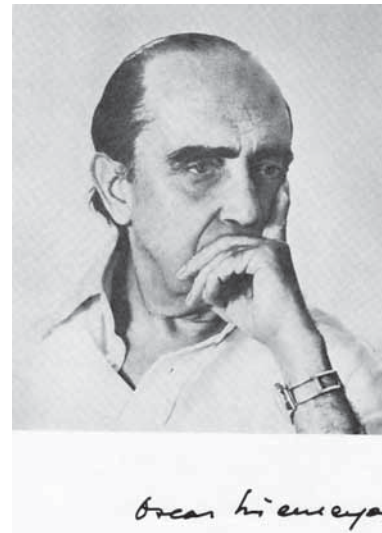
<http://www.youngarchitectsmeeting.com/ana.cfm?PgID=146>

**ОСКАР НИМЕЙЕР (1907–2012),
БРАЗИЛИЯ**

Послание президента МСА Альберта Дублера

«Мировое архитектурное сообщество потеряло символическую, бесконечно творческую личность, человека дела, человека сердца.

Оскар Нимейер ушел от нас вчера в городе Рио-де-Жанейро в возрасте 104

Oscar Niemeyer

< Architect Oscar Niemeyer/
Архитектор Оскар Нимейер

лет. Со всех концов света приходят письма, свидетельствующие о глубочайшем почтении, которое испытывают люди по отношению к общепризнанному мастеру современной архитектуры.

Международный союз архитекторов выражает признательность за его огромный вклад в архитектурное и градостроительное наследие XX века, а также за его преданность городу, принципу справедливости и солидарности.

От имени Международного союза архитекторов я хотел бы передать свои соболезнования его близким и друзьям, Бразильскому институту архитекторов и его коллегам из Бразилии и других стран по случаю его кончины, глубоко потрясшей всех нас».

Альберт Дублер

Президент МСА,

6 декабря 2012 года

www.uia-architectes.org

< The Brazilian National Congress. Architect Oscar Niemeyer, 1958 / Здание Национального Конгресса (Бразилия). Архитектор Оскар Нимейер, 1958

Les Ateliers
de Cergy

> Директор Les Ateliers
Николя Детри

Летним градостроительным мастерским в Сержи-Понтуаэ – 30 лет

текст
Александра Козак

10

«В мире существует несколько площадок, где свобода выражения идей и мнений, совместное творчество людей разных культур из разных областей градостроительства в сочетании с истинным профессионализмом позволяют нам размышлять и работать над пространствами, где живут люди: города!»

**Пьер-Андре-де-Перисоль,
президент Les Ateliers**

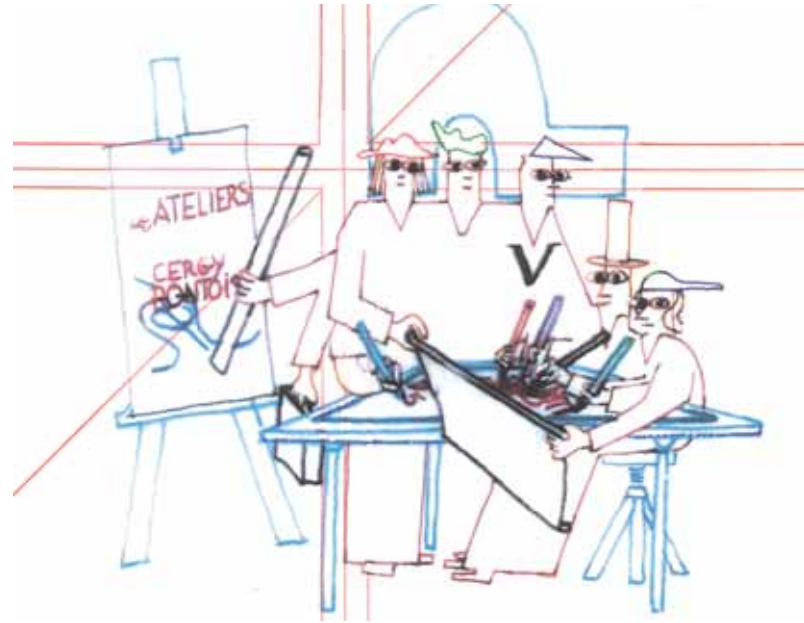
Чудесным летним вечером 30 сентября 2012 года в небольшой деревне под Парижем собралось около ста человек. Поводом для этой вечеринки стало празднование 30-летия Les Ateliers. За столами сидели люди разного возраста и национальной принадлежности, объединяла их причастность к этому проекту на протяжении всех 30 лет в разных уголках земного шара и в разное время.

Со стороны все это выглядело как встреча старых друзей, где каждый чувствовал себя частью большой дружной творческой семьи. Мне повезло быть там, среди новых и старых знакомых. Я узнала о Les Ateliers в 2004 году, когда впервые пришла хэлпером на сессию Зимнего университета.

Les Ateliers – летние градостроительные мастерские – были основаны в 1982 году. Идейным лидером и вдохновителем стал и по сей день остается французский архитектор и градостроитель Бертран Варнье.

Главная идея воркшопа – это командная работа молодых специалистов в области архитектуры, транс-

> Основатель Les Ateliers
Бертран Варнье

winter
university

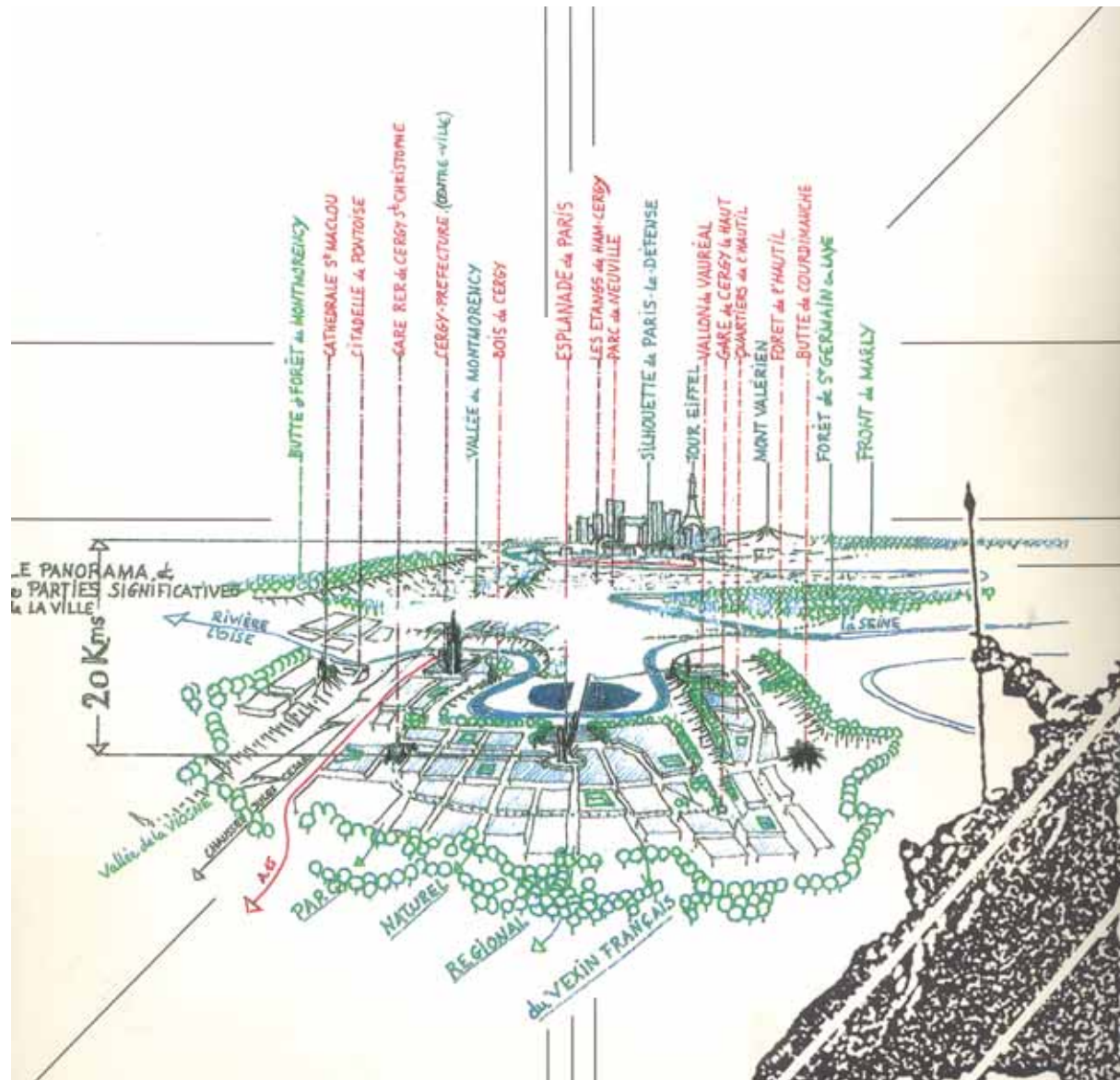
МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАЙКАЛЬСКИЙ
ЗИМНИЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

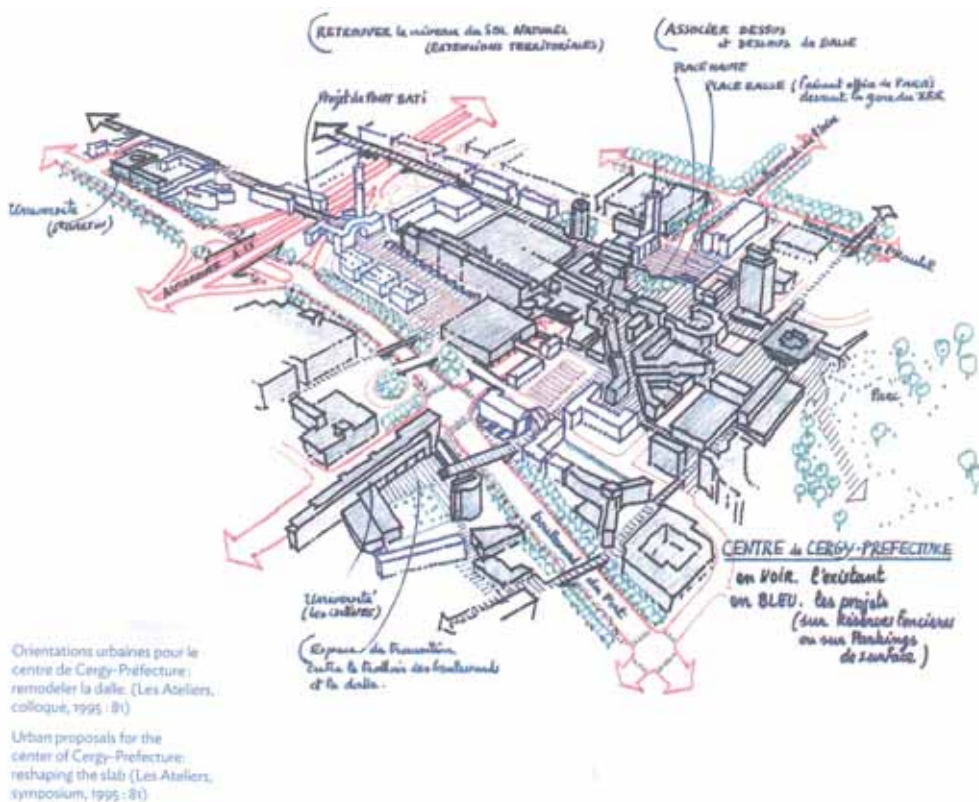
порта, ландшафта, экономики и экологии над сложными вопросами градостроительного планирования. Участники собираются в сентябре под Парижем в Школе искусств Сержи-Понтуаза и за три недели в командах по шесть человек проектируют и творят в режиме нон-стоп. Время пролетает стремительно! Экскурсии, визиты на площадки, постоянный брейн-сторм, отчетные презентации и самое ответственное – финальная защита проектов, по итогам которой определяется победитель конкурса.

Самое важное в принципе проведения летних мастерских – это возможность неограниченного творчества ребят. Здесь не ставятся рамки, наоборот, организаторы всегда ждут от команд новых нестандартных решений, пусть и не всегда реальных, но прогрессивных для своего времени. Концепция, стратегия – этапы подготовки проекта, которые формируют различные позиции, и поэтому по результатам воркшопа на суд жюри выносятся интересные и очень разные проекты.

Летние мастерские Сержи-Понтуаза довольно быстро вышли за рамки проектирования пригородов Парижа и стали основным инструментом поиска градостроительных решений для всего региона Иль-де-Франс.

Участники воркшопа, по сути, конкуренты, расстаются лучшими друзьями. С каждым годом их становится все больше и больше (теперь это уже тысяча человек), они не теряют контакта между собой, совершенствуются и возвращаются на проект уже ассис-

стентами и экспертами. Ежегодно на летнюю мастерскую в Сержи-Понтуаз своих выпускников или студентов посылают около 50 университетов со всего мира.

На праздник – 30-й день рождения Les Ateliers – собрались участники проекта, оргкомитет, спонсоры и просто друзья. В режиме конференции были представлены недавние проекты – результат профессиональных мастерских, которые были организо-

ваны Les Ateliers пять лет назад и проходят в Китае, Индии, Колумбии, Вьетнаме, России и Африке. Учитывая актуальность проблем урбанистики во всем мире, в год Les Ateliers проводит 3–5 профессиональных воркшопов.

У Les Ateliers есть два главных дочерних проекта – Зимний университет в Иркутске (ему 13 лет) и Atelie в Порто-Ново (три года). В основе этих проектов – общая система: в конкурсе принимают участие пять команд, три-

дцать участников, срок работы – три недели.

Очередная, 14-я сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета на тему «Модернизация городской среды. Формирование системы общественно-рекреационных пространств в городе» состоится в Иркутском государственном техническом университете с 1 по 24 февраля 2013 года. Программой сессии также предусмотрено проведение 20–21 февраля международного научно-практического симпозиума.

В тринадцати прошедших сессиях Зимнего университета приняли участие профессор, студенты, аспиранты 47 университетов более чем из 30 стран мира. Проведение международных конкурсов дает стимул не только для студентов и молодых профессионалов, но и для практикующих архитекторов, градостроителей, руководителей предприятий, представителей администрации различного уровня.

Основная цель проекта – привлечение молодежи к участию в международных образовательных проектах, формирование высокой профессиональной и общественной градостроительной культуры в решении актуальных проблем города. Концепция организации работы университета заключается в создании конкурсных программ для проектных групп, сформированных из представителей разных стран, культур, молодых специалистов с различной профессиональной подготовкой.

XLVIII Международный конгресс городских и региональных планировщиков ISOCARP-2012 (10–13 сентября, 2012 г.)

В Перми завершилась работа Международного конгресса городских и региональных планировщиков ISOCARP-2012. Ежегодный Конгресс ISOCARP – наиболее авторитетная международная экспертная площадка по вопросам развития современных городов, урбанистики, пространственного планирования, создания комфортной среды для жителей городов и регионов. В мероприятии традиционно принимают участие профессионалы и эксперты из нескольких десятков стран.

Центральной темой Конгресса-2012 стали вопросы динамичного развития городов и связанные с этим угрозы и возможности. Эксперты подвели его итоги, объявили имя нового президента ISOCARP и место проведения следующего конгресса.

«Я рад, что первый Конгресс ISOCARP в России прошел в Перми. Столица Западного Урала известна активностью в градостроительной сфере. В Перми идет активный процесс урбанизации, он включает в себя как европейские, так и азиатские черты. Сегодня город модернизирует свою инфраструктуру, используя передовой мировой опыт, – подчеркнул присутствующий на закрытии конгресса губернатор Пермского края Виктор Басаргин. – Предсказание будущего – дело неблагодарное, но очень важно обменяться мнениями для определения направления развития».

Губернатор Пермского края также отметил, что сегодня развитие городов должно быть сориентировано на интересы человека. В мегаполисах важно сделать акцент на развитии

досуговой сферы, внутригородской инфраструктуры и организации многофункциональных общественных пространств, в крупных промышленных городах необходимо обратить внимание на вынос производства за границы жилых зон, малые города должны взять курс на индустриализацию и развитие туризма.

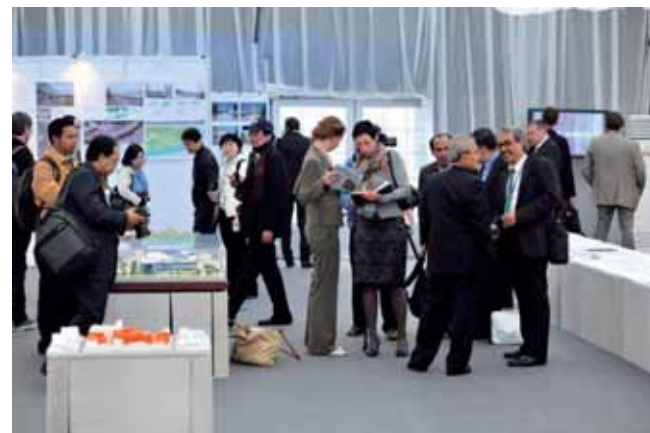
Игорь Сапко, пермский градоначальник, подчеркнул важность конгресса для города: «Мы были одними из первых в градостроительных инновациях в России. Дискуссия вокруг Генерального плана и Мастер-плана Перми получилась очень активной, в ее ходе были высказаны противоречивые мнения, которые мы учтем в дальнейшей работе. Очень интересным получился разговор по развитию общественных пространств, ведь город – это не только улицы и дома, а все то, что нас окружает».

Подводя итоги конгресса Джереми Докинс (Австралия), вице-президент ISOCARP по проведению Конгресса отметил: «Вряд ли можно назвать более сложный механизм, нежели город. Следовательно, задачи по планированию не ограничиваются собственно проектными работами. Факторы, стоящие за происходящими в настоящее время изменениями, крайне сложны, но это делает работу градопланировщика бесконечно интересной».

Коллегу поддержал Стефан Рау (Германия, Филиппины), главный докладчик Конгресса ISOCARP-2012: «Одна из мегатенденций современного мира – быстрая урбанизация, особенно эти процессы свойственны развивающимся странам Африки и Азии.

Рост городов будет продолжаться: в 2050 году городское население составит семьдесят пять процентов всех жителей Земли, это три миллиарда человек. Мы должны понимать ключевые принципы, которые позволяют сегодня сориентироваться в ситуации и спрогнозировать развитие в будущем. Я считаю, что очень полезным оказался опыт развивающихся стран, они предложили решение проблем, актуальных сегодня для развитых стран».

В заключение конгресса был объявлен город проведения ISOCARP-2013. Им стал австралийский город Брисбен. Тема следующего конгресса – вопросы разрастания городов и определения их границ. Новым избранным президентом Международного общества городских и региональных планировщиков стала Милица Бажич-Бркович (Сербия).

От редакции. В Международном конгрессе городских и районных планировщиков ISOCARP, прошедшем в Перми 10–14 сентября 2012 года, принял участие (с докладом и выступлениями в дискуссиях) наш коллега проф. М. Г. Меерович. Его выступление привлекло всеобщее внимание и было, пожалуй, единственным, представленным в Интернете в виде интервью (<http://aktualno.ru/view/ru/isocarp2012/8764>; <http://echorperm.ru/efir/322/32500> и др.). Причина в том, что и доклад, и выступления были единственными критическими на фоне всеобщей благодушной атмосферы красочных рассказов о будущем человечества по территории планеты, о мировых трендах урбанистического развития территорий и идеологических призывов к скорейшему и всеобщему использованию в России и других странах передового европейского и американского опыта регионального и городского планирования и проектирования.

Доклад М. Г. Мееровича был опубликован нами в форме статьи в предыдущем номере ПБ. Эта статья настолько не понравилась иностранным организаторам конгресса, что они отказались публиковать ее в сборнике материалов конгресса, куда вошли все тексты докладов так называемых ключевых спикеров, в числе которых был и наш коллега. Сам доклад отменить они не смогли, так как на его включении в программу конгресса настоял Дмитрий Наринский, руководитель координационного комитета RUPA – НП «Объединение планировщиков» (Russian Urban Planners Association), выступавший в роли соорганизатора конгресса с российской стороны. А вот заранее запланированное приветственное слово на открытии Форума мэров российских городов, проходившего в рамках конгресса, М. Г. Мееровичу произнести не удалось.

Редакция публикует текст этого несостоявшегося выступления, так как нам кажется, оно представляет интерес, особенно на фоне развертывающейся сегодня кампании против наличия в городах и губернских правительствах градостроительных советов.

Приветственное слово на открытии Форума мэров российских городов в рамках XLVIII Международного конгресса городских и региональных планировщиков ISOCARP-2012 (Пермь, 10–14 сентября 2012 г.)

текст
Марк Меерович

Я хотел бы начать свое приветствие с констатации очевидной истины, которую почему-то все предпочитают замалчивать: фактически все решения по поводу городской политики – хозяйственные, экономические, организационные, коммунальные, инфраструктурные и прочие – принимаются российскими мэрами исходя не из хозяйственных, экономических, коммунальных и других соображений, а из политических резонансов.

Любой мэр формирует «свою команду», чтобы обсуждать с доверенными людьми политическую ситуацию, точно понимать ее и на основе этого понимания принимать тактические и стратегические решения. Причем эта «команда» удерживает за собой ключевые посты в административной структуре, не растворяясь в штате исполнителей – сотрудников администрации.

Городское управление – это бюджетораспределение. И надеяться сегодня на рациональность распределения городских бюджетов в наших городах бесполезно. Прежде всего потому, что на формирование бюджета те, кто расходует деньги, сегодня фактически никак не влияют. Бюджет подобен стихии, посланной свыше – из недр федеральной власти. На этом фоне эпизодические «купли-продажи» земли и прочих ресурсов, происходящие на местах, – не в счет: финансового климата они не создают.

Причем следует особо подчеркнуть, что население российских городов к распределению городского бюджета не имеет никакого отноше-

ния. Реально оно никак не допущено к нему и абсолютно на этот процесс влиять не способно.

Подобное положение – это исключительно советское наследие. В дореволюционной России ситуация была совершенно иной. Например, в «городах-садах» – пригородах, которые строились возле крупных российских городов в самом начале века, жильцы сами решали, каких инвесторов и с какими целями впускать на территорию, т. е. что следует строить на землях поселения, чтобы не испортить качество среды, но при этом ухитряться получать максимальную ежегодную ренту, дабы направлять ее на общественное строительство и благоустройство. На Западе до сих пор именно так все и происходит. А вот на Востоке (в Китае, Индии, странах бывшего СССР) все обстоит по-другому – также, как и у нас. Я с нетерпением жду выступления наших коллег – участников конгресса из стран Европы и Азии, надеюсь, что они детально и с реальными примерами осветят этот вопрос и расскажут нам о состоянии дел с «механикой» городского планирования, а также с формированием и распределением городского и регионального бюджетов в своих странах.

Прямым выводом из описанной мной ситуации является то, что мэрам российских городов качественное, рациональное, умное, какое-то особенное – уникальное градоформирование сегодня абсолютно не нужно. Высшее руководство городов мыслит не критериями качества городской среды, а феноменами политической

действительности. А решения, принимаемые в рамках этой действительности, во многом связаны с внешними, «внегородскими» тенденциями и трендами – с общегосударственной градостроительной политикой, неписаными правилами назначения на «выборные» должности, с показателями ежегодной отчетности мэров и губернаторов о своей деятельности и т. п.

Решения, принимаемые в рамках этой политической действительности, сильно зависят и от подбора той референтной группы, которая в качестве привлеченных советников и консультантов – членов различных советов (художественных, градостроительных, по культуре, по транспорту, по жилищной политике, по... и т. д.) «интеллектуально» обслуживает городское руководство. Это тоже советское наследие, потому что первых секретарей горкомов коммунистической партии (которые, по сути, и являлись «мэрами» советских городов, несмотря на формальное наличие председателей исполкомов) всегда окружал тесный референтный круг лиц, собранных по принципу «места, занимаемого в должностной иерархии»: ректор экономического вуза, председатель местного отделения Академии наук, председатели областных отделений союзов архитекторов и художников, директор драматического театра, директор авиа-, станкостроительного или металлургического заводов, какой-нибудь заслуженный горняк или строитель и др. У них и спрашивали «советов». Наиболее мудрые из них

(и, как следствие, наиболее успешные в карьерном плане) с реальными советами «как сделать лучше» не лезли, а верно угадывали уже вызревшие в верхах решения и лишь услужливо обосновывали их либо житейской мудростью, либо пролетарской сметкой, либо научными данными.

Сегодня те руководители российских городов, которые реально заинтересованы в определении стратегии и тактики их существования и развития, невольно повторяют советские ошибки. Потому, что формируют референтный круг специалистов по тому же принципу. В результате сегодняшние градостроительные советы почти в точности копируют советские прототипы – поддерживают и обосновывают уже подготовленные решения.

Подчас мэры, чтобы не выносить сор из избы, окружают себя только людьми своей команды, которые в реальных городских проблемах, как правило, ничего не смыслят. Это также приводит к тому, что совещательные органы при мэриях не превращаются в реальные интеллектуальные центры.

Сегодня мэрам российских городов нужны подлинные общественные экспертные советы (в том числе и градостроительные), собранные из настоящих специалистов, из теоретиков и практиков, из местных умников и грамотеев. Но не в роли подсказчиков в принятии решений. Любой мэр, как я уже сказал, любое решение принимает сам. Причем исходя из соображений политики, а не из количества

колдобин на старом асфальте.

Общественный совет нужен мэру для того, чтобы анализировать те проблемы, которые непонятно как решать. Перед общественными экспертами мэр должен формулировать эти проблемы и просить членов совета рекомендовать ему профессионалов, которые эти проблемы смогут решить, потому что имеют успешный опыт работы в других местах над решением аналогичных вопросов. Например, собирает мэр такой общественный экспертный совет и говорит: «Проблему я вижу так-то и так-то. Неразрешимым является то-то и то-то... На сегодня все. Жду ваших предложений через неделю...» Через неделю члены совета собираются и докладывают: «Есть такой-то специалист – в Барселоне, или в Шанхае, или в Иркутске. Вот что он написал (как пример того, как он осмысляет подобные проблемы). Вот какие аналогичные проблемы он уже решал. Вот какими специфическими методами он пользовался. Вот, что он сделал, сообразно специфике места. А вот какие результаты получились в итоге – вот проекты, фотографии, экономические расчеты... как примеры того, как он действовал...» Заседание общественного совета – это не советы, какое решение принять, а конкуренция в презентации профессионалов – исполнителей решения конкретных городских проблем.

Получив от экспертов описание «методологии» решения аналогичных ситуаций (причем методологию, «сидящую» на конкретных профес-

сионалах), итоговое решение мэр примет сам. И примет все равно исходя из политических реалий. Потому что для умных и амбициозных людей «мэрство» – это путь вверх – в большую политику (или в правительственную номенклатуру). Или в крупный бизнес...

Кстати, опыт Перми, которая гостеприимно принимает наш международный конгресс, дает прекрасный аналитический материал для извлечения опыта подобной организационно-управленческой работы.

Я надеюсь, что на форуме нам удастся поговорить о том, как сделать «городской» этап служебной карьеры мэра осмысленным и продуктивным. Мы сумеем обсудить, каким образом можно превратить городское планирование, городское обустройство, градоформирование и для мэров лично, и для людей его команды в реальный социальный лифт в большую должностную вертикаль. Или превратить в трамплин для прыжка в крупный легальный бизнес. Как сделать так, чтобы результаты деятельности городской администрации приносили пользу горожанам. А самому мэру и людям его команды – удовольствие (а не ежедневную тяготину).

С особым чувством я приветствую участников этого форума – мэров. Тех, кто приехал сюда не по предписанию своей должности (которая по большому счету ничего подобного от мэра не требует), а по движению личного духа и зову персонального интереса.

Успешной работы и успешной карьеры вам!

Иркутская архитектурная школа: итоги XXI Международного смотр-конкурса дипломных проектов выпускников архитектурных вузов 2012 года

текст
Евгений Хохрин
Сергей Смольков

СС 16 по 23 сентября 2012 года в Красноярске Советом Межрегиональной общественной организации содействия архитектурному образованию (МООСАО) был проведен XXI Международный смотр-конкурс дипломных проектов по архитектуре и дизайну. Более 500 наиболее интересных работ выпускников 2012 года разместились в стенах Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета. Студенты архитектурного факультета ИрГТУ принимают участие в этих конкурсах с 1978 года.

История конкурса началась с 1970 года: тогда Совет по архитектурному образованию Союза архитекторов СССР решил отслеживать тенденции в архитектурном образовании, ежегодно проводя конкурс дипломных проектов. С распадом СССР смотр-конкурс изменил границы и состав участников; к началу XXI века в состав МООСАО входило более 50 участников из вузов России и стран ближнего зарубежья. Со временем жюри наравне с дипломными проектами по архитектуре стало принимать дипломные проекты по дизайну. Место проведения смотра-конкурса – город и принимающее учебное заведение – ежегодно определяется на общем собрании представителей вузов – членов МООСАО. В 2011 году конкурс проходил в Ереване (см. ПБ31, с. 37–39).

В 2012 году архитектурную школу Иркутска представляли зав. кафедрой архитектурного проектирования доц. Е. В. Хохрин, зав. кафедрой градостроительства проф. А. Г. Большаков и ст. преподаватель кафедры архитектурного проектирования С. А.

Смольков. Международный Байкальский зимний градостроительный университет на конференции представляла заместитель директора, аспирант кафедры архитектурного проектирования А. В. Потапова. Для участия в конкурсе от Института архитектуры и строительства ИрГТУ было отобрано восемь дипломных проектов.

Отличительной особенностью программы 2012 года было изменение в структуре работы комиссий общественной референтуры. Традиционно они формировались по типологическому принципу: градостроительство, архитектура жилых и общественных зданий, реконструкция и реставрация памятников архитектурного наследия и т. д. В Красноярске комиссии формировались иначе: ими рассматривались итоги работы по всем направлениям и специальностям каждой из представленных школ. Е. В. Хохрин принял участие в работе комиссии N 6 (председатель проф. Е. Ю. Прокофьева, МАрХИ), С. А. Смольков – в комиссии N 3 (проф. А. Л. Гельфонд, Нижегородский ГАСУ).

20 сентября состоялись встречи-семинары на профилирующих кафедрах. Зав. кафедрой архитектурного проектирования Сибирского федерального университета Александр Васильевич Слабуха поделился опытом работы в рамках учебных программ кафедры. Особый интерес для иркутян представлял опыт подготовки и презентации портфолио выпускника, которое готовится в процессе обучения, публикуется на сайте и в обязательном порядке должно быть представлено вместе с дипломным

проектом. Авторский курс по архитектурному (проектному) эскизированию представил доцент кафедры архитектурного проектирования, главный архитектор г. Дивногорска Валерий Васильевич Гребешков. Он подчеркнул важность эскизной работы архитектора, умение оформлять свои идеи в «ручной графике». Студенты в подавляющем большинстве проектируют и оформляют курсовые проекты на компьютере, но консультации по проекту проводятся только «на бумаге».

На мастер-классе по проблемам магистерского образования подробно рассматривался 13-летний опыт подготовки магистров в УралГАХА: формы и содержание магистерской образовательной программы, тематику и задачи теоретических курсов и практических занятий. Его проводила автор книги «Магистратура в архитектуре» проф., проректор по учебной работе УралГАХА Людмила Петровна Холодова. Она подчеркнула важность проведения предпроектных исследований, теоретического обоснования и концептуальной проработки проектного решения.

А. В. Потапова и Е. В. Хохрин представили результаты своей работы на Международной научно-методической конференции Перспективы архитектурно-художественного образования». В статье Е. В. Хохрина, Б. Энгель, А. В. Потаповой «Международная интеграция национальных образовательных подходов в государственной аттестации по направлению "архитектура"» обозначены основные тенденции архитектурно-градостроительного образо-

вания в Иркутске в условиях международной интеграции национальных образовательных стандартов. Опыт многолетнего международного сотрудничества с Техническим университетом Дрездена в завершающей части образовательного процесса – дипломном проектировании – особенно важен для научно-исследовательской составляющей дипломного проекта.

Проректор по учебной работе МАрХИ проф. М. В. Шубенков на встрече с участниками соглашения отметил, что одной из приоритетных задач, стоящих перед ними, является формирование единого информационного пространства. Сюда входит и создание механизма для вовлечения в процесс научной и образовательной интеграции всех профильных региональных учебных заведений и научных учреждений. Ее цель – создание новых технологий, повышение профессиональной квалификации и переподготовка строительных кадров всех уровней. Участники встречи обсудили соглашение о стратегическом сотрудничестве в области архитектурного образования и научных исследованиях. Приоритетными названы совместные образовательные инициативы, включая создание и использование инновационных технологий опережающего обучения всех уровней, формирование инновационной инфраструктуры, развитие научно-исследовательской деятельности в отрасли на основе эффективной реализации научного и творческого потенциала сотрудников вузов, развитие приоритетных исследовательских направлений, направленных на созда-

ние учебных и научно-исследовательских центров мирового уровня, коммерциализацию и трансферт архитектурно-строительных технологий в реальный сектор экономики. Для реализации решений сформирован единый совместный орган управления – Совет стратегического партнерства в составе уполномоченных представителей вузов – участников соглашения. Возглавляет Совет ректор МАрХИ Д. О. Швидковский.

Московский архитектурный институт выступил с инициативой создать независимую ассоциацию архитекторов школ с целью защиты интересов профессионального образовательного сообщества.

Список дипломных проектов и награждений

Дипломы МООСАО 1-й степени

1. Наталья Зарубина. Сибирское барокко в деревянной архитектуре Иркутска XIX в. Грамота Международной ассоциации Союза архитекторов, почетная грамота Союза строителей Красноярского края «За сохранение традиций деревянного зодчества». Руководитель проф. М. Г. Меерович.

2. Алина Леонова. Реконструкция района Фридрихштадт в г. Дрездене. Руководители проф. В. В. Козлов, проф. Б. Энгель.

Дипломы МООСАО 2-й степени

3. Александр Тюрюмин. Мемориальный парк «Иерусалимская гора». Руководитель доц. А. А. Ляпин.

4. Агата Карпеченкова, Юлия Савинова. Реконструкция логики фор-

мообразования православного храма в контексте исторической застройки центра города Иркутска. Храм Покрова Богородицы на Нижней набережной р. Ангары. Руководитель доц. Е. В. Хохрин.

5. Мария Красюкова. Гостиничный комплекс на 530 мест в Свердловском районе г. Иркутска. Руководитель доц. И. Е. Дружинина.

6. Андрей Бутвин. Общественно-культурный центр им. Юрия Тена в микрорайоне Университетском г. Иркутска. Руководитель доц. Е. В. Хохрин.

7. Алексей Ануфриев. Спортивный комплекс на о. Конный в г. Иркутске. Руководитель проф. А. Г. Большаков.

8. Мария Маркова. Многоуровневая рекреация в структуре городской среды г. Иркутска. Руководитель доц. И. Б. Дагданова.

Профессор М. Г. Меерович награжден грамотой МООСАО. Профессору кафедры архитектурного проектирования В. В. Козлову присвоено звание почетного члена МООСАО.

XX Международный фестиваль «Зодчество-2012»

XX Международный фестиваль «Зодчество-2012» прошел в московском Манеже 11–12 декабря под девизом «Новое». Новое действительно присутствовало, и это было не только время проведения (обычно фестиваль проходит в октябре). Новые дизайнеры, известные Владимир Кузьмин и Влад Савинкин, предложили новое видение архитектуры выставочного пространства с помощью подручных средств – строительных лесов, обмотанных ярко-оранжевым скотчем (2).

Первым мероприятием фестиваля была церемония награждения победителей международного конкурса на концепцию Новой Москвы (1, 3).

Важным и тоже новым событием фестиваля стало подписание четырехстороннего соглашения о профессиональном и творческом сотрудничестве между Белорусским союзом архитекторов, Союзом архитекторов Республики Казахстан, Союзом архитекторов России и Национальным союзом архитекторов Украины.

Особым вниманием участников и посетителей фестиваля пользовались павильон Фонда Чернихова (4) и

выставка «Советский модернизм: образ времени» (кураторы Ольга Казакова и Феликс Новиков).

Новшеством был и состав жюри – полностью международный с единственным представителем из России – Александром Асадовым, обладателем «Хрустального Дедала – 2011». Интересно, что выбор членов жюри, архитекторов из Сербии, Чехии, Венгрии, Беларуси, Латвии, пал на зарубежный объект российского архитектора. Это ново и, может быть, даже симптоматично. Похоже, что в Казахстане проще, чем в России, реализовать объект в полном соответствии с проектом даже в короткие, авральные, по словам автора Никиты Явейна, сроки.

Такая у нас ситуация, что постройка – это смерть проекта (Григорий Ревзин).

Итак, по решению жюри главные награды фестиваля уехали в Санкт-Петербург: Гран-при – национальную премию в области архитектуры «Хрустальный Дедал» – получила «Студия 44» (Никита Явейн) (6) за Дворец творчества школьников в Астане в Республике Казахстан, а

Премии Татлина за лучший проект – мастерской «А. Лен» за архитектурную концепцию Российского центра науки и культуры в исламской Республике Афганистан. Победителям юбилейного фестиваля впервые вместе с дипломами вручались новые награды – «Золотой знак» и «Серебряный знак».

«Зодчество» – действительно единственная выставочная площадка, где можно одновременно увидеть результаты архитектурной и градостроительной деятельности многих городов и регионов России. Сибирь и Дальний Восток тоже были представлены. В отличие от Хабаровского края, для которого участие в конкурсе «Архитектура и градостроительства регионов и городов» стало традицией (участвует подряд уже 15 лет), Иркутская область показала себя только во второй раз. Тем почетнее диплом (5), полученный за иркутскую экспозицию, которая пользовалась популярностью у посетителей выставки и высоких гостей (фото на следующей странице).

фото
Владимир Распутин
Елизавета Санникова
Пресс-служба фестиваля
«Зодчество»
www.zodchestvo.com

↳ Председатель жюри
смотря-конкурса
«Архитектура и градостроительство регионов и городов» Виктор Чурилов вручает диплом главному архитектору Иркутской области Екатерине Протасовой

ЕГ

Экспозицию Иркутской области посетили почетный президент Союза архитекторов России Юрий Гнедовский, президент СА России Андрей Боков, заместитель мэра Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства Марат Хуснуллин, министр в Правительстве Москвы Александр Кибовский (возглавляет комитет по культурному наследию), архитекторы Евгений Пхор, Александр Асадов, Александр Колесников, Андрей Черников (куратор Фестиваля) и многие другие.

На XX фестивале «Зодчество» вновь прекрасны детство и отрочество!

Предшествующая и окружающая XX Международный фестиваль «Зодчество-2012» обстановка была, с моей точки зрения, не самой благоприятной как для архитектуры в целом, так и для детского архитектурно-художественного творчества.

Казалось незыблемым, что архитектура как вид искусства входит в сферу духовной культуры, эстетически формируя окружение человека и выражая общественные идеи в художественных образах. Этого не признают чиновники, подчиненные министру культуры Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору, члену Союза писателей России Владимиру Ростиславовичу Мединскому.

Специально для них, не относящих архитектуру к сфере культуры, привожу обширную цитату из Терминологического (М., 1997) и Лингвострановедческого (М., 1984) словарей: «Архитектура или зодчество – здания, другие сооружения или их комплексы, образующие материальную, художественную организованную среду жизнедеятельности человека. Как часть материальных средств существования людей она принадлежит к сфере материальной культуры, но как важный вид пластических искусств – к сфере духовной художественной культуры. Эстетически формируя жизненную среду общества, архитектура выражает специфическими художественными формами господствующие представления своей эпохи, идеи и устремления своего общества. В архитектуре взаимосвязаны функционально-технические и духовно-эстетические

начала: она базируется на триединстве пользы, прочности и красоты. В этом качестве она служит основой объединения скульптуры, живописи и других пространственных и временных видов художественного творчества. Недаром архитектуру называют «матерью всех искусств». В силу своей открытости массам, а также стабильности и прочности своих творений архитектура более других искусств способна передать социально организующий аспект современного ей идеала, дух упорядоченности и разумной закономерности».

В непростом положении оказалось и детское архитектурно-художественное творчество. В недрах ведомства министра образования и науки Российской Федерации, доктора физико-математических наук, профессора Дмитрия Викторовича Ливанова не признают, что этот вид дополнительного предпрофессионального образования относится к сфере искусств. Кстати, и с высшим архитектурным образованием по новому рейтингу, составленному силами министерства, Московский архитектурный институт (Государственная академия) получил отрицательную оценку. А вот Валидационный совет ЮНЕСКО Международного союза архитекторов по архитектурному образованию считал иначе и «единогласно принял решение признать валидацию (2011–2016 гг.) учебной программы по архитектуре в МАРХИ, аккредитую ее качество, соответствующим Хартии ЮНЕСКО – МСА по архитектурному образованию».

Наконец, намечающиеся в Департаменте культуры Москвы реорганизационные мероприятия также отвергают принадлежность детского архитектурно-художественного творчества к сфере искусств. Помимо этого, руководитель департамента Сергей Александрович Капков, обучавшийся в свое время в аспирантуре Волгo-Вятской академии государственной службы по специальности «социальная философия», пришел к социально философскому выводу, что архитектура (имея в виду предстоящий в московском Манеже XX Международный фестиваль «Зодчество-2012») совсем не представляет интереса для народа.

Последним мазком в картине обстановки, окружающей фестиваль, явился Второй московский урбанистический форум 4–5 декабря 2012 г. Чтобы зарегистрироваться участником форума, нужно было указать вид своей деятельности, причем не произвольно, а из представленного организаторами форума перечня. В этом перечне не было ни архитектуры, ни градостроительства, ни даже соответствующей наименованию форума урбанистики. Здравствуйтесь! Приехали!

И тем не менее она вертится! Выставка как визуальный итог XX Международного фестиваля «Зодчество-2012» в Манеже прошла. В двадцатый раз неотъемлемой и эмоционально выразительной частью фестиваля стал смотр детского архитектурно-художественного творчества. Только в этот раз организаторы фестиваля на всех участников детского смотра выделили всего одну

^ Рис. 1. Архитектурно-художественный факультатив МОУ ДОД ЦЭВД «Пурга кизилюос» («Малопургинские звездочки») (директор О. Л. Панфилова, руководитель проекта К. Ш. Галиханов, педагог А. К. Галиханов, село Малая Пурга, Малопургинский район, Республика Удмуртия). Диплом фестиваля, диплом Международного архитектурно-благотворительного фонда им. Якова Чернихова

^ Рис. 2. Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь!» (учредители Дина Корзун, Чулпан Хаматова). Диплом фестиваля

^ Рис. 3. На церемонии награждения председатель жюри смотра-конкурса Эдуард Товмасьян был искренен и точен: «Пускай министр культуры не считает архитектуру искусством, пускай департамент культуры уверен, что архитектура не интересна народу, но детское архитектурно-художественное творчество, благодаря усилиям наших педагогов, существует и будет существовать всегда!»

^ Рис. 4. Небоскребы. Коллективная работа (педагог И. Б. Орлова, ДШИ «СТАРТ», Москва). Диплом Международного архитектурно-благотворительного фонда им. Якова Чернихова

^ Рис. 5. Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь!» (учредители Дина Корзун, Чулпан Хаматова). Диплом фестиваля

награду – серебряный знак. Жюри детского смотра при единодушной поддержке всех приехавших на конкурс участников отметило этой наградой и соответствующим дипломом фестиваля детскую школу искусств «СТАРТ», Москва (директор Н. С. Азнавурян, художественный руководитель И. М. Абаева).

Эта школа по праву является локомотивом детского архитектурно-художественного творчества страны, имеет отечественное и международное признание. За создание системы развития творческого потенциала личности средствами архитектуры и дизайна ведущим педагогам школы была присуждена Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства 1998 года за произведения для детей и юношества.

В течение пятидесяти лет Союз архитекторов страны уделяет постоянное внимание творческой работе с детьми. В стране созданы и активно работают в сфере детского архитектурно-художественного творчества школы в системе школьного образования (Москва, Пенза, Набережные Челны, Тобольск, Оренбург, Калининград и др.), в рамках творческой деятельности архитектурных академий (Екатеринбурга, Тюмени, Казани, Новосибирска и др.), студии при Союзе архитекторов, домах культуры и даже детские сады. Всего их насчитывается около ста. По программе ДШИ «СТАРТ» работают педагоги в Димитровграде, Тольятти, Самаре, Новосибирске, Набережных Челнах, Тобольске, Хабаровске, Глазове, Костроме, Прокопьевске,

Магадане, Арзамасе, Перми, Ростове-на-Дону, Северске и других городах. Большинство из них пользуется (в том числе и на договорной основе) методическими разработками ДШИ «СТАРТ». Эта методика, направленная на развитие творческих способностей детей, не имеет аналогов за рубежом.

Школа, которой в 2012 году исполнилось 30 лет, постоянно и заслуженно отмечается призами и наградами на ежегодно проводимых Союзом архитекторов России международных фестивалях «Зодчество». Совсем недавно школа была успешно представлена выставкой рабочей программы «Архитектура и дети» на Конгрессе Международного союза архитекторов «Токио-2011».

Тем не менее указанные выше реорганизационные мероприятия, намечающиеся в Департаменте культуры Москвы и отвергающие принадлежность детского архитектурно-художественного творчества к сфере искусств, могут коснуться профиля и наименования ДШИ «СТАРТ», а жаль! Как это ни печально, но Союз архитекторов России должен всеми возможными силами и средствами доказать чиновничьему миру очевидное, что детское архитектурно-художественное творчество – неотъемлемая часть сферы искусств.

Чтобы поддержать дух конкурсного соревнования, жюри детского смотра приняло решение, помимо серебряного знака, отметить участников смотра двумя категориями наград: дипломом фестиваля и дипломом участника фестиваля. Кроме того, Международный архитектурно-благотворительный фонд имени

Якова Чернихова традиционно отметил лучшие, с точки зрения фонда, авторские работы, школы и студии.

И здесь ДШИ «СТАРТ» оказалась в числе лидеров. Дипломами фестиваля отмечены:

- Данила Ющенко, Настя Столярова, Настя Новожилова и Дарья Бублис за работу «Русский пейзаж. Коллаж» (педагог Д. В. Шаблий);
- коллективная работа «Зоо-парк» (педагог А. М. Матвеевко);
- коллективная работа «Корабль-архитектура» (педагог Н. Н. Волков);
- работы Олейник Марии «Небоскреб в стиле архитектурных форм Якова Чернихова» и коллектива авторов «Небоскребы» (педагог И. Б. Орлова) отмечены дипломами Международного архитектурно-благотворительного фонда имени Якова Чернихова.

Традиционно вплотную к лидерам подошли Лицей архитектуры и дизайна № 3 (Пенза), и детская школа искусств № 6 «ДА-ДА» архитектурно-дизайнерского профиля (Набережные Челны, Татарстан).

Пензенский лицей – профильное учебное учреждение по архитектуре и дизайну, работает в формате «школа – вуз» на основе договора с Пензенским государственным университетом архитектуры и строительства по единым с архитектурным факультетом университета программам. Более 10 лет лицей прочно и основательно держится в числе лидеров детского архитектурно-художественного творчества страны. В 2013 году в Пензе состоится организованный девять лет тому назад по инициативе

лица и регулярно проводимый при поддержке Союза архитекторов России и местных властей уже X Всероссийский конкурс-олимпиада детского архитектурно-художественного творчества имени уроженца Пензы В. Е. Татлина.

Пензенский лицей и его лицеисты заслуженно получили дипломы фестиваля:

- Лицей архитектуры и дизайна № 3 (директор Т. В. Вукович);
- Валерия Галина за работу «Хрустальный мир в легендах мироздания» (педагог Е. Ю. Малкина);
- Кристина Васина за удивительную работу, выполненную в виде детской книги «Пенза. От истоков до современности» (педагог Е. В. Дмитриева). Эта книга вполне достойна быть опубликованной.

За последние десять лет постоянным участником смотров детского архитектурно-художественного творчества на фестивалях «Зодчество» стала еще одна пензенская студия архитектуры и дизайна «Синяя птица» (руководитель М. А. Мереняшева) гимназии № 42 (директор А. Ю. Шкуров). Диплом фестиваля присужден ученику студии Алексею Мокееву за работу «Мобильный город для спортсменов» (педагоги М. А. Мереняшева, А. И. Аксенова).

Неотъемлемой частью культуры города Набережные Челны да и, пожалуй, Респуб-лики Татарстан стала школа «ДА-ДА!». Она уверенно перешагнула рамки своего родного города и по праву вошла в число лучших школ-студий детского архитектурно-художественного творчества России. На ежегодных фестивалях

Союза архитекторов России «Зодчество» школа «ДА-ДА!», как правило, занимает призовые места в тройке выдающихся школ-студий страны. Перефразируя Франсуазу Саган, можно сказать, что эта школа – «лучик солнца в холодной воде» жизни. Экспозиция школы имела честь быть представленной в Государственной Третьяковской галерее. Работы ее учеников украшают детские картинные галереи в Дании, Польше, Словении, Соединенных Штатах Америки.

На смотре Дипломами Фестиваля отмечены:

- детская школа искусств № 6 «ДА-ДА» (директор Т. А. Хайман);
- София Белова за работу, отражающую творческое кредо школы, Центр творчества и музея современного искусства (педагог Н. А. Петрушин);
- Дарина Мулюкова за работу «Аквामилениум» (педагог И. Р. Биккенин);
- коллективная работа «Стеклянный город» (педагог Г. Ш. Хайруллина) отмечена дипломом Международного архитектурно-благотворительного фонда имени Якова Чернихова.

Город Тольятти может гордиться своими школами и студиями детского архитектурно-художественного творчества высочайшего профессионального уровня. Одна из них, прогимназия № 208 «Веста» (директор К. С. Юрченко), представляет собой образовательное учреждение с устойчивыми приоритетными направлениями, в числе которых на первых местах культурологические и художествен-

но-эстетические. Коллективная работа учащихся «Весты» «Возрождение храма Св. Космы и Дамиана села Мусорка Ставропольского края» (педагог И. М. Жучая) награждена дипломом фестиваля.

Чуть-чуть не дотянули до масштабного уровня тольяттинцев работы, представленные на смотр детской школой-студией архитектурного творчества и дизайна города Димитровград Мелекесского района Ульяновской области (руководитель О. В. Вавилова). Это очень хорошая школа-студия. В ней развивают и выращивают творческую сторону ребенка с детства, чтобы, будучи взрослым, он мог видеть прекрасное, легче справляться с трудностями и, погружаясь в мир творчества, набраться сил и увидеть окружающий мир под другим углом, отличающимся от повседневной рутины. Жюри обратило внимание на две представляющие интерес работы:

- Ольга Красичкова «Дом Х. Г. Штемпеля в Симбирске» (педагоги О. В. Вавилова и О. В. Козлова);
- Екатерина Омельченко «Дом-памятник И. А. Гончарову в Симбирске» (педагоги О. В. Вавилова и О. В. Козлова).

Очень редко привозят на смотр работы курских ребят. Этот год стал исключением, и коллективной работе «Наш город» и «Деревенька» студии «Мозаика» (педагог Ю. В. Завьялова) Дворца пионеров и школьников города Курска заслуженно присудили диплом фестиваля.

Стабильным участником детского смотра является Республика Удмуртия. Сначала работы ижевской

^ Рис. 6. Неподдельный интерес

^ Рис. 7. Пенза. От истоков до современности. Кристина Васина (педагог Е.В. Дмитриева, лицей архитектуры и дизайна № 3, Пенза). Диплом фестиваля

^ Рис. 8. Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь!» (учредители Дина Корзун, Чулпан Хаматова). Диплом фестиваля

^ Рис. 9. Студия «Абрис» гимназии № 1530 «Школа Ломоносова» (директор Е. В. Кузнецова, педагоги О. Б. Пискунова, Е. Б. Пискунова, Москва). Диплом фестиваля, диплом Международного архитектурно-благотворительного фонда им. Якова Чернихова

> Рис. 10. Хрустальный мир в легендах мироздания. Валерия Галина (педагог Е. Ю. Малкина, лицей архитектуры и дизайна № 3, Пенза). Диплом фестиваля

детской архитектурно-художественной мастерской «Кузьмыликар» («Муравейник») представлялись педагогом. К. Ш. Галихановым, а затем он подключил к работе своего сына А. К. Галиханова, который уже готов к самостоятельной работе. Он педагог архитектурно-художественного факультета центра эстетического воспитания детей «Пурга кизилюс» («Малопургинские звездочки») (директор О. Л. Панфилова, руководитель проекта К. Ш. Галиханов, педагог А. К. Галиханов), село Малая Пурга, Малопургинский район, Республика Удмуртия. Центр награжден двумя дипломами: фестиваля и Международного архитектурно-благотворительного фонда им. Якова Чернихова.

За последние несколько лет уверенно заявила о себе московская гимназия № 1530 «Школа Ломоносова» (директор Е. В. Кузнецова), опирающаяся на его педагогические взгляды («открыть талант, заложенный в каждом ребенке» и «через ученье счастлив будет»). В студии «Абрис» (педагоги

О. Б. Пискунова и Е. Б. Пискунова) этой школы реализуются дополнительные общеобразовательные программы художественно-эстетической направленности по архитектуре и изобразительному искусству. Студия тоже получила два диплома – фестиваля и Международного архитектурно-благотворительного фонда им. Якова Чернихова.

«ЯБЛОКО+» – удивительная по своей эмоциональной выразительности авторская дизайн-студия Игоря Ключкина при Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина (руководитель И. В. Ключкин, деревня Старая поселка Колтуши Ленинградской области). Она согрета лучшими качествами личности руководителя-педагога, прививающего детям не только архитектурно-художественные и дизайнерские навыки, но и любовь к месту своего проживания, с которого и начинается Родина. «ЯБЛОКО+» также отмечено двумя дипломами – фестиваля и Международного архитектурно-благотворительного фонда им. Якова Чернихова.

Мытищинская детская архитектурно-художественная школа «Архимед» (директор И. С. Матяш, педагоги Е. Л. Осипова, Т. Е. Зайцева, Г. З. Гареева, О. Ю. Поторочина, Е. В. Мирончук), включенная в 2012 году в национальный реестр ведущих учреждений культуры России, за последние 4–5 лет представляла на детский смотр фестиваля «Зодчество» очень интересные работы. Единственная в Московской области школа с архитектурным уклоном была создана по инициативе мыти-

щинских архитекторов в 2005 году. Основу программы обучения составляют стандартная программа для детских художественных школ и инновационная авторская программа московской ДШИ «СТАРТ». И на этот раз школа не осталась без награды: она заслужила диплом фестиваля.

Своему видению мира, свободе и раскованности в творчестве, способности критически оценивать художественную реальность и активно вмешиваться в нее обучают в архитектурно-дизайнерской студии «АРДИС» (руководитель С. Г. Каган) центра развития творчества детей и юношества «ОСТАНКИНО» (Москва). Студия – лауреат международных конкурсов Японии и США под эгидой ЮНЕСКО, обладатель Гран-при международного приза «Серебряная звезда», гранта Президента РФ и гранта Москвы, а также лауреат международных фестивалей «Зодчество». В 2012 году ей по праву вручен диплом фестиваля.

В 2012 году московская детская архитектурно-художественная студия «АРХИЯ» центра развития творчества детей и юношества «Можайский» (руководитель Л. С. Малышева) отметила свое 15-летие. Она также использует в своей работе методику московской ДШИ «СТАРТ». Особое внимание уделяется развитию у детей интеллектуального и объемно-пространственного мышления. Девиз студии – «Умные ручки. Умная головка». Студия отмечена дипломом фестиваля.

Очень жаль, что на фестиваль не смогла приехать отметившая в 2012 году свое 15-летие, студия детского архитектурно-художественного твор-

^ Рис. 11. Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь!» (учредители Дина Корзун, Чулпан Хаматова). Диплом фестиваля

^ Рис. 12. Авторская дизайн-студия Игоря Ключкина при Ленинградском государственном университете имени А. С. Пушкина «ЯБЛОКО+» (руководитель-педагог И. В. Ключкин, деревня Старая поселка Колтуши, Ленинградская область). Диплом фестиваля, диплом Международного архитектурно-благотворительного фонда им. Якова Чернихова

^ Рис. 13. Наш город. Деревенька. Коллективная работа (педагог Ю. В. Завьялова, студия «Мозаика» ДПиШ, Курск). Диплом фестиваля

чества «ПРОУН» (директор М. Б. Брынза) при Саратовской организации Союза архитекторов России, постоянно и активно поддерживающей студию. Эта студия всегда в числе лидеров детского архитектурно-художественного творчества страны.

Работающая ранее педагогом студий детского творчества (в том числе и в московской Школе здоровья № 578) И. Н. Тыртычная в последнее время сконцентрировала свои усилия на работе с малышами английского детского сада «Гусенок» (индивидуальный предприниматель М. А. Звягинцева, педагог И. И. Тыртычная, коттеджный поселок «Никольская слобода» деревни Поздняково Красногорского района Московской области). Стенд «Гусенка» получил диплом фестиваля.

Уже второй раз в смотрах детского творчества на фестивалях «Зодчество» выступает с работами своих подопечных Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь!» (учредители Дина Корзун, Чулпан Хаматова, Москва). Как и в прошлом году, дети создали яркие жизнеутверждающие работы. Фонду присужден диплом фестиваля.

Выставка смотра-конкурса детского архитектурно-художественного творчества на XX Международном фестивале «Зодчество-2012» привлекла большую зрительскую аудиторию. Кроме взрослых, выставку посетили и дети, проявившие к ней непод-

дельный интерес, а также гости Москвы.

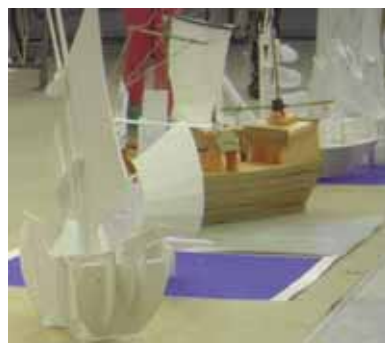
Помимо отмеченных жюри авторов работ и целых студий, внимание посетителей привлекли работы детской художественной школы из Железногорска Красноярского края, детской художественной школы из Троицка Московской области, дебютирующей на смотре, и работы восьми-десятилетних авторов детской школы искусств Сарова Нижегородской области «Архитектурные зонтики», выполненные под руководством педагога И. О. Гришиной.

XX Международный фестиваль «Зодчество-2012» завершился, но творческая жизнь продолжается. Низкий поклон всем педагогам, посвятившим себя воспитанию духовной культуры будущих граждан нашей страны средствами архитектурно-художественного искусства! Эти педагоги беззаветно из года в год трудятся, оставаясь самими собой (что ныне не так уж просто!), сохраняя свое творческое кредо и не задумываясь над размером грядущей пенсии, которая в разы будет отличаться от пенсий чиновников, ставящих палки в колеса детского архитектурно-художественного творчества. Неся духовную культуру детям, наши замечательные педагоги, может, порой и не подозревая, действуют в русле всеобщих законов урбанистики, выходящих за рамки политических систем, реализуя принципы городской политики, до понимания которых нашему чиновничеству еще очень далеко.

Эдуард Товмасьян

< Рис. 14. Коллаж «Русский пейзаж». Настя Новожилова, Дарья Бублис (педагог Д. В. Шаблий, ДШИ «СТАРТ», Москва). Диплом фестиваля

< Рис. 15. Корабль-архитектура. Коллективная работа (педагог Н. Н. Волков, ДШИ «СТАРТ», Москва). Диплом фестиваля

в Рис. 16. На выставке работ детского архитектурно-художественного смотра Международного фестиваля «Зодчество-2012»

Прогрессивный дизайн от Bene удостоен награды Коллекция DOCKLANDS стала лауреатом премии «Interior Innovation Award – 2013»

Вена / Вайдхофен-на-Ибсе, 19 декабря 2012 года. Премии «Interior Innovation Award – 2013», присуждаемой Советом дизайнеров Германии в рамках выставки IMM Cologne, среди прочих удостоена компания Bene – специалист в области планировки и отделки офисного пространства. Лауреатом премии стала коллекция DOCKLANDS. Высококачественная мебель для выполнения краткосрочных работ в индивидуальном режиме, разработанная лондонской дизайнерской студией PearsonLloyd, склонила компетентное жюри в свою пользу благодаря эмоциональности дизайна и тщательно продуманной концепции организации пространства. Премия Interior Innovation Award, одна из наиболее престижных в настоящее время наград в сфере дизайна и интерьера, впервые была вручена Советом дизайнеров Германии в 2003 году в рамках выставки IMM Cologne. Премии удостоиваются выдающиеся инновационные достижения во всех категориях продукции. Более чем из 400 пред-

ставленных проектов жюри, состоящее из международных экспертов в области дизайна, отметило званием победителя Interior Innovation Award 150 продуктов – в том числе и коллекцию DOCKLANDS от Bene.

Кроме того, Bene удостоилась еще двух наград: новая серия модульных рабочих мест CUBE_S (дизайн Кристиан Хорнер) и инновационное поворотное кресло Bay Chair (дизайн PearsonLloyd) стали лауреатами премии в номинации «Interior Innovation Award – Selection-2013» за особое качество дизайна.

Все продукты-лауреаты будут представлены в отдельной экспозиции в рамках мебельного салона IMM Cologne – крупнейшей международной выставки достижений мебельной промышленности, которая пройдет в павильоне Pure Village (зал 3.1) с 14 по 20 января 2013 года.

Жюри выберет из этих претендентов 15 дизайнерских концепций / продуктов, которые будут включены в список Best of the Best. Вручение премии состоится во время церемо-

нии открытия выставки IMM Cologne 13 января 2013 года в Кельне. Выставка IMM Cologne имеет статус одного из важнейших мероприятий в области дизайна интерьера и насчитывает более тысячи участников из 50 стран мира. На выставочной площади в 280 тыс. м² представлены новейшие тенденции и продукты.

DOCKLANDS – новая линейка продуктов для новой организации рабочего процесса

DOCKLANDS – новый, альтернативный вариант рабочего места для выполнения временной работы.

Индивидуальное место, стимулирующее сосредоточенную работу и эффективное с точки зрения деления пространства и акустического комфорта. Центральным элементом новой линейки продуктов Bene являются так называемые ниши-бухты, разработанные студией PearsonLloyd: островки покоя в повседневной суете офиса, идеально подходящие как для сотрудников, так и для посетителей.

Для вопросов и дополнительной информации:

Bene AG Public Relations (Отдел по связям с общественностью): Белинда Флах (Belinda Flach), Дезире Шеллерер (Desirée Schellerer) Neutorgasse 4-8, 1010 Wien, Österreich (Вена, Австрия), тел. +43-1-534-26-1239

Эл. почта: press@bene.com, Интернет: www.bene.com

Interior Innovation Award 2013: <http://www.interior-innovation-award.com>

К 75-летию юбилею заслуженного художника России Александра Шипицына

К тому времени, когда в 2001 году Александр Сергеевич Шипицын возглавил только что открытую в ИГПУ кафедру изобразительного искусства и методики, он давно и широко был известен как прекрасный художник и педагог.

Его первым учителем был знаменитый художник Борис Иванович Лебединский. В мастерской, у офортного станка, наблюдая за работой мастера и помогая ему, семиклассник Саша Шипицын и нашел свое будущее призвание.

Самостоятельная творческая деятельность началась вскоре после окончания Иркутского художественного училища. Шипицын много ездит по стране, много видит и много работает. Диапазон творческих интересов молодого художника очень широк: он занимается живописью, создает монументально-декоративные работы, однако его пристрастия в искусстве predetermined. Высшую школу мастерства Александр Шипицын решил получить в Московском полиграфическом институте у корифеев советской графики. Его по праву можно назвать их достойным продолжателем: он овладел искусством оформления книги, стал прекрасным рисовальщиком и мастером эстампа, заслужив репутацию одного из ведущих сибирских художников-графиков.

В 1967 году, вступив в ряды членов Союза художников, Шипицын возвращается в художественное училище уже как педагог. С тех самых пор неразрывно связаны в его судьбе творчество и педагогическая деятельность.

Следующий важный этап в его жизни – преподавание на архитектурном факультете Политехнического института, многолетнее руководство кафедрой рисунка и живописи.

Можно сказать, что им были заложены основы высшего художественного образования в Иркутске. Множество художников и архитекторов благодарны Александру Сергеевичу за то, чему он научил их как педагог и человек.

Сегодняшний этап жизненного пути Александра Шипицына связан с Восточно-Сибирской государственной академией образования. С каким трепетом набирал он свой первый курс в 2001 году, опекал, воспитывал! Бережно сохраняя индивидуальность каждого, обучал искусству рисунка, композиции, графики, руководил первыми дипломными работами. Сколько сил было потрачено на создание материальной базы кафедры, разработку программ, подбор преподавателей – обязательно людей творческих!

Педагогическая деятельность мастера несет в себе особую значимость. Искусствоведы с сожалением отмечают, что далеко позади, в 70–80-х годах, остался период расцвета иркутской школы графики, основоположником которой был Борис Лебединский. Его ученик Александр Шипицын продолжает активно работать в разнообразных графических техниках, в то время как большинство его коллег предпочитают живописные. Александр Сергеевич стремится возродить интерес к своему любимому делу и оживить угасающую традицию через своих учеников. При создании кафедры изобразительного искусства в

педагогическом институте он поставил перед собой непростую задачу – приобщить студентов, будущих педагогов, к искусству графики – самому интеллектуальному из всех видов творчества.

Можно утверждать, что это ему удалось. Дисциплину специализации «станковая графика» осваивают выпускники дневного и заочного отделений. Все дипломные работы защищаются на отлично. Самые целеустремленные из выпускников – Дмитрий Меркулов, Валентина Дерезанова, Александр Имедеев – успешно представляют на выставках серии цветных линогравюр.

Далеко не каждый даже очень одаренный художник способен стать хорошим педагогом. Здесь кроме мастерства и знания методики преподавания нужны особые качества личности. Прежде всего широта натуры, способность делиться сокровенным, увлекать, вести за собой. Воспитание Александром Шипицыным своих учеников начинается исподволь, собственным примером – через формирование ценностного отношения к искусству и к профессии педагога. Александр Сергеевич вырабатывает у студентов требовательность к себе как к художнику, ответственность за своих учеников. Развитие профессиональных качеств и духовного мира ученика для него неразделимо.

Ирина Бордовская

Кафедра изобразительного искусства и методики Восточно-Сибирской государственной академии образования

Кафедра изобразительного искусства и методики была открыта в Иркутском государственном педагогическом институте 1 сентября 2001 года. Ее создание было связано с необходимостью подготовки учителей изобразительного искусства, имеющих высшее образование, для общеобразовательных школ Иркутска и Иркутской области.

Первым заведующим кафедрой стал Александр Сергеевич Шипицын – заслуженный художник России, график, офортист, ученик Бориса Ивановича Лебединского. Александр Сергеевич продолжает традиции своего учителя, щедро делится знаниями и умениями с будущими преподавателями изобразительного искусства.

В составе кафедры заслуженный художник России, профессор А. С. Шипицын; доцент, член Союза худож-

ников России А. Ф. Веснин; доцент, кандидат педагогических наук В. В. Широкова; члены Союза художников России Ю. С. Ермолаев, С. Н. Уварова, В. Д. Дерезанова, старшие преподаватели кафедры И. А. Бордовская, Е. Е. Гладких, А. В. Халипова, Н. П. Русинова.

За годы учебы студенты изучают такие специальные дисциплины, как история искусств, рисунок, живопись, композиция, скульптура и пластическая анатомия, начертательная геометрия, компьютерная графика, декоративное и художественно-оформительское искусство, технология художественной обработки материалов с практикумом в учебных мастерских по декоративно-прикладному искусству (художественная обработка текстильных, природных и других материалов). Полученные знания учащиеся закрепляют во время учебных, про-

изводственных практик по изобразительному искусству (пленэр), художественно-оформительской, музейной и педагогической практики. Кроме основных дисциплин в учебные планы включены такие предметы, как станковая графика и искусство живописи, содержание которых направлено на углубление специальной подготовки будущих педагогов.

Наши выпускники работают в общеобразовательных и художественных школах, училищах, колледжах, вузах. Они преподают историю искусств, рисунок, живопись, композицию, скульптуру, пластическую анатомию, декоративно-прикладное искусство, основы дизайна, начертательную геометрию, черчение, компьютерную графику и др.

Результатом подготовки будущих учителей изобразительного искусства являются дипломные работы, выпол-

^ Кристина Соловьева.
Иркутск сегодня. 2010

^ Александра Рубан.
Иркутск. 2010

v Алена Подшивалова.
Иркутские церкви. 2010

v Екатерина Борцова.
Иркутск. 2010

^ Аюна Бармитова.
Предместье Иркутска.
2011

^ Дарья Бокова.
Современная архитектура
Иркутска. 2012

v Анна Бухалова. Ритмы
современного города.
2006

v Любовь Черных.
Иркутск исторический.
2006

ненные в различных видах искусства: живописи, рисунке, гравюре, керамике, художественном текстиле. Специфика педагогического вуза ставит перед педагогами не только образовательные, но и воспитательные задачи. Они раскрывают студентам различные уровни понимания изобразительного искусства и овладения художественным творчеством с учетом возрастных особенностей аудитории; показывают роль педагога в становлении и развитии творческой личности; обращают внимание на социальную значимость художника-педагога в жизни отдельных социальных групп и общества в целом.

Неравнодушное отношение к происходящему вокруг нас, участие в общественной жизни родного города, желание сделать окружающую нас действительность ярче и многообразнее, стремление показать свою активную жизненную позицию рождает новые идеи в совместном творчестве преподавателей и студентов. Поэтому

учебные работы – это творческие проекты, позволяющие одновременно показать свое мастерство и внести посильный вклад в культурную жизнь нашего города.

Один из учебных проектов – серия кашпо, выполненных в технике керамики, каждое из которых – фрагмент уходящего Иркутска. Тщательная работа с эскизами и фотографиями, трепетное отношение к памятникам архитектуры нашего города позволили студентам 4-го курса создать оригинальные произведения, украсившие интерьер культурного центра Александра Вампилова

Глина – уникальный материал, позволяющий студентам показать свою индивидуальность в творческих работах. Тема Иркутска – неиссякаемый источник вдохновения при создании произведений из керамики, в которых студенты стараются запечатлеть особенности деревянной архитектуры нашего города.

Основы керамики студенты постигают под руководством члена Союза

художников России Светланы Николаевны Уваровой. Светлана Николаевна окончила Иркутское училище искусств, работала художником на Ангарском керамическом заводе, преподавала в ДХШ №1 г. Ангарска. После окончания Иркутского педагогического университета Светлана Николаевна преподает искусство керамики.

Своеобразие архитектуры Иркутска находит свое отражение в студенческих работах, выполненных в технике линогравюры, интерес к которой возникает уже на первых занятиях профессора А. С. Шипицына, открывающего студентам загадочный мир станковой графики. Начиная с экслибрисов, студенты постепенно овладевают мастерством графики и создают серии графических листов с памятниками архитектуры и образами современного Иркутска.

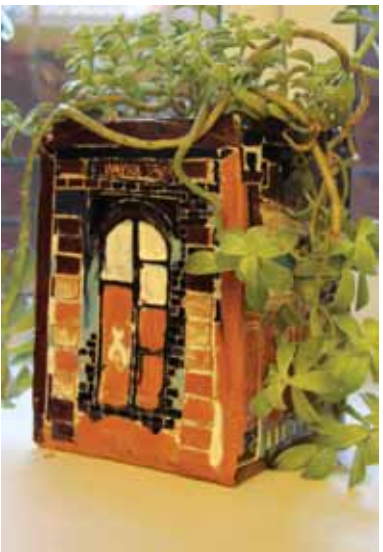
Вера Широкова

фото
Анатолий Бызов

- < Татьяна Барташук
- < Ульяна Халтакинова
- < Дарья Степанова

- < Вера Пушмина
- < Венера Мингулова
- < Иван Гуров

История офортного станка

текст
Николай Опанасенко¹

...Я неторопливо подошел к офортному станку. В нерешительности остановился около него. Меня давно интересовала его конструкция, по виду кустарного, но добротного, со знанием дела изготовленного...

– Если хочешь увидеть процесс печати офорта – листа с металлической пластины, можешь задержаться, – угадал мое настроение Борис Иванович Лебединский. – Временем располагаешь?

– Еще бы... Можно вопрос? Я вижу ваш станок добротным, внушающим авторитет, но в то же время простым до архаичности вальцовым прессом. Не сами ли вы его сделали?

Мастер отвлекся от увесистой папки с бумагой, внимательно посмотрел на меня:

– Что ты имеешь в виду, когда утверждаешь «простой до архаичности»? Могу я узнать?

– Верхний вал установлен в подшипники скольжения – бронзовые «сухари», а не в шарикоподшипники, что было бы современнее. Опирается он не на вертикально регулируемую подвеску, а свободным грузом лежит на талере. Рабочая сила давления сообщается талеру опять же через «сухари» ходовыми винтами в несущих стойках слева и справа. Винты не синхронизированы. Сам верхний вал жестко закреплен в штурвальной втулке и вращается посредством радиальных рычагов, что требует от гравера-печатника не только сноровки, – при установленной силе давления на талер важна выровненная скорость вращения вала, – но и недюжинная физическая сила требуется,

чтобы «прокатать» гравюру.

– Просто детектив! – улыбнулся Бори Иванович. – Никому не рассказывал, а тебе поведаю... Так вот об офортном станке, с вальцовым прессом, как изволил ты выразиться. Роскошь эта – дело случая, удачи, риска, драматизма и одержимости. Романтики не только нынче водятся, они на Руси всегда были. Вот и я в 1916 году молодым человеком, только что обретшим знания и некоторый опыт у известного графика Матэ, живописцев Рериха и Рылова, написавшись высокими идеалами творчества в Петербурге, в разгар мировой бойни ринулся в Сибирь, к Байкалу. Мне необходим был вдохновенный масштабный материал, хорошо бы при добротных технологиях.

Но, как известно, мы предполагаем, Господь располагает. Раскрутилась карусель братоубийства, поруганий и разрушений. Царствование на Руси сменилось Временным правительством. Временное правительство сменилось властью Советов. Власть Советов низвергнулась в Иркутске белогвардейской армией Колчака. Стрельба, пальба, разбой, патрули – военное положение, надо было очень осторожно. Но война – войной, а музе на виду тоже быть хочется. Давняя мечта моя иметь в личном распоряжении добротный офортный станок оставалась при мне, дождалась случая. И случай такой подвернулся. Сказано от Матфея, глава 6: «Просите, и дадено будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам».

С приходом в Иркутск армии Колчака сформировалось и обще-

ственное противостояние сменившемуся порядку. Часть рабочих, привлеченцев советской власти, ушла в тайгу партизанить. Диверсии были нередкими. И однажды на подходе железнодорожных путей к Иркутску рабочими боевиками был пущен под откос товарняк. Состав тот, как обнаружилось позже, был порожний и перемещался в Иркутск для резервных армейских перевозок. Но взрыв путей был такой силы, что середину состава, куда пришелся главный заряд «бомбы», разнесло в щепу. Место диверсии безлюдное. Полотно путей проложено по низкорослой, заросшей, заболоченной тайге. Насыпь из горного диабаз, гравия, песка и речной гальки высилась над низиной в два этажа городской застройки. И с этой верхотуры искорверканный состав, ломаясь, круша самого себя, коверкая металлическую арматуру теплушек, платформ, выкручивая несущие рамы, срезая с осей колесные пары, низвергнулся в тартарары.

По какой надобности и каким образом принесло меня к месту крушения, сам того не ведаю, до сих пор вразумительно объяснить неразумность свою не могу. Я был молод, наверное, авантюрен, не без амбиций, конечно. Помню казенную двуколку производства иркутских обозных мастерских. Мужичка вспоминаю, согласившегося подбросить меня до кордона: «Далее, паря, ни-ни. Рисково. Казакам знамо их дело: ихний штык – и душа с тебя вон. И не упрашивай».

Когда добрался я до места крушения, войскового оцепления еще не было, и картина рукотворного «апока-

1. Николай Астафьевич Опанасенко (род. 1936) – кинооператор и живописец, член Союза художников СССР, член Союза кинематографистов России, лауреат премии губернатора Иркутской области. В 2006 году издал своими руками книгу «Произведение» (http://irkipedia.ru/content/opanassenko_nikolay_astafevich), отрывок из которой мы публикуем.

липсиса» вообразилась мне во всем ее ужасе. Поодаль пыхтел, словно бы виноватился, тяжелый паровоз, проскочивший убийственный «сюрприз». К его тендеру, подрагивая в такт чиху выпускного пара, теснились два уцелевших вагона – почтовый и теплушка, с несколькими солдатами охранения, от взрыва теперь одуревших и нестроевых. Без вести пропали кондуктор и дневавшийся с ним стрелок, они исчезли вместе с тамбуром хвостового вагона состава, где в соответствии с инструкциями им и предписывалось находиться.

Я прошел вдоль ближайшей груды лома. Занималась тлением щепа просушенной сквозняками, солнцем и временем сосновой вагонки. Чадили черным дымом сальники подшипников рассыпанных колесных тележек. И вдруг, не веря глазам своим, узрел я то, что было моему офортному станку идеалом. Совсем самостоятельно, свободный от технологических наворотов, передо мной лежал готовый вал – полированная стальная ось. «И что мне делать?!» – засуетился нервно я. Увидел озабоченного путейца. «Слушай, нельзя ли как-нибудь приходить железку, для прямого назначения уже точно не годную, а мне она до крайности как нужна?» – взмолился я перед железнодорожником как перед святым. Мужик глянул на меня отчужденно, не соображая, видимо, о чем ему этот пижон. Осмыслив, сердито отмахнулся и зло отрезал: «И не удумай. Железяка теперь, может, и никчемная, разве что кузнецу на радость, да только тебе с ней беды не досчитать». Похоже, я разговаривал со стрелочником. Но какая ось!.. Если ее распилить по середине, получается два тяжеловесных, особо твердых прессовых вала... – Я воображал уже готовую конструкцию. – Такая «машина» Рембранту не снилась. Что Рембранту? Шишкин, сам Матэ оценили бы по достоинству. Вдохновленный, я, осмотревшись, толкнул громоздкую деталь ногой. Железяка шелохнулась, но не сдвинулась. Отворотив дощатый сколок вагонки, орудия им словно ломом, я покати «обретение» ниже, в сторону проросшего у насыпи подлеска, к приречной мною кочке.

Справившись с осью, подложив под нее все еще разогретую вагонную щепу, присыпав гравием, приброем валежник, разметал по месту сухой бурьян. Пока не утрясется разборка с порожняком, никому до моего «припрята» дела не будет. Но как шестидюймовый кругляк с разлетом в колею притаранить в город?..

Вечером отыскал приятеля

Мишку... Да, Михаил Иванович Авилов. Спусти двадцать пять лет, в 1944 году, он напишет прославившую его картину «Поединок Пересвета с Челубеем». Получит за нее Государственную премию СССР, принят будет в состав Академии художеств ее действительным членом, произведен профессором Ленинградского института им. И. Е. Репина. Миша ненамного старше меня, но держался за бывалого человека, слыл искусным живописцем, и ко всему этому мы считались земляками.

«Если арендовать повозку и ночным рейдом вытащить окаянную ось в город?» – я надеялся на помощь друга. «Не вздумай сунуться. Теперь у порушенных путей определенно выставлена охрана. Никому не будет дела до твоих благих помыслов. За мародерство в условиях военного времени расстрел на месте», – остудил легкомыслие Михаил. «Но что-то же делать надо!» – взмолился я. «Надо, – согласился художник, – и самое простое – легализоваться». Затея поначалу казалась абсурдной. Но обивая пороги колчаковских штабистов, набирались мы опыта дипломатии, а с ним укреплялась надежда. И ведь выклянчили дозволение. Нам поручено было «освоить оную железку» для изготовления «механики поворота печатного листа с условием последующего тиражирования с травяных медных пластин разного рода «ценных бумаг» и «временных денежных знаков». Что будет мне потом?.. Но это потом. Теперь же ось в моем распоряжении и доставлена на казенной «фуре» в военные обозные мастерские. А надо сказать, что начальником тех мастерских по военному ведомству служил подполковник Божовский. До революции я успел с ним познакомиться. Надеялся и теперь заручиться его распорядительностью, чтобы железку мою драгоценную не пустили на расков на армейские нужды. Но Божовский, оказалось, исчез за событиями 1917 года, и в корпусах мастерских ощущалось тревожное безначалие.

«Куда прем?» – томимый скукой спросил ездовой. «А давай в кузню», – вспомнил я реплику стрелочника у порушенных путей.

Обработка металла – дело сложное и требует весьма мастеровитой сноровки. Опасаясь, как бы не умыкнули хозяйственные работяги мою затею, я дневал и ночевал при технологии воплощения своего «изобретения». Сталь была высокопрочная. «Вона как звенькает чисто», – похвалил металл пожилой кузнец и уверенно опреде-

лил: «Але не сгубить материю, не перевести ее в стружку, резец не перевести в барахло, – рассуждал он, – надо калению расслабить сталь. Тогда и пилить можно, и ковать легко, и сверлить не в тягость». И распилена сталь на две части – размерные заготовки под верхний и нижний валы. Расточены они проходкой в чертеж на скоростном токарном стане высокотвердым каленым резцом. И снова валы разогреты добела и опущены в лохань с машинным маслом – вернула сталь себе былую твердость, укрытую под благородным воронением. «Не торопи, – подсказывал мастер, – дай металлу отпуск, разгрузи его от напряжений. Опять в печи отогреть его надо. Да осторожно, без перекалу, до буро-красного цвету, и отпущай, остужай на вольном воздухе, не нервничай его».

Круглошлифовальный станок завершил красоту и полезность посвежешему металлу. Два вала сияли начищенным серебром самыми желанными драгоценностями.

Сборка офортного станка из подготовленных деталей много времени не заняла. Не заметили его за увлеченностью конструированием механизма, подгонки функциональных узлов механики и восторгом результатами слесарно-сборочного творчества.

Одержимый делом, не успел я затревожиться обязательствами перед колчаковскими штабистами. В декабре 1919 года рабочие Иркутска при поддержке солдат гарнизона и партизан подняли восстание. С возвращением советской власти чуть было не случилось для меня некоторые неприятности. Заступились знакомые трудяги обозных мастерских. И сгустившаяся было надо мной гроза репрессии пролилась мелким дождем расследования и иссякла за радостью обладания «предметом тиражирования авторской художественной изопродукции». Спасибо рабочему классу. Вот он, этот исторический станок. Бумага готова. Пора делать оттиски...

Губернатор Иркутской области Сергей Ерошенко вручил премии творческим работникам за достижения в области культуры и искусства в 2012 году. Церемония награждения состоялась 19 декабря в Культурном центре Александра Вампилова.

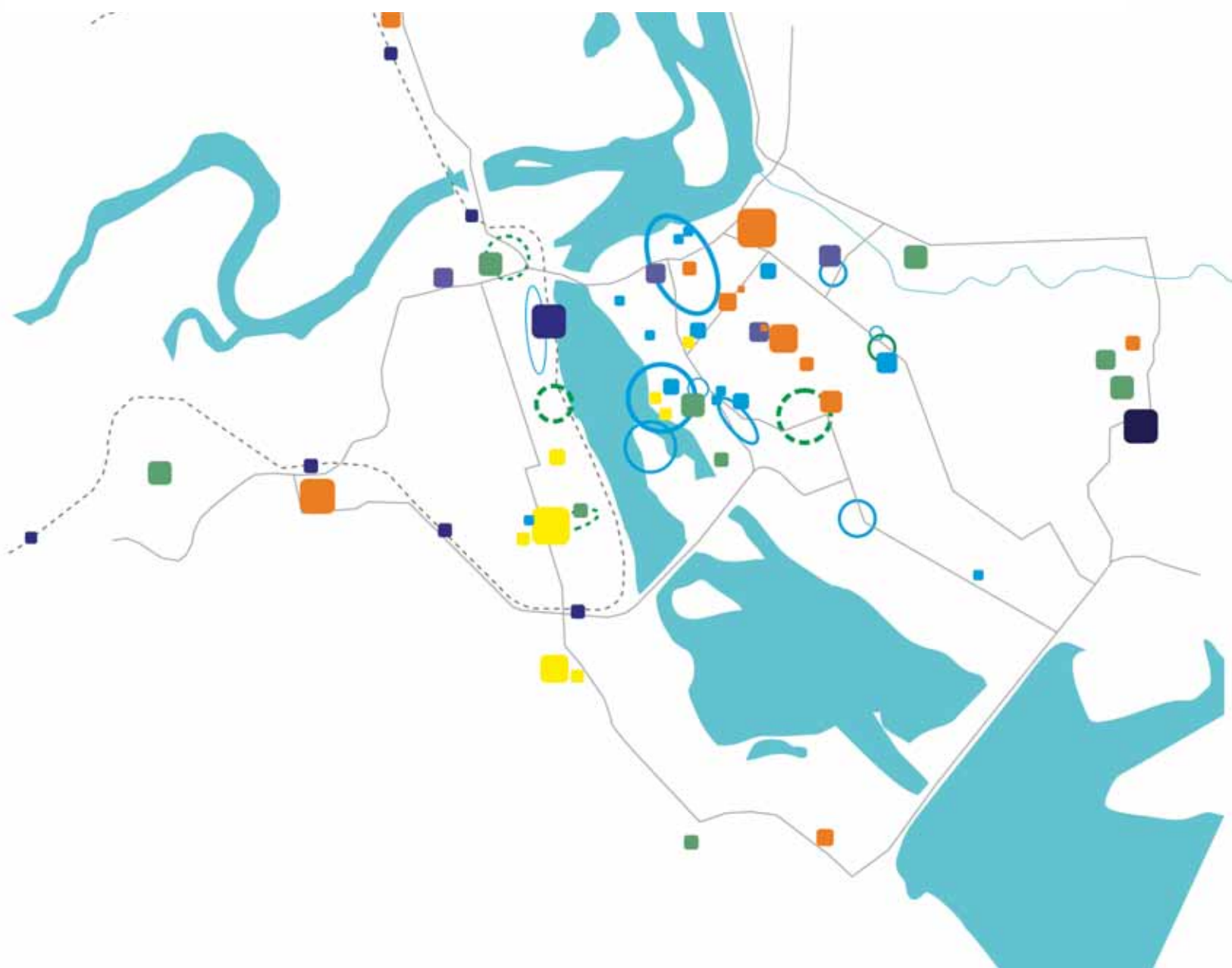
Лауреатом премии по направлению «Произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства» за создание жилого комплекса «Прогресс» в Академгородке Иркутска стал творческий коллектив в составе: В. Распутин, С. Муллаяров, О. Залуцкая, В. Бызов, М. Лебедева.

Премия губернатора Иркутской области

фото
Анатолий Бызов

общественные пространства / public spaces

text
Konstantin Lidin

Our material world has three aspects. Its tangible aspect reflects the invariability of this world. Its energy aspect reflects its ability to change and move. Having a structure is expressed in the informational aspect of the world. Actually, each aspect is just a mode of seeing this world, like a projection on one of the three planes in drafting. Such perception was invented by people long ago and can be found in the ancient Indian Vedas. Vishnu the Preserver personifies invariability, Shiva the Destroyer embodies changeability, and Brahma the Creator represents structure and order of the world opposed to Chaos.

From the tangible point of view, a human being looks rather modest. In the aspect of the world's invariability, he is nothing but a few buckets of salt water and a sackful of calcium phosphate.

In terms of energy, a human being generates only one-tenth of one horsepower. His energy efficiency, i.e. power-to-weight ratio, is tens of times less than that of a dove.

In the sense of information, the situation is quite different. Human personality's structure is so complex that its 'informational volume' is hard to imagine. All the knowledge accumulated

by mankind, contents of all the libraries and the Internet, movies and pictures, music and voices put together just approximate the informational volume of a single human personality.

A human being and the surrounding world are constantly exchanging matter in all its aspects. The informational exchange is of our main interest. The amount of information exchanged between a human being and the environment is as large as the 'informational human being'. A huge, full-flowing river of information is constantly running into the inner world of the personality.

We automatically divide this flow into images. An image is a fragment singled out from the informational flow, like a bucket of water taken from the river. The form of the image, its 'shell' or 'presentation' (according to Roland Barthes), consists of colors and lines, sounds and rhythms, words and movements – everything a human being can perceive with his senses, either directly or indirectly. The image contents, or the 'water' (Barthes' 'concept'), that assumes the shape of the 'bucket', can change its shape. As water can be poured from one container to another, a

Когерентные города / Coherent Cities

текст
Konstantin Lidin

Материальный мир, в котором мы обитаем и частью которого являемся, существует в трех аспектах. Аспект вещественный отражает способность мира оставаться неизменным. Способность мира меняться, двигаться отражает энергетический аспект. Способность иметь структуру воплощена в информационном аспекте мира. Каждый из аспектов фактически это лишь способ видеть мир, наподобие проекций детали в трех плоскостях на чертеже. Подобное восприятие придумано людьми задолго до наших дней, его можно найти уже в древнейших Ведах. Индийский Вишну, Хранитель – персонафикация неизменности, Шива-Разрушитель – воплощение изменчивости, а Брахма-Создатель олицетворяет структуру, порядок мира, противостоящий Хаосу.

С вещественной точки зрения человек выглядит довольно скромно. Несколько ведер соленой воды и мешок фосфорнокислого кальция – вот что представляет собой человек в аспекте неизменности мира.

В плане энергии человек также невелик. Его мощность составляет примерно одну десятую лошадиной силы, а энергетическая эффективность, то есть удель-

ная мощность на единицу массы, в десятки раз меньше, чем, например, у обычного голубя.

Совершенно иначе человек выглядит в информационном плане. Человеческая личность представляет собой настолько сложную структуру, что ее «информационный объем» даже трудно себе представить. Все накопленные человечеством знания, содержимое всех библиотек и Интернета, кинофильмы и картинки, музыка и голоса, все это вместе взятое лишь приближается к информационному объему одной-единственной человеческой личности.

Между человеком и окружающим миром непрерывно протекает обмен материей во всех ее аспектах. Нас, естественно, интересует в основном информационный обмен. Количество информации, которое человек обменивается с окружающей средой, столь же огромен, как и сам «информационный человек».

Гигантская, полноводная река информации непрерывнопадает во внутреннее пространство человеческой личности.

Привычно и не задумываясь мы делим этот поток на образы. Образ – это выделенный фрагмент информационного потока, наподобие ведра, зачерпнутого из реки. Форма образа, его «оболочка», «презентация» (термин Ролана Барта) состоит из красок и линий, из звуков и ритмов, из слов, движений – из всего того, что человек может воспринять органами чувств, напрямую или опосредованно. Содержание образа, та «вода» («концепт», по Барту), которая приобретает форму благодаря «ведру», может менять форму. Как воду можно перелить из одной емкости в другую, так же можно превратить сценарий в кинофильм, роман – в балет, а картину – в ее словесное описание.

Форма также может поменять содержание. В этом случае образуется миф. Посмотрите, например, на свастикку – один из древнейших солнечных символов графической магии. Начиная с наскальных росписей неолита, свастика присутствует практически во всех культурах, на всех континентах и во всех эпохах. Однако сегодняшний житель западного мира вряд ли вспомнит о первоначальных смыслах свастикки. Миф, созданный

> План Вавилона (шумеро-аккадский период). Структура города четко центрирована, информация может двигаться лишь по кругу либо пульсировать в радиальных направлениях – интенсивность информационных потоков минимальная / The plan of Babylon (the Shumerian-Akkadian period). The city structure is strictly centric. The information can only move in a circle or pulsate radially. The intensity of informational flows is minimal.

scenario can be turned into a movie, a novel – into a ballet, a painting – into its verbal description.

A form can also change its content. It results in a myth. For example, a swastika, one of the oldest solar symbols of the graphical magic. Starting from rock paintings of the Neolithic age, swastika has been present almost in every culture, every continent and every epoch. However, our western contemporaries can hardly remember the swastika's original meaning. The myth created by national socialists has forced the initial image out of the mass consciousness.

One cannot place any content in any form. It is senseless to pour mud into a cutglass vase or water from a swimming pool into a glass. There should be certain agreement between form and content. In his "The System of Objects", Jean Baudrillard says: "... a luxury car is in a red described as 'unique'. What 'unique' implies here is not simply that this red can be found nowhere else, but also that it is one with the car's other attributes: the red is not an 'extra'. But no sooner does this colour appear ever so slightly changed on a more 'commercial' car that it becomes the red of thousands of others – a mere detail or accessory

feature of cars that are red as an 'extra', because they might just as well be green or black"¹. Disagreement and inconsistency between form and content gives the image an unpleasant tinge of falsehood. If the colour does not 'convey' what the car body lines do, it means that 'one of them is lying'.

The image with all the elements of form agreed with each other and with content is called coherent. It is coherent images that deeply stir sophisticated souls. It is coherent images that trigger emotions of extraordinary intensity. To experience such emotions people buy coherent images, so the market of such images has grown on a global scale. In terms of total sales, the market of the images produced by Hollywood or Bollywood, fiction or theatre, architecture or design is as big as the world oil and metal markets, and its influence on the global economy is definitely greater. Various crises only hasten the growth of this market.

Coherent images become a part and parcel of goods very quickly. An item can hardly be competitive unless it comes with an exciting image. Even a box of drawing pins is decorated with a bright label. Cities and countries have to create personal

национал-социалистами, вытеснил изначальный образ из массового сознания.

Не всякое содержание можно поместить во всякую форму. Неуместно наливать грязную жижу в хрустальную вазу, и никаким образом нельзя влить в стакан содержимое плавательного бассейна. Согласованность, соответствие формы содержанию можно почувствовать. В книге «Система вещей» Жан Бодрийар приводит такой пример: «...роскошный автомобиль уникального красного цвета; «уникальность» означает здесь не только то, что такого красного цвета больше нигде не найти, но и то, что он образует одно целое со всеми другими качествами машины – она не то чтобы «еще и красная». Но стоит красному цвету более «коммерческой» модели стать чуть-чуть иным, как сразу оказывается, что это цвет тысяч других машин, – и он тут же низводится до уровня детали, аксессуара; машина «вдобавок еще и красная», поскольку она могла бы быть зеленой или черной»¹. Рассогласованность, противоречивость формы и содержания придает образу неприятное ощущение лживости. Если цвет «говорит» не то, что линии кузова, – значит, «кто-то из них врет».

Образ, в котором все элементы формы согласованы друг с другом и с содержанием, называется когерентным. Именно такие, когерентные образы до глубины души волнуют людей, не лишенных эстетического чувства. Когерентные образы порой обжигают таким накалом эмоций, которого нам не дано пережить в нашей обыденной жизни. Ради удовольствия переживания таких эмоций люди согласны покупать когерентные образы, и рынок образов приобрел поистине глобальные масштабы. Образы, которые производит Голливуд и Болливуд, художественная литература и театр, архитектура и дизайн – все это вместе взятое по объемам продаж не уступает мировым рынкам нефти и металлов, а по своему влиянию на глобальную экономику наверняка превосходит их. Кризисы только ускоряют рост этого рынка.

Когерентные образы быстро превращаются в обязательный элемент любого другого товара. Уже почти ничто не может быть конкурентоспособным, если не

идет «в комплекте» с волнующим образом. Коробка канцелярских кнопок, и та снабжена яркой этикеткой. Города и страны, состязаясь за внимание туристов, инвесторов и постоянных жителей, должны разрабатывать собственные бренды и товарные знаки. Город, который не смог привязать к себе когерентный образ, не смог создать миф о себе, обречен на депрессию, потому что теряет привлекательность даже для собственных жителей.

Современная экономика городов сосредоточена главным образом на вещественной и энергетической составляющей тех потоков, которые и определяют комфортность жизни в городе. Он воспринимается как недвижимость: земля под застройку, здания и строе-

1. Бодрийар Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 2001.

FIGURE 1. Plan of the site of el-Amarna (source: Ann Jones).

< План Ахетатона – пример линейного города. Сквозная структура города стимулирует информационные потоки максимальной интенсивности, а вместе с ними – поток новшеств / The plan of Akhetaton is an example of the linear city. Its cut-through structure stimulates informational flows of maximum intensity together with a flow of novelty.

> План перестройки структуры Ленинграда, 1932 год. Приведение планировки к радиально-концентрической схеме, напоминаящей Москву, идеологически могло повлечь за собой смену менталитета ленинградцев на более спокойный. Похожие изменения предполагались в планах Свердловска, Тбилиси, Еревана... / ... / The reconstruction plan of Leningrad, 1932. The effort to make the layout radial-concentric, like in Moscow, was aimed at calming down the mentality of Leningrad citizens. Similar changes were planned for the plans of Sverdlovsk, Tbilisi, Erevan etc.

brands to attract tourists, investors and inhabitants. The city that failed to secure a coherent image or create a myth about itself is doomed to depression, being no more attractive even for its own citizens.

Modern urban economy is mostly focused on the tangible and energy aspects of the flows that determine the comfort of city life. The city is treated as immovable property: the ground for development, buildings on the ground, utilities under the ground, etc. The city energy systems (transport, heating and electricity) are analyzed and developed. However, informational flows, the flows of images running through the urban fabric, are rarely studied by urbanists.

Any flow (including the information flow) can be strong, intensive or weak. At the same time it can be well-ordered or chaotic. According to the characteristics of the information flow, there are four types of the city structure.

Historically, the type of the city based on the minimum intensity of information flows was the first. The people of Mesopotamia and Ancient Egypt worshiped Eternity. Stability and invariability were their highest values. They disliked and

even feared any changes. Their desire for stability formed a concentric urban structure with a well-defined center combining administrative, sacral and political functions². This planning of Babylon remained through the times of Sumerians, Akkadians, Hittites and Assyrians. The plans of fortress cities of the early Middle Ages were of the same nature. The idea of eternity was also embodied in the concentric accuracy of the 'ideal cities' naively and fanatically created by the medieval utopianists.

The ideas of an eternal city remained appealing in the modern age. In the early 1930-s, the period of stabilization of the Soviet society, the Leningrad reconstruction plans were worked out to relieve the revolutionary ambiance of 'the cradle of the revolution'. The architects L. Ilyin and V. Vitman proposed to relocate the center to the intersection of Moskovsky Avenue and the semicircular main road. The extra monumental House of Soviets was planned to be the focal point of the new downtown area. In 1938-1940 the plan of Leningrad was amended (N. Baranov and A. Naumov with the participation of E. Katonin) so that the development was to become more dense and centrali-

^ Генеральный проект планировки Ленинграда. Разработан АПО Ленсовета в 1939 году. Проектировали: архитекторы Н.В. Баранов, А.И. Наумов, проф. Е.И. Катонин, архитекторы П.Н. Твардлевский, М.П. Лохманов, А.Ф. Романов, М.П. Лавров / Masterplan of Leningrad

ния на земле, коммунальные сети под землей и так далее. Анализируются и строятся энергетические системы города – транспорт, теплоснабжение, электрические сети. Но крайне редко в поле зрения урбанистов попадают информационные потоки, потоки образов, протекающие сквозь ткань городов.

Любой поток (в том числе – информационный) может быть сильным, интенсивным или слабым. В то же время он может быть упорядоченным или хаотичным. В соответствии с параметрами потока информации можно выделить и четыре типа городской структуры.

Исторически первым, по-видимому, появился тип города, ориентированного на минимальную интенсивность информационных потоков. Жители городов Месопотамии и Древнего Египта поклонялись

Вечности. Стабильность, неизменность почиталась ими как высшая ценность, а любые перемены воспринимались неприязненно или даже катастрофично.

Стремление к стабильности формировало концентрическую структуру города с выраженным центром, совмещающим функции административные, сакральные и политические². Такой планировка Вавилона оставалась при шумерах, аккадах, хеттах и ассирийцах. Аналогичным принципам следовали планировки городов-крепостей раннего Средневековья, а «идеальные города» средневековых утопистов своей концентрической правильностью воплощают идею вечности со всем возможным наивным фанатизмом.

Идеи вечного города не потеряли привлекательности и в новое время. В начале 30-х годов XX века, в период стабилизации советского общества, разрабаты-

zed. Only the war prevented Leningrad from turning into a semblance of Moscow³.

On the contrary, the desire for maximum increase of information (image-bearing) flows, the pursuit of novelty and changes is expressed in the linear city structure. One of the oldest examples is the city of Akhetaton, the capital built by the Pharaoh-reformer Ekhнатон (Amenkhotep IV). From the beginning the city was founded as a multicenter structure: Pharaoh's Palace and the chancery were located in the center, Queen Nefertitti's Palace – in the north; the armory, the police and the parade square – in the western part of the city; and the rich residential quarters for the court nobility – in its southern part. The city extended along the bank of the Nile, the main transport artery of the country. The whole city structure was aimed at easy 'running' of big flows of information.

In the late 1920-s N. A. Ladovsky proposed his famous Moscow development project (Ladovsky Parabola). The plan tried to break one of the rings of the concentric city structure to turn Moscow into a 'dinapolis' (the term was introduced by K.

вались планы перестройки Ленинграда с целью привести «колыбель революции» в менее революционное состояние. Архитекторы Л. Ильин и В. Витман предложили перенести центр города в район пересечения Московского проспекта с дуговой (полукольцевой) магистралью. Фокусом нового центра должно было стать сверхмонументальное здание Дома Советов. В 1938–1940 годы план развития Ленинграда был пересмотрен в сторону еще большей плотности и централизованности застройки (Н. Баранов и А. Наумов при участии Е. Катонина). Только война помешала превратить Ленинград в некое подобие Москвы³.

Прямо противоположное стремление к максимальному наращиванию информационных (образных) потоков, стремление к новизне и переменам воплощается в линейной структуре города. Один из самых древних примеров такого рода – город Ахетатон, столица фараона-реформатора Эхнатона (Аменхотепа IV). С самого начала постройки город закладывался как многоцентровая структура: дворец фараона и канцелярия находились в центре, а дворец царицы Нефертити – на севере, в западной части города располагались арсенал, полиция и площадь для парадов, а в южной – богатые кварталы придворных чиновников. Весь город вытянут вдоль берега Нила, главной транспортной артерии страны, и вся его структура подчинена задаче свободного «прокачивания» больших потоков информации.

Известный проект развития Москвы, предложенный Н. А. Ладовским в конце 1920-х годов («парабола Ладовского») как раз и предполагал размыкание одного из колец концентрической структуры города с целью превращения Москвы в «динаполис» (термин введен К. Доксиадисом на тридцать лет позже). Однако победила концепция, включающая ограничение развития. Согласно генеральному плану 1935 года, население не должно было превысить пяти миллионов человек и никакие новые предприятия, кроме непосредственно обслуживающих городские нужды, не должны были появляться в столице⁴.

Стремление к максимальной упорядоченности

Doxiadis 30 years later). However, this project yielded precedence to the concept of limited development. According to the master plan of 1935, the population was not supposed to exceed five million people, and the number of new enterprises was restricted to municipal services only⁴.

The desire to achieve maximum order in information flows causes distinct crystal structures, which disregard the terrain, the wind rose, ethnic and property zoning and other natural and social urban realities. After the master plan of Manhattan of 1807 was adopted, the linguist and poet Clement Clarke Moore said about the authors: "These are men who would have cut down the seven hills of Rome"⁵. However, the example of Manhattan was rather attractive for other cities, which plans are primarily focused on order. Chandigarh and New Delhi, Astana and Eixample district in Barcelona have a clear structure based on the main values: Order, Law and Reason.

The well-ordered structure is opposed by the absence of any structure. The slums and criminal districts, bidonvilles and favelas have one common feature: all these urban phenomena are

информационных потоков вызывает к жизни четкие, кристаллические структуры, игнорирующие рельеф местности, розу ветров, этническое и имущественное районирование и вообще все природные и социальные реалии города. После принятия генерального плана застройки Манхэттена 1807 года лингвист и поэт Генри Мур писал об его авторах: «Эти люди из тех, кто готов срыть семь холмов Рима»⁵. Однако опыт Манхэттена оказался весьма привлекательным. Многие города в своей планировке стремятся в первую очередь к порядку. Четкая структура Чандигарха и Нью-Дели, Астаны и барселонского района Эшампле – все это примеры градостроительных решений, для которых Порядок, Закон и Разум стали основными ценностями и целями.

Противоположностью упорядоченной структуры является, очевидно, отсутствие всякой структуры. Трущобные и криминализованные районы, бидонвилли и фовелы разного рода объединяет одно – все эти градостроительные феномены хаотичны, бесструктурны. Соответственно, в них концентрируются люди, склонные к жизни в хаосе и беззаконии – люди азартные, не верящие в смысл и ценность порядка.

Любой из четырех принципов организации информационных потоков, будучи доведен до своего крайнего выражения, подавляет остальные три и принимает бесчеловечные формы. Выбрав одну из четырех базовых ценностей, мы вынуждены отобрать смысл и цель жизни у тех горожан, которые привержены другим базовым ценностям. Что бы мы ни выбрали, три четверти населения города будет воспринимать этот выбор как насилие и несправедливость по отношению к себе.

Роль общественных пространств с точки зрения структуры информационных потоков в городе может быть двоякой. Более простой и очевидный подход заключается в том, что общественные пространства, их количество и качество подчиняется общей идее, преобладающей в структуре города. Площади и парки Запретного города в Пекине четко вписаны в его квадратную концентрическую структуру. По плану рекон-

2. О связи структуры городов с идеологией их строителей см.: Лидин К. Со стержнем и без. Центр города как носитель структурного образа // Проект Байкал. 2007. № 13. С. 99–102.

3. История советской архитектуры (1917–1954 гг.): учеб. для архит. спец. вузов / под ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушина. М.: Стройиздат, 1985. 256 с.: ил.

4. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001.

5. Gray, Christopher. Are Manhattan's Right Angles Wrong? // The New York Times. 2005. 23 oct.

chaotic and structureless. Accordingly, they are inhabited by venturesome people who are inclined to live in chaos and lawlessness and make little account of order.

If one of the four principles of information flow arrangement is applied to the utmost, it suppresses the other three principles and becomes outrageous. When we choose one of the four basic values, we take away the aim and the purpose of life from those people who have different basic values. Whatever we choose, three-quarter of the city population would consider it violence and injustice against them.

In view of the structure of information flows, the role of the city public spaces can be double. The simplest concept is that the quantity and quality of public spaces is subject to a common idea prevailing in the city structure. The squares and parks of the Forbidden City in Beijing are strictly inscribed in its square concentric structure. According to the reconstruction plan of Barcelona worked out by Ildefonso Cerda, a strict grid of rectangular modules includes similar public gardens for each module and standardized well-ordered boulevards in diagonal axes. The public spaces of the linear city are 'flowing' and imply energy,

people and transport (information in general) moving through them. All this makes the city look uncomfortable and inhuman in the eye of the majority of citizens.

There is also another approach that treats public spaces as a counterbalance to the prevailing tendency. For example, the Central Park in New York with its irregular outlines and intentionally untrimmed plants counterbalances the accurate street grid. The airspace photograph of Zurich shows how the strict structure of residential areas alternates with chaotic spots of greenery and curved lines of river and lake banks. The same is the picture of Vancouver and Melbourne, where the life is officially considered the most comfortable.

According to Mercer's data, for several years Vienna has been the most comfortable city in the world. Vienna is also highly estimated even by the Anglocentric Economist magazine: in 2011 it was the second city after Melbourne⁶.

The plan of Vienna looks multilayered. Its downtown bordered by Ringstrasse has an old concentric structure of a fortress city. This part of the city is filled with antiquity and traditions. Even not very old buildings (built in the 19-20th centuries)

струкции Барселона Ильдефонсо Сарда четкая сетка прямоугольных модулей должна была включать одинаковые скверики для каждого модуля и стандартизованные, предельно упорядоченные бульвары в диагональных осях. Общественные пространства линейного города носят «проточный» характер и предполагают движение энергии, людей и транспорта (в общем, движение информации) сквозь них. Все эти случаи придают городу дискомфортный, антигуманный характер с точки зрения большинства его жителей.

Возможен и другой подход – если рассматривать общественные пространства в качестве противовесов, компенсаторов господствующей тенденции. Так, Центральный парк Нью-Йорка с его неправильными очертаниями и подчеркнуто непричесанной растительностью уравновешивает минеральную правильность сетки улиц. На аэрокосмической фотографии Цюриха видно, как четкая структура жилых кварталов чередуется с хаотическими пятнами зелени и извилистыми линиями речных и озерных берегов. Аналогичное впечатление производит и Ванкувер, и Мельбурн – города, жизнь в которых официально признана наиболее комфортной.

Несколько лет подряд первое место в мире среди самых комфортных городов, по оценкам агентства Мерсье (Mercer), занимает Вена. Впрочем, по оценкам

< Генплан развития Москвы 1935 года.

«При определении размеров и планировке территории г. Москвы исходить из постановления июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 г. о нецелесообразности создания городов-гигантов с нагромождением большого количества предприятий в сложившихся крупных городских центрах и недопустимости строить в дальнейшем новые промышленные предприятия в г. Москве.

В соответствии с этим ограничить пределы роста г. Москвы и принять в основу расчетов роста территории города численность городского населения примерно в 5 млн. человек, с полным обслуживанием бытовых и культурных потребностей этого населения (жилища, городской транспорт, водоснабжение и канализация, школы, больницы, торговая сеть, столовые и т. д.)».

Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 10 июля 1935 г. / Moscow development masterplan of 1935

maintain the historical style. Beyond the second ring, Gürtel, there are modern districts which deviate from the principle of invariability. On the other bank of the Danube the linear structure is also obvious. It is composed of the grid of the roads running parallel and perpendicular to the river. Besides, in such districts as Erla, Liesing, Ottakring and Mariabrunn there is a smooth transition between a well-ordered grid of roads and irregular spots of parks and suburban gardens.

The urban area is divided as follows⁷:

Built-up area	11.3%
Transportation area.....	11.1%
Railway area.....	2.2%
Parks.....	28.4%
Water area	4.6%
Vineyards.....	1.7%
Timberland	16.6%
Agricultural area	15.8%
Other	8.3%

It is seen that public spaces (parks, roads, water reservoirs, forests and even vineyards) occupy a territory several times lar-

ger than the built-up area. Naturally, given such a strong 'counterbalance', the development can have whatever inclination: to centric, linear, ordered or chaotic character. A huge urban space that preserves natural coherence protects comfortability of the city from architectural and construction mistakes.

The theory and practice of urban planning are currently examining the properties of the images and how to make them coherent. This work, which is still so unusual for the majority of professionals, responds to one of the most important challenges of the 21st century. Not homemade, but commercial-scale production of coherent images is on the agenda. An exciting and strong image should not be a result of a rare creative success that demands a special talent and a long quest for inspiration. Any object or any element of milieu should become an example of the finest beauty. A human being of the new millennium wants to be surrounded by aesthetic and true images. None of the constitutions has yet declared the Right to Beauty and Truth. But it is this right that constitutes the current stage of society's evolution and a target of today's urban planning.

англоцентричного журнала Экономист (The Economist), Вена тоже оценена высоко и занимает в 2011 году второе место после Мельбурна⁶.

Планировка Вены производит впечатление многослойности. В центральной части, ограниченной Рингштрассе, отчетливо просматривается старинная концентрическая структура города-крепости. Эта часть города пропитана стариной и традициями, здесь даже относительно новые здания (XIX–XX веков постройки) придерживаются стилистики историзма. Тема неизменности слабеет ко второму кольцу – Гюртель, за которым начинаются современные районы. На другом же берегу Дуная так же отчетливо просматривается линейная структура, образованная сеткой дорог, параллельных и перпендикулярных реке. Наконец, районы Эрла, Лизинг, Оттакринг, Мариабрун демонстрируют плавный переход упорядоченной сетки улиц в неправильные пятна парков и пригородных садов.

Площадь города распределена следующим образом⁷:

Застроенная земля.....	11,3 %
Дорожные площади	11,1 %
Железнодорожные площади	2,2 %
Парки	28,4 %
Водные площади	4,6 %
Виноградники.....	1,7 %
Лесные участки	16,6 %
Сельхоз-площади.....	15,8 %
Прочее	8,3 %

Легко видеть, что общественные пространства – парки, дороги, водоемы и леса, и даже виноградники – занимают площадь, в несколько раз большую, чем площадь регулярной застройки. Вполне понятно, что при таком мощном «противовесе» застройка может иметь какой угодно перекося – в центричность, линейность, упорядоченность либо хаотичность. Огромный объем городского пространства, в образном плане сохраняющего природную когерентность, надежно защищает комфортность города от ошибок архитектурно-строительного комплекса.

Теория и практика градостроительства сегодня исследуют свойства образов и методы придания им когерентности. Эта, для большинства профессионалов еще очень непривычная работа – ответ на один из главных вызовов XI века. На повестке дня стоит уже не кустарное, а промышленное изготовление когерентных образов. Волнующий, сильный образ больше не должен появляться в результате редкой творческой удачи, требующей особого таланта и долгих поисков на ощупь. Любая вещь, любой элемент среды обитания должны стать носителями высокой красоты. Человек нового тысячелетия хочет жить в среде, насыщенной эстетически полноценными, правдивыми образами. Право Человека на Красоту и Правду пока что не записано ни в одной конституции. Но именно это право составляет содержание сегодняшнего этапа развития общества, и именно оно составляет предмет и цель современного градостроительства.

6. Самые комфортные для жизни города мира. РБК. <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2009/06/25/32478953>

7. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BD%D0%B0>

< План Вены в 1824 году. "Слоистая" структура города складывается в период расцвета Австрийской империи в первой половине XIX века. После разгрома наполеоновской Франции, став центром растущего многонационального государства, Вена быстро превращается в "столицу мира" взамен пришедшего в упадок Парижа. На плане прекрасно виден концентрический центр старого города, окруженный компенсирующим кольцом парков. Новые районы утрачивают радиально-концентрическую структуру и все больше напоминают прямоугольную сетку в духе Манхэттена / The plan of Vienna in 1824

text
E. Grigoryeva,
M. Meerovich

v Fig. 1. The Lutheran Church was closed down in 1919. Later it was occupied by a hostel for the students of Teachers Training Institute. It was completely demolished before the opening of the monument to V.I. Lenin (September 1952)

v Fig. 2. The park with a monument to V. I. Lenin (sculptor N. V. Tomsky)

History

Before the revolution, the architectural community had quite an unanimous attitude towards the urban planning regulation and generally expressed the public interest. At the first meeting of architects in December 1892, they discussed how the activities of city architects depended on the City Council. Actually, this dependence did no service to the quality of urban environment.

According to the City Regulation of 1891 and the Russian laws that specified the activity of public institutions in the late 18th century, city architects were appointed by city councils (and then approved by the Ministry of Internal Affairs). First of all, the councils involved major developers and homeowners. They were not at all interested in any external administrative or public control over their private business activities. As a result, the position of a city architect was often occupied by those who were loyal and "useful" for major private developers. Sometimes they did not even have an arc-

hitectural degree.

The participants of the meeting proposed to apply to the Technical and Construction Committee of the Ministry of Internal Affairs for prohibition of such practice and for adoption of the order to give the positions of city architects only to the people with higher degree qualified for construction practice.

To reinforce independence of the chief city architects in carrying out the municipal policy and promoting the decisions beneficial for the city but not for certain rich men, the meeting offered to exempt the city architects from jurisdiction of the councils and to make them directly subordinate to the governors. Like many other progressive and useful proposals, the implementation of this idea was hindered by the necessity of amendment to the recently adopted Annual Statute (1891). It had almost no chance, in spite of an evident disadvantage of the new statute, which, like the previous one (1870), had

Общественные пространства в городе

К разработке программы формирования структуры общественных пространств Иркутска

текст
Елена Григорьева
Марк Меерович

^ Рис. 1. Кирха была закрыта в 1919 году, позднее занята под общежитие студентов пединститута, полностью разобрана перед открытием памятника В. И. Ленину (сентябрь 1952 года)

^ Рис. 2. Сквер с памятником В. И. Ленину (скульптор Н. В. Томский)

История

Профессиональная позиция архитектурного сообщества по вопросу государственного регулирования градостроительной деятельности в предреволюционный период была вполне единодушна и выражала общественный интерес. Так, на первом съезде русских зодчих в декабре 1892 года обстоятельно обсуждается вопрос о попадании деятельности городских архитекторов в зависимость от городских управ. Причем результат этой зависимости идет явно во вред качеству городской среды.

Дело в том, что согласно Городовому положению 1891 года и своду российских законов, регламентирующих в конце XVIII века деятельность общественных управлений, городские архитекторы назначаются городскими управами (а затем утверждаются Министерством внутренних дел). В состав управ входят прежде всего крупные застройщики и домовла-

дельцы. А они совершенно не заинтересованы в каком бы то ни было стороннем административном или общественном контроле над своей частной предпринимательской деятельностью. Как следствие, порой на должности городских архитекторов назначались люди, «удобные» крупным частным застройщикам. Лояльные. А подчас даже не имеющие архитектурного образования.

По этому вопросу съезд выдвинул предложение ходатайствовать перед Технико-строительным комитетом МВД о законодательном запрете подобной практики и о принятии распоряжения о замещении должностей городских архитекторов исключительно людьми, имеющими высшее специальное образование, а также уровень квалификации, дающий им право производства строительных работ.

Для того чтобы усилить независимость главных архитекторов городов, сделать их более свободными в

no definition of the official rights and duties of the city architects (which caused a lot of problems in practice).

This problem remained unsolved for almost 20 years, until the fourth meeting of Russian architects (January, 1911), where the claim of the first meeting was announced in the same way: “the city architects should become independent from the members of city councils”.

Eleven years before that event, at the third meeting of Russian architects (January 1900), the city head of Vilna (Vilnius) P. V. Bertold presented his report “on creating cities according to confirmed plans”. ‘Confirmed’ means worked out and approved by all authorities. It means a final regulation. During urban development these statutorily approved plans were now and then violated. First of all, because buildings were built on the sites reserved for new squares and streets, gardens and parks, or for the enlargement of the existing streets and green public areas. In the parlance of our

в Рис. 4. Вместо часовни Спасителя был поставлен памятник В. И. Ленину из гранита / Fig. 4. The granite monument to V. I. Lenin replaced the Saviour’s Chapel.

в Рис. 3. Часовня Спасителя была заложена 30 августа 1866 года. В тот же день, спустя четыре года, она была торжественно освящена в память сохранения жизни императора Александра II (4 апреля 1866 года). Часовня установлена по плану и рисунку поручика Н. Н. Порохова, иконостас, иконы и другие принадлежности выписаны из Санкт-Петербурга. Постройка обошлась городу в 45 500 рублей. В 20-х годах XX века ее разобрали. (Медведев С. И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. М. : Галарт, 1996. С. 166) / Fig. 3. The foundation of the Saviour’s Chapel was laid on August 30, 1866. The same day, four years later, it was solemnly consecrated in memory of saving the life of Emperor Alexander II on April 4, 1866. The Chapel was designed by lieutenant N. N. Porokhov. The iconostasis, the icons and other attributes came from St. Petersburg. The construction costs amounted to 45,500 rubles. It was demolished in the 1920-s.

Public Spaces in the City (working out the structure of public spaces in Irkutsk)

осуществлении муниципальной политики, в отстаивании решений, идущих на пользу городу, а не в доход отдельным богачам, на съезде звучали предложения вывести их из-под юрисдикции управ. Подчинить городских архитекторов, как бы «через голову», непосредственно губернаторам. Но практическое воплощение этой идеи, как и многих других прогрессивных и полезных предложений, упиралось в необходимость внесения изменений в только что принятое (1891 г.) Городовое положение. Надежд на это было мало, несмотря на очевидный недостаток этого нового Городового положения, которое, как и предыдущее (1870 г.), не содержало никаких определений служебных прав и обязанностей городских архитекторов (что, собственно, и порождало на практике множество проблем).

Фактически нерешенным этот вопрос просуществовал до четвертого съезда русских зодчих (январь

1911 г.), где почти через 20 лет требование, сформулированное на первом съезде, было озвучено почти в том же самом виде: «Необходимо устранить зависимость городских архитекторов от членов городских управ».

Одиннадцатью годами раньше, на предыдущем, третьем съезде русских зодчих (январь 1900 г.), был представлен доклад городского головы г. Вильны (Вильнюса) П. В. Бертольда «О построении городов по подтвержденным планам». «Конфирмованные» – это высочайше утвержденные городские планы, по-нашему – разработанные и согласованные во всех инстанциях. То есть окончательный закон. Так вот, по ходу городского строительства эти законодательно утвержденные городские планы повсеместно нарушались. Прежде всего потому, что здания возводились на участках, зарезервированных под устройство новых площадей и улиц, скверов и парков или оставленных под расшире-

1. Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVII – начала XXI в. Опыт исторического исследования. Обнинск: Институт муниципального управления, 2006. С. 340.

2. Там же. С. 344.

time, a new development appeared “beyond the red lines” in contravention of the Master Plan.

The report was the object of impassionate debate because it reflected the situation in almost every city of the Russian Empire. But the legislative department rejected the speaker’s proposal to solicit the government for the special law that would oblige the owners to comply with the regulations of the approved plans. The main reason for the refusal was “the absolute priority of the interests of the private business over the public one in the process of building and reconstruction of the cities”¹ declared at the national level.

After ten years the situation changed both in the social and professional awareness. It became quite the opposite. At the first All-Russian Meeting of the specialists dealing with urban improvement (September 1910, Odessa), the reports devoted to the urban planning and development issues (G. D. Dubelir, D. D. Protopopov, V. N. Semenov et al.) expressed the common idea that the

“public” right should prevail over the “private” one in everything concerning housing, transport, public buildings, guest houses etc.².

By the beginning of the 20th century architects became completely convinced that the problems of rapid development of Russian cities can be solved only by having a simultaneously elaborated and then consistently realized urban plan. It involves not only the layout of buildings and roads, but also such activities as regulation of development, provision of certain area of vegetation, promotion of new types of transportation services (subway, express tramway) and systematic improvement of suburbs (opposite to their chaotic development). The complex of these activities (concerning transport, housing, public health, aesthetics etc.) consistently combined in one project was not only to solve all the urgent problems of the city, but also to prevent them in the future.

< Рис. 5. Успенская церковь построена на средства иркутского купца П. Ф. Медведникова в 1835–1846 по проекту архитектора А. В. Васильева. Храм стоял перед казармами Иркутской казачьей сотни на одноименной площади (ныне площадь Декабристов). 28 декабря 1917 года в ограде Успенской церкви в братской могиле были погребены казаки и прапорщики, погибшие в дни Гражданской войны в Иркутске. Успенская церковь была взорвана в 1930-х, и только в конце 1950-х стали застраивать будущую площадь Декабристов. Почтовая карточка начала XX века (Медведев С. И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. М.: Галарт, 1996. С. 166)

/ Fig. 5. The Uspenskaya (Dormitory) Church was built at the expense of the Irkutsk merchant P. F. Medvednikov in 1835–1846. The project was designed by architect A. V. Vasiliev. The Uspenskaya Church was located in front of the barracks of the Irkutsk Cossack unit on the square of the same name (now Dekabristov Square). On December 28, 1917, the Cossacks and lieutenants who had died during the Patriotic war in Irkutsk were buried in the common grave within the churchyard. The Uspenskaya Church was exploded in the 1930-s. Only in the late 1950-s the construction of the future Dekabristov Square was started. The postcard of the early 20th century.

> Рис. 6. Площадь Декабристов /
Fig. 6. Dekabristov Square

ние существующих улиц и зеленых общественных зон. То есть, как сказали бы сегодня, новая застройка, в нарушение генплана, возводилась «за красными линиями».

Доклад вызвал бурную оживленную полемику, потому что подобное положение дел присутствовало практически во всех городах Российской империи. Но при подготовке обращения съезда в правительство законодательный отдел съезда отклонил предложения докладчика ходатайствовать от имени съезда «вверх» о принятии специального закона, обязывающего владельцев подчиняться регулятивам утвержденных планов. Главный довод законодательного отдела съезда в отклонении подобного обращения заключался в том, что на государственном уровне в России был провозглашен «безусловный приоритет интересов частного бизнеса перед общественным при застройке и реконструкции городов»¹.

Но уже через десять лет это положение резко изменилось и в общественном, и в профессиональном сознании. С точностью до наоборот. Уже на Первом Всероссийском съезде деятелей и специалистов по городскому благоустройству (сентябрь 1910 г., Одесса) в докладах, посвященных проблемам планировки и застройки городов (Г. Д. Дубелир, Д. Д. Протопопов, В. Н. Семенов и др.), твердо звучит мысль о том, что во всех вопросах, посвященных решению жилищных проблем, транспорта, возведения общественных зданий, доходных домов и т. п., приоритетным должно являться «публичное», а не «частное» право².

К началу века в профессиональной архитектурной среде окончательно складывается убежденность в том, что решение проблем все более бурного развития российских городов возможно лишь при наличии единовременно разработанного, а затем последовательно воплощаемого городского плана. Что подразумевает

3. Чадаев А. Case studies. <http://www.chadayev.ru/bl og/2012/10/23/case-studies/>

Theory

Marxism, or “scientific communism”, emerged in the 19th century as a denial and antipode of wild capitalism of the period of industrial revolution. Everything relating to the hated capital was to be destroyed: the market, private property, glaring social inequality, bourgeois institutions of family and marriage, and, mainly, the government as a power instrument of a small group of the rich (together with this group). The proletarian revolution was considered the means of such changes. As a result, all the disadvantages of capitalism were supposed to be transformed into advantages of socialism. People believed with all their hearts that, on a planning basis, the government will function more effectively than the market, and, having replaced the private property, the common property will ensure social equality and prosperity and materialize the idea of social justice – not for a small group of owners, but for all working people.

These ideas and slogans were used in the Russian revolution of 1917.

Since then, all the self-regulatory mechanisms of formation, existence, renovation and development of the urban environment were abolished. All the processes of building, territory improvement, engineering support and artistic design of yards, pavements and facades, that had been previously implemented by private land and estate owners, were terminated. All the forms of public services provided by private enterprises (restaurants, cafes, laundries, hairdressing salons, tailor and repair workshops, grocery, manufactured goods and book shops, circuses and cinema theatres, schools and universities) and many other private establishments were closed down. Later, during the period of New Economic Policy, some private enterprises providing public services returned, but after 1929 they were completely prohibited and eliminated. Since then, the government became responsib-

не только изображение расположения зданий и дорог, но и целый комплекс таких мер, как регламентация застройки, обеспечение определенной площади зеленых насаждений, предложения по устройству новых видов транспортных коммуникаций (метрополитен, скоростной трамвай), планомерное благоустройство прилегающих к городу территорий (в противоположность хаотичному их освоению). Предполагалось, что вся совокупность подобных мероприятий (транспортных, жилищных, санитарно-гигиенических, художественно-эстетических и проч.), собранных в едином проекте в непротиворечивое и взаимосвязанное целое, должна не только решить все актуальные проблемы города, но и не допустить их возникновения в будущем.

Теория

Марксизм, называемый также научным коммунизмом,

родился в XIX веке как отрицание дикого капитализма периода индустриальной революции, как его антипод. Все, что представляло ненавистный капитал, следовало уничтожить – рынок, частную собственность, вопиющее социальное неравенство, буржуазные институты семьи и брака, и самое главное – само государство как орудие власти кучки имущих (заодно с ними самими). Средством этих изменений призвана была стать пролетарская революция, в результате которой все минусы капитализма должны были быть исправлены на плюсы социализма. Вера в то, что государство с помощью планирования будет работать эффективнее рынка, а общественная собственность, пришедшая на смену частной, обеспечит социальное равенство и процветание, позволит восторжествовать идее социальной справедливости – не для кучки собственников, а для всего трудящегося населения – была безграничной и безоглядной.

le for the improvement of urban environment, which was a heavy burden for it.

The theory of Marxism-Leninism in terms of the Soviet urban planning standards tried to invent a new logic of creating city public spaces – the squares for manifestations and public celebrations of “the red calendar days” (with tribunes in front of the headquarters of the municipal executive or regional party committees to be occupied by the party and Soviet elite), central streets for great parades (with buildings inhabited by those who were in the government’s good graces), yards for sport and local propaganda activities (with wooden propaganda platforms), etc.

Having overcome all ideological spells, life never changed the citizens’ need for the opportunity to act according to their own free will (to go where they want and do what they want instead of going where they ought to go and doing what they ought to do). This

Именно под такими идеями и лозунгами в 1917-м в России была совершена революция.

С этого момента все механизмы саморегулирования в формировании, существовании, обновлении, развитии городской среды были отменены. Все процессы строительства зданий и сооружений, благоустройства прилегающей территории, инженерного обеспечения и художественного оформления дворов, тротуаров, фасадов зданий, которые до этого времени осуществлялись частными владельцами земли и недвижимости оказались ликвидированы. Все формы общественного обслуживания, основанные на частном предпринимательстве: рестораны, кафе, прачечные, парикмахерские, пошивочные и ремонтные мастерские, продуктовые, промтоварные и книжные магазины, цирки и кинотеатры, школы и университеты, а также многое, многие другие частные инициативы потеряли право на существование. Правда, потом, в период НЭПа, на некоторое время частное предпринимательство в этих сферах обслуживания вернулось в повседневную жизнь, но после 1929 года было окончательно и бесповоротно запрещено и уничтожено. С этого времени все заботы об обустройстве среды обитания легли на плечи власти и во многом стали для нее непосильным бременем.

Марксистско-ленинская теория, переведенная в советские нормативы градостроительного проектирования, пыталась сформировать новую логику возникновения в городе общественных пространств – площадей для манифестаций и народных празднований «красных дней календаря» (с неперемненными трибунами перед зданием горисполкома или обкома партии для партийно-советской знати), центральных улиц для массовых шествий (с домами, в которые вселены удостоенные милости власти), дворов – для занятий спортом и локальных культурно-массовых агитационных мероприятий (поэтому с обязательными деревянными агитплощадками) и т. п.

Но преодолев все идеологические заклинания, жизнь сохранила неизменную потребность горожан иметь в городской среде особые места для осуществления «невынужденных» действий, то есть дающие

opportunity gives rise to the unforced (unconventional) train of thought, “the freedom of thought”, which is part and parcel of any intellectual work.

According to this principle, the architect’s spatial target is to create a series of places for such a free activity. They are not places for seclusion and loneliness, but for meeting and communicating with people tête-a-tête. This is not a hermit’s shelter, but a square, a park, a boulevard or a forum. A place for conducting a ‘dialogue’ in its broad philosophical sense³.

The Soviet Day before Yesterday

During the Soviet period public areas were created according to the requirements both in Irkutsk and in other Russian cities. The amount of the territory given for greenery was determined by the particular indicators. The architects had to decide how to use these square meters: whether they would make a big park or interconnecting belting (going through the city) central part of

людям возможность пойти туда, куда хочется, и делать то, что хочется (вместо того чтобы идти туда, куда надо, и делать то, что положено). Именно из такого рода возможностей и проистекают в конечном итоге невынужденные (нешаблонные) ходы мышления – та самая «свобода мысли», без которой невозможно никакое интеллектуальное творчество.

Выражающая этот принцип пространственная задача архитектора состоит в том, чтобы создать набор мест такого невынужденного времяпрепровождения. Причем это были бы не места уединения для протекания одиночества, а места, где разные люди встречаются, общаются, смотрят друг на друга, вместе проводят время, т. е. не грот отшельника, а площадь, парк, бульвар, сквер, форум. Место, где возможен диалог в широком философском смысле³.

Советское позавчера

В советский период общественные пространства в Иркутске, как и в других городах России, создавались нормативно: количество площади территории города, отдаваемое под зеленые насаждения, определялись конкретными показателями. А вот как распределить эти квадратные метры: собрать ли их в единый парк или во взаимосвязанную, опоясывающую (или пронизывающую) центральную часть города систему скверов, вытянуть полосой вдоль дорог или сформировать при каждой группе домов локальные зеленые оазисы – эти вопросы решали архитекторы. Именно создаваемые ими планировочные решения предопределяли формирование общественных пространств: парков, скверов, бульваров, уличных и внутривдворовых зон, рекреаций и т. п. И как следствие – своеобразие и «физиономию» того или иного города.

Причем в советский период существовала не официальная, не общераспространенная, но вполне однозначная установка на то, чтобы при каждом возможном случае формировать в существующей городской среде все новые и новые общественные пространства. Поэтому в годы советской власти в Иркутске, как, впрочем, и в других городах Советского Союза, общественные пространства развивались весьма своеобразно

the city, the system of public gardens stretched along the sides of the roads or form local green oases near each group of houses. Their projects determined such public areas, as parks, public gardens, boulevards, street and inner yard zones, recreational areas, etc., and as a consequence - originality and "the face" of a city.

During the Soviet period there was no official, nor wide-spread, but a definite aim to form more new public areas in the city environment whenever there was a chance. That's why public areas were developing in a distinctive way during that period in Irkutsk and in other cities of the Soviet Union. In many cases new squares and public gardens substituted the demolished cult buildings. In 1932 the main cathedral was demolished. In 1950s its ruins were sorted out and the Kirov's square appeared, the main square with the administration buildings around. It happened right before the planned visit of Eisenhower, which had never occurred. On the corner of Lenin and Karl Marx Streets (figure 1)

the square for Lenin's monument (figure 2) was established on the place of the demolished Lutheran church in 1952.

In the 20-th century a little square with Lenin's bust appeared on the corner of Karl Marx and Proletarskaya Streets. On the place of Uspenskaya church (figure 3) the Dekabristov squares (figure 4) appeared. In 1950 the Yerusalimskoye cemetery became the Central park of culture and recreation. It was a distinguishing feature of the Soviet urban planning policy to convert cemeteries into parks. It would be a scandal and would hurt many citizens' feelings because their forefathers' bodies lied there, if they just went through the cemetery by bulldozer (like they did with the cemeteries on the territories of demolished churches). Therefore, "the smartest" decision was to take away gravestones, and for this place not to be empty, make it a territory for public celebrations.

Irkutsk architects and ideologists recognized that squares and parks were necessary to convert the capital

^ Современный вид площади им. Кирова /
A present-day view of Kirov Square

> Вид Тихвинской площади от Публичной библиотеки
(Медведев С. И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917.
М. : Галарт, 1996. С. 408) /
The view of Tikhvinskaya Square from the Public Library (S. I.
Medvedev. Irkutsk Picture Postcards, 1899-1917. Moscow: Galart, 1996.
P. 408)

но. Чаще всего новые площади и скверы замещали снесенные культовые здания.

В 1932 году был снесен главный кафедральный собор, и впоследствии, уже в 1950-е годы, руины были разобраны и к планировавшемуся, но так и не состоявшемуся приезду Эйзенхауэра благоустроили сквер Кирова – главную площадь с административными зданиями вокруг нее.

В 1952 году на месте снесенной лютеранской кирхи на углу улиц Ленина и Карла Маркса (рис.1) был разбит сквер для установки памятника В. И. Ленину (рис. 2).

На углу улиц Карла Маркса и Пролетарской на месте часовни (рис. 3) возник скверик с бюстом В. И. Ленина (рис. 4). На месте Успенской церкви (рис. 5) появилась площадь Декабристов (рис. 6). В 1950-е годы Иерусалимское кладбище превратилось в

Центральный парк культуры и отдыха. Вообще для советской градостроительной политики предвоенного и послевоенного периодов превращение городских кладбищ в парки было характерной чертой. Заровнять бульдозером гражданские кладбища (как это повсеместно происходило с кладбищами на территориях разрушаемых церквей) было слишком скандальным действием, чрезмерно оскорбляющим чувства слишком большой массы городского населения, прах чьих предков покоился здесь. Поэтому самым «умным» стало повсеместное решение убрать надгробия, а чтобы место в центральной части города «не пустовало» – устроить здесь территорию для массовых гуляний. В Иркутске надгробные плиты использовались вполне рационально – ими облицовывались фасады зданий. Цоколь здания по ул. Горького, в котором были расположены кассы «Аэрофлота», облицован такими плита-

of Eastern Siberia into a green comfortable city. They beautified both old and new public areas before the war and after. The projects of sculptures were developed - girls with oars, pioneers and discus throwers, benches and urns with Soviet symbols, leaders' monuments and fountains on the squares.

Soviet Yesterday

In the 1960-70s Irkutsk had a chance to become different and obtain an identity with the help of the architect Vyacheslav Voronezhskiy and his team. He had a new idea of the green diameter, which would make A SYSTEM out of all existed and projected public areas on the South-Eastern border of the historical center (now it's a tourist sight). All of that was progressive and correct. Irkutsk got a great opportunity to build an intercity pedestrian system from Ushakovka to the Angara River through Dekabristov and Konstitutsii, Vkhodo-Yerusalimskaya and Teatralnaya squares (ref. Bukh's

article, PB 29-30). The drafts and names could have been compared to the Paris axis (figure 5). All other projects of 1970-80s concerning green belts were developed in correspondence to this idea - Trade Union Palace of Culture, parking lot for Regional Committee on Karl Liebknekht Street in the correspondence to the local landscape, dormitory for Economic Academy students (its green zone and stadium with stands was projected considering that the pedestrian and park axis was situated nearby). 2 new squares - Konstitutsii (see PB 26) and Cultural Center Square (see PB 29-30), now - Teatralnaya, were designed and built with the help of the best Russian architects of that time.

Recent Soviet Period

When the perestroika period started, the Soviet system had been destroyed. There were not enough public areas then, and after the fall they were practically eliminated. Land pieces, where the trees grew and public life, leisure,

в Рис. 8.
Зеленый диаметр /
Fig. 8. The green diameter

ми. До недавнего времени можно было, заглянув на заднюю часть колонн, увидеть ритуальную надпись. Эти плиты и сейчас там, они до сих пор не сняты, а лишь стыдливо поверх «задрапированы» сайдингом.

Необходимость площадей и парков осознавалась иркутскими архитекторами и идеологами превращения столицы Восточной Сибири в зеленый, комфортный город. И в предвоенный период, и в последующие годы они обустроивали старые и вновь созданные общественные пространства старательно и методично. По всей стране были распространены проекты малых форм и скульптуры – девушки с веслами, пионеры и дискоболы, скамьи и урны с символикой в парках, памятники вождям и фонтаны на площадях.

Советское вчера

Иркутск в 60–70-е годы прошлого века имел шанс отличаться и приобрести некую идентичность благодаря градостроительной мысли Вячеслава Воронежского и его единомышленников. Качественно новая идея с зеленым диаметром, выстраивающим в СИСТЕМУ существующие и проектируемые общественные пространства юго-восточной границы исторического центра (то, что сейчас именуется достопримечательным местом) – все было очень правильно и прогрессивно. Иркутск получил прекрасную возможность выстроить сопоставимую с парижской осью (рис. 7) трансгородскую пешеходную систему от Ушаковки до Ангары через площади Декабристов и Конституции, Входа-Иерусалимскую и Театральную (см. статью В. Буха в ПБ29–30, с. 103). На эту планировочную идею (рис. 8) были сориентированы все примыкающие к зеленому диаметру проекты периода 70–80-х годов – Дворец культуры профсоюзов, вписанный в рельеф гараж облизполкома по ул. Карла Либкнехта, общежитие для студентов Института народного хозяйства (его зеленая зона и стадион с трибунами проектировались на примыкании к пешеходно-парковой оси). Две новых площади – Конституции (ПБ26) и Культурного центра (ныне Театральная, ПБ29–30) – были созданы в проектах и большей частью реализованы с участием лучших российских архитекторов того времени.

and recreation went on spontaneously, were sold for new developing. Even the territory belonging to schools and kindergartens didn't escape the wicked common lot. Many areas between the houses and districts used for sport activities used to be a special kind of public areas, now became plots of chaotic, in many cases not systemized new building. There were temporary kiosks and permanent stores, infill apartment complexes, office centers and malls built there.

In 1990s there were many cases of illegal land taking in Irkutsk, in 2000s the chief architect didn't consider urban planning traditions in decision making. All of that broke the continuity of the "green diameter", which had been designed and partly implemented before. It was supposed to be a continuous chain of green areas from Ushakovka to the Angara River. On the place of that green belt there were dense residential communities built in the area of Alexander Nevskiy, Partizanskaya,

and then Polenova-Krasnoyarskaya Street. However it's obvious for experts that many of these house groups could have been built around the boulevard, along the pedestrian axis. This solution would have improved the living conditions in new over-dense residential areas.

Modern Times

Western municipal urban planning policy is totally different from the Soviet and post-Soviet one. The difference is in the quality of public areas. In the USSR the city administration established a centralized autocratic rule, in Europe and in the USA the territorial resident communities ruled (and still do so) on the pieces of a territory. They make decisions what the territory, where they live, should be like. Also what amount and quality of public area they would like to have. All residential issues come from their will. The residents also decide which investor they would let on their territory, on what purpose, which projects would be implemented. They determine what

Недавний постсоветский период

Советская система с началом перестройки была разрушена, в результате чего общественные пространства, которых и так всегда не слишком-то хватало в советском городе, оказались в значительной мере уничтоженными. Участки земли, на которых росли деревья и стихийно развертывалась общественная жизнь, досуг и отдых горожан, оказались распроданы под новое строительство. Этой злой участи не избежали даже участки территории, принадлежащие школам и детским садам. Многие междомовые и микрорайонные спортивные зоны, которые всегда являлись общественными пространствами особого рода, стали местами хаотичного и совершенно бессистемного нового строительства – на них возводились временные киоски и капитальные торговые павильоны, высотные точечные жилые комплексы, офисные и торговые центры.

В Иркутске 1990-е годы с присущими им захватническими землеотводами и 2000-е с главным городским архитектором, принимавшим решения вопреки градостроительной преемственности, нарушили непрерывность спроектированного и частично реализованного в предшествующие годы так называемого зеленого диаметра – непрерывной гирлянды зеленых пространств, протянувшихся от Ушаковки до Ангары. На месте этого зеленого пояса были сделаны землеотводы под строительство и возведены плотные жилые массивы в районе улиц Александра Невского – Партизанской, а затем и улиц Поленова – Красноярской. Хотя специалистам совершенно очевидно, что можно было бы эти группы жилых домов выстроить вокруг бульвара, нанизать на пешеходную ось. Подобное решение только

улучшило бы условия проживания в новых переуплотненных жилых массивах.

Современность

Западная муниципальная градостроительная политика кардинально отличается от советской и от постсоветской. Проявляется она в том числе и в разительном отличие качества общественных пространств. Если в СССР городами централизованно и единовластно управляла городская администрация, то в Европе и Америке фрагментами территории управляли (и по настоящее время управляют) разного масштаба территориальные сообщества жильцов. Они сами принимают решения, какой должна быть территория, где они обитают. И в том числе по поводу того, какое количество и качество общественного пространства они хотели бы иметь. Все, что происходит в жилой среде, является результатом их волеизъявления. Какого инвестора, с какими целями, с какими проектами и для чего вступить на территорию района, решают те жители, которые в этом районе живут. Они сами определяют, что им нужно в данном месте – новая школа, новые офисы, новый заводик или новый парк... Решают на собраниях, делегируя право представлять их мнение избранным полномочным представителям (депутатам), которые самоотверженно отстаивают в мэрии данное мнение горожан, потому что именно горожане содержат мэрию на свои налоговые отчисления и именно горожане на выборах решают, какому политике можно доверить выражать их волю.

В Иркутске в постсоветский период в результате перестройки советской нормативной системы и полной

^ Рис. 7. Парижская ось. Чертеж и названия площадей / Fig. 7. The axis of Paris. The layout and the names of the squares

they need at the particular place - new school, new offices, new factory or a new park... They have meetings delegating the right to represent their opinion to the elected plenipotentiary representatives (deputies), who selflessly stand for the citizens' opinion in the city hall because the city hall lives on citizens' taxes and the citizens decide on the election to which politician they can entrust their will.

During the post-Soviet period some of the city public areas were lost as a result of the Soviet regulatory system rebuilding and the municipal urban planning policies, which were closed for the citizens. Land taking on the Truda Square and Gagarin boulevard, not systemized building of Predmostnaya area (near the old bridge over Angara), green belt, the elimination of banks that lay along small rivers and brooks flowing into Angara in Sverdlovskiy district, residential buildings instead of boulevards, despite there were active projects of detailed plans (Tereshkova Street, Ryabikova Boulevard,

Stroiteley Boulevard) - all of that are the results of short-sighted and corrupted municipal urban planning policy, the steps towards the worsening of the city environment quality covered with nice words about "the necessity to develop the city".

Currently the high-quality housing is under construction on the territory of the cultural center near Zagurskiy Musical Theater - on the corner of Parkovaya and Kommunarov Streets. This is a place, where the public buildings were suggested to be - the City Ceremonial Palace, and after - the concert hall of 1500 seats. Both of these places were designed considering Vkhodo-Yerusalimskaya and Teatralnaya Squares. However the accommodation complex, which is growing literally from the underground there, doesn't consider it. It converts the second important city square from the potential city public recreational space into a common, but very expensive ground of apartments for the rich.

^ v Рис. 9–11.
130-й квартал – звено в городской системе общественных пространств / Fig. 9-11. The Block 130 is an element of the urban system of public spaces

закрытости для горожан содержания муниципальной градостроительной политики, часть городских общественных пространств была потеряна. Захваты на площади Труда и бульваре Гагарина, бессистемная застройка Предмостной площади (у старого ангарского моста), уничтожение зеленых поясов и коридоров вдоль малых рек и ручьев, впадающих в Ангару в Свердловском районе, жилая застройка вместо бульваров вопреки действовавшим проектам детальной планировки (ул. Терешковой, бульвар Рябикова, бульвар Строителей) – все это результаты неадекватной и коррупционной муниципальной градостроительной политики, шаги в сторону ухудшения качества городской среды, прикрытые красивыми словами о «необходимости развития города».

Сейчас в Иркутске идет строительство элитного жилья на территории культурного центра вокруг Музыкального театра им. Загурского – на углу улиц

Парковой и Коммунаров – на том месте, где во всех предшествовавших градостроительных предложениях должны были размещаться общественные здания – Дворец гражданских обрядов, а затем концертный зал на 1 500 мест. При этом и Дворец гражданских обрядов и новый концертный зал проектировались с учетом связи Входа-Иерусалимской и Театральной площадей, чего нельзя сказать о том жилье, которое сейчас на этом месте вырастает из-под земли, превращая вторую по значению общегородскую площадь из потенциального общегородского общественного пространства для массового отдыха в банальную, но очень дорогостоящую площадку суперэлитного жилья.

Попытка авторов концепции регенерации исторического 130-го квартала выстроить цепочку общественных пространств на участке от Иерусалимского мемориального парка до бульвара Гагарина и островов Ангары лишь частично реализовалась в связи с празд-

There was an attempt to regenerate the concept of the historic block №130, building the chain of public areas from Yerusalimskiy Memorial Park to Gagarin Boulevard and islands of Angara. It was implemented partly because of the celebration of the 350-th city anniversary. On that plot a part of the green belt was revived and for the first time during 25 years another new square of the city importance and a pedestrian boulevard appeared (figure 6).

From Today to Tomorrow

Modern citizens need a thoughtful, diverse, integral system of intercity public areas because today not only Irkutsk, but all Russian cities compete with one another for human resources.

Today's municipality's decision about the city development is its tomorrow's condition, its tomorrow's quality of environment and life. That's why today the obj-

ective of Irkutsk municipality is very urgent - to bring back the system of public areas to the city fabric. Public area is becoming a synonym to our (and any) city and local city community.

There is no public life without public areas, consequently there is no peculiar environment quality and daily nature, which turns a settlement into "the city". The city community isn't a sum of separate individuals. It's a union of people based on common interests, which may occur at any place. Also, it may occur in the context of organizations, where they work and the places, where they spend their spare time. The most important is that it's everywhere - on the streets, squares, boulevards, embankments, promenades, and yards. Usually the communication between population groups takes place here - in all spots of the city area, which become enriched by this process.

нованием 350-летия города. Именно на этом участке, включающем территорию 130-го квартала, была реанимирована часть зеленого диаметра и создана, впервые за последние 25 лет, еще одна новая площадь общегородского значения и пешеходный бульвар (рис. 9).

Из сегодня – в завтра

Необходимость в продуманной, многообразной, целостной системе внутригородских общественных пространствах у современных горожан с каждым годом возрастает, так как сегодня не только Иркутск, но и все российские города все больше и больше конкурируют друг с другом за человеческий ресурс.

Сегодняшние решения муниципалитета в области развития города, – это завтрашнее его состояние и это завтрашнее качество среды обитания и качество жизни. Поэтому именно сегодня перед муниципалитетом г. Иркутска стоит очень актуальная и важная зада-

ча – вернуть в городскую ткань систему общественных пространств. Именно общественное пространство является своеобразным синонимом нашего (да и любого другого) города и местного городского сообщества.

Без общественных пространств нет общественной жизни и, как следствие, нет того специфического качества среды, и характера повседневности, которое превращает поселение в город. Городское сообщество – это не сумма отдельных индивидов. Это объединение личностей на основе общих интересов, которое происходит в очень разных местах. И в рамках организаций, где они работают, и в тех местах, где они проводят свой досуг. И, что самое важное, – на улицах, площадях, скверах, бульварах, набережных, променадах, во дворах – везде. В нормальных городах общение групп населения по интересам происходит именно здесь – во всех тех точках городского пространства, которые и приобретают в связи с этим процессом статус и значение «общественного».

Общественные пространства и их системы в Иркутске: уничтожение и создание

Диалог архитектора и культуролога во время прогулки по городу

текст
Елена Григорьева
Марина Ткачева

*Из глины делают сосуды,
но употребление сосудов
зависит от пустоты в них.
Пробивают двери и окна,
чтобы сделать дом,
но пользование домом
зависит от пустоты в нем.
Вот почему полезность
чего-либо имеющегося
зависит от пустоты.
Дао дэ цзин*

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Общие пространства легко определимы. Вот мы идем по городу: улица, скверик, площадь, набережная, парк – это все они и есть. Что бы мы ни проектировали – жилые дома или магазины, детские сады или школы, – общественное пространство создает ту «лимфу», которая их омывает и делает возможным само их существование.

В последнее время общественные пространства, их модернизация, их влияние на качество жизни и соответственно конкурентоспособность города постоянно обсуждаются на самых разных мировых форумах. То же и в России («Архмосква» и Московский урбанистический форум тому подтверждением), и у нас в Иркутске (круглый стол ЗВС-12, тема ноябрьской конференции и предстоящего Зимнего университета).

МАРИНА ТКАЧЕВА Значение открытых пространств в городе возрастает: они «притягивают» такие формы общественной жизни, в которых горожане имеют возможность разнообразной деятельности: отдых, спорт, чтение, общение, прогулки с детьми, застолье...

ЕГ Да, это один из главных способов взаимодействия общества и городской застройки, и в будущем организация муниципальных образований будет «программироваться» именно их наличием (или отсутствием). Сегодняшние споры о возможном исчезновении общественного пространства под растущим влиянием новых медиатехнологий мне кажутся второстепенными по сравнению с вопросом о том, кто и как их будет проектировать, кто и как использовать?

МТ Да, останавливаться на решениях вчерашнего дня уже невозможно.

Я думаю, не помешает обозначить качества, абсолютно необходимые для них. Первое из них – это общедоступность, открытость. Второе, как мне представляется, – это свобода самопроявления людей (разумеется, в пределах социально-позитивного поведения). Третье – безопасность. Позиционировать общественное пространство как территорию безопасности – важнейшее условие ее успешного функционирования. Следствие третьего – это освещенность. Человек, существо «солнечное» по происхождению, тяготеет к светлым территориям и пространствам.

Я дилетант в вопросах теории, но люблю наблюдать повседневность и то, что происходит как «само собой разумеющееся». Вот несколько соображений по этому поводу.

Функциональное взаимодействие открытых пространств и тех зданий, около которых они располагаются, в настоящее время зачастую программируется именно назначением закрытых помещений: возле магазинов лепятся парковки (подчас несанкционированные), торговые ларечки, почтовые киоски, фастфуды и т. п. Перед офисными зданиями свободное пространство вряд ли может быть даже названо свободным: оно сокращено до абсолютного минимума. При этом прилегающая к офисам территория огораживается, а въезд на нее всемерно ограничивается. Владельцы и арендаторы помещений мало заботятся о смысловом наполнении территории перед зданиями. Типичным способом их организации считается обеспечить передвижение людей из одной точки в другую. Это даже трудно назвать променадами – так, перебежание из магазина в магазин, из конторы в забегаловку. Но даже в этой, чрезвычайно убогой функциональности люди оказываются подчас в экстремальной ситуации.

Вот торговая площадь перед рынком и торговым комплексом. Большая ее часть уже «съедена» торговыми павильонами сомнительной комфортности: ни места для товара, ни удобных примерочных, ни туалетов. Даже переход через улицу на светофоре подчас затруднен: слишком много людей толпится на светофорах, слишком узок тротуар. Не обеспечены условия для полноценного функционирования и вокруг нового торгового центра «Карамель»: уже привычное для

Иркутска отсутствие парковок, затрудненное передвижение пешеходов вокруг здания (впрочем, и внутри тесно, толчея стала привычным сопровождением почти любого похода в магазины). Стоит задать вопрос: не слишком ли мы злоупотребляем сложившимся в прошлом стереотипом, что, дескать, торговля должна быть приурочена к центру города? Напомним, что во времена, когда этот уклад был само собой разумеющимся, границы города существенно отличались от сегодняшних.

А вот центральные улицы: Тимирязева, Дзержинского, Литвинова, Партизанская. Сломанная тротуарная плитка, искореженный от времени и огромной лавины людей асфальт, отсутствие ливневок и, как следствие, затопление проезжей части и тротуаров дождевой водой даже при малейшем намеке на «серьезный» дождик.

Предпочтительные виды деятельности горожан всегда можно определить по маршрутам общественного транспорта. Например, первая линия трамвая в Иркутске была проложена между железнодорожным вокзалом и рынком. И это уже говорит о многом в менталитете иркутян: такое сверхутилитарное отношение к пространству, «точечное» восприятие его функций, умение обходиться минимумом удобств и места.

Когда я приехала в Иркутск впервые, меня поразило отсутствие привокзальной площади: рельеф не позволяет расширить пространство перед вокзалом. Назрела потребность (и она уже стала задачей для городского руководства) спроектировать и осуществить альтернативные предложения, облегчающие не просто перебежание, но полноценное передвижение пешеходов в этом абсолютно служебном и необходимом общественном пространстве.

ЕГ Согласно, что «точки попадания в город» формируют первоначальное впечатление от него, создают установку на восприятие его комфортности и «человеческого измерения». Лицо города и его ценность главным образом определяется по общественному пространству. Правда, не следует, как это получилось в твоей реплике, говорить только о текущей повседневности. Я хочу сказать о более крупных, принципиально важных ситуациях и примерах.

Уничтожение

Перекресток улиц Ленина и Горького, фото 80-х годов XX века (2). Система общественных пространств здесь подключена к скверу Горького, продолжается под пилонами Радиодома, потом поворачивает и соединяет улицу Горького с улицей Карла Маркса единым широким пешеходным променадом (3). Прочитав Константина Лидина: «Замысел архитектора (Николая Белякова) полностью соответствовал градостроительной ситуации: зал поднят над сквером, переходящим в небольшую площадь, на четырех пилонах. Площадь перед ИГТРК связана со сквером Горького и с пешеходным пространством, идущим от ул. Горького к кинотеатру «Гигант» («Второй этаж»). Однако семейный бизнес одного из влиятельных депутатов Городской думы оказался важнее, чем интересы развития города. Вопреки и в нарушение целого ряда законов общественное пространство между пилонами было застроено, сквер лишился половины своей площади, а пешеходы – удобного и безопасного прохода с улицы Ленина на улицу Горького» (Лидин К. Маршрут 7. Общественные пространства. ПБ. № 29–30. С. 153).

Тротуар сузился буквально до полутора метров. После того, как была введена в эксплуатацию парикмахерская, при ремонте дорожного полотна границу проезжей части улицы даже пришлось чуть-чуть сдвинуть, чтобы расширить тротуар, потому что он был просто безумно узким.

При сравнении фото 80-х с современным состоянием (1) бросается в глаза еще один аспект общественного пространства – присутствие в нем рекламы. Красота кирпичной стены и культура строительного материала как таковая, видимо, не воспринимается теми, кто размещает рекламу в городе. Для сопоставления – свежее фото из нашей культурной столицы, Санкт-Петербурга (4): видна и скульптура вдали, и променад оформлен, и реклама отсутствует. А информация (в том числе и рекламная) размещена в стеклянных призмах.

В нашем журнале несколько лет существовала рубрика «Скверы, которые мы потеряли». Она обозначала позицию части профессионального сообщества по поводу захвата общественных пространств коммерче-

скими структурами, и происходит это с молчаливого позволения городского сообщества. Набережная реки Ангары, традиционно любимое, а долгое время – единственное место прогулочного отдыха горожан (6). Она не всегда была благоустроенной. Несколько десятков лет тому назад ее расчистили, провели берегоукрепление, вымостили, озеленили. Имелось в виду, что кафе и прочие предприятия обслуживания будут размещены в расположенных поблизости кварталах. Однако уже в 2000-е годы произошло несколько вопиющих захватов. На месте одной из последних общедоступных спортивных площадок, в непосредственной близости от моста через Ангару, воздвиглось офисное здание. Ресторан «Нежный бульдог» занял часть парка, называвшегося в старые времена «Сад Парижской коммуны»; там когда-то играл духовой оркестр, танцевали горожане. Частный ресторанчик «Акула» (5) просто прервал непрерывность набережной, его теперь надо обходить. Владельцы «Акулы» поставили знак: «Внимание, частная собственность». Но эта частная собственность создана на общественном пространстве...

МТ Неплохо бы вспомнить, что еще в начале XX века здесь находился городской общедоступный сад.

ЕГ Недавно в Москве, на территории уютного сквера в Текстильщиках, вырубил в парке деревья для строительства двухэтажного ресторана. Это один из шести дендроскверов, созданных в середине 60-х. Жители вышли на улицу, последовал репортаж по каналу «Россия» – и возведение ресторана приостановлено. У нас в свое время аналогичные действия застройщиков и муниципалитета не вызвали возражения жителей. Отторжение наблюдалось только в профессиональной среде архитекторов, да и не у всех: понятно, что все нарушения делаются при непосредственном участии наших коллег.

Для профессионалов понятно, что в новых районах общественные пространства закладываются в генплан города, в проекты планировки. В реальности же они появляются не сразу. В натуре мы видим заваленные мусором и поросшие сорной травой пустыри.

МТ Замечу, что «выдерживать» предназначенную для общественного пространства территорию в состоянии пустыря – верный путь к успеху незаконного

захвата: ведь пустырь – территория беспорядка, тревоги, опасности. Настроения местных жителей, которые постоянно с ней соприкасаются, непременно будут склоняться в сторону «хоть какого-то порядка». И предприимчивые строители с чиновниками действуют по отработанному сценарию: назвать будущий сквер или бульвар (8) пустырем – и поставить гаражные боксы (7), проложить теплотрассу прямо над землей, построить многоквартирный жилой дом. В общем, «как вы яхту назовете – так она и поплывет».

ЕГ Иногда дело доходит до абсурда: вот район, который называется бульвар Рябикова. Но там, где по градодокументации планировался бульвар, теперь жилая застройка. Название бульвар Рябикова осталось, хотя бульвара уже нет, и сделать его уже невозможно.

Между микрорайонами Первомайским и Университетским, характеризующимися очень плотной структурой, находится падь Долгая. Буквально до последнего времени там сохранялись просто удивительные вещи: рос багульник, в ручье водились ондатры... По проекту застройки падь обеспечивала места отдыха эти сверхплотные, очень экономичные, построенные в 80-е годы районы. В начале XXI века городская администрация одной рукой заказывала проект благоустройства этой территории, а другой благословляла строительство на ней гаражей и автопарков.

МТ Я сама живу в микрорайоне Университетский и знаю, что ручей завален мусором практически по всему течению, зелень почти вытоптана, пространство между Академгородком и Университетским активно застраивается коттеджами. Хотела добавить, что там, где нечем заняться, где не смоделирована и не осуществлена стратегия социально-культурной деятельности, непременно воцаряются варварство и разруха. Это мы и видим в случае с падью Долгой.

Я в начале разговора упоминала, что разные категории людей по-разному используют общественные пространства. В первую очередь подразумевается рекреация. Но именно наиболее активной части – молодым людям – нечего делать на пустырях и детских площадках. У нас в одном из дворов оборудовали небольшую

9

площадку для занятий на скейтах (наподобие той, которая была за кинотеатром «Гигант»). Жильцы жалуются на шум – и их тоже можно понять: на выражах и горках, сделанных из металла, стоят грохот, крики... А заняться какими-то массовыми спортивными видами энергичным, сильным молодым людям особенно и негде. Велодорожки не предусмотрены, в жилых массивах не предусмотрены спортплощадки; ехать «за спортом» приходится опять же в центр. Но и здесь общедоступные спортплощадки мало-помалу либо переводятся в ранг элитных, либо застраиваются (офис на набережной, о котором мы уже говорили, по улице Володарского – офис следственного комитета вместо общедоступного корта, по улице Свердлова, почти напротив Гражданпроекта, – тоже очередной офис). Пока что есть все основания сказать, что мы теряем массовый спорт, о необходимости которого говорится на самых высоких этажах власти; мало-помалу Иркутск превращается в город без спорта. Это довольно опасная тенденция: ведь спорт, кроме здоровья, дает возможность выплеснуть энергию, снизить градус социальной агрессии (достаточно вспомнить футбол в Бразилии).

Конечно, вложение денег в обустройство уже существующих полузаброшенных парков и стадионов прямой и быстрой выгоды не приносит. А менталитет иркутского бизнесмена по инерции зачастую ориентирован только на быструю и индивидуальную выгоду. Но тогда еще большее значение приобретает городская власть, на которую по традиции возлагаются чуть ли не все надежды на улучшение городской среды. Мы, как всегда, спохватимся спустя лет пять-десять, когда и «Автомобилист», и «Труд», и парк железнодорожников будут застроены и вытоптаны?

ЕГ Опасная тенденция. В прямом и переносном смысле нездоровая. Самое время вспомнить о заветах Международного союза архитекторов:

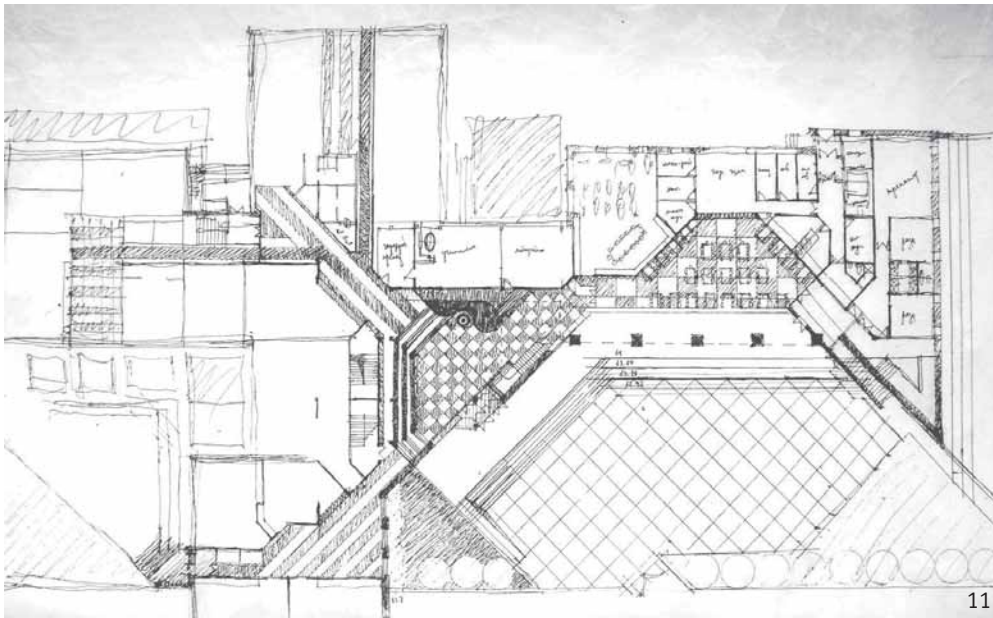
«Первейшим долгом архитекторов как профессионалов является забота об обществе, которому они служат. Этот долг превагирует над их личными интересами и интересами заказчиков. ...Архитекторы, удовлетворяющие стандартам, приведенным в настоящем «Соглашении», благодаря полученному образованию,

уровню компетентности и усвоенным морально-этическим нормам поведения, будут способны блюсти высшие интересы тех сообществ, которым они служат».

Из преамбулы одного из главных документов Международного союза архитекторов «Соглашения МСА по рекомендуемым международным стандартам профессионализма в архитектурной практике».

10

11

12

Создание

ЕГ В Иркутске есть и позитивные примеры, возникшие в последние годы.

Первый прецедент. Коллектив архитекторов под руководством Владимира Стегайло объединил разрозненные торговые здания (в прошлом – промышленные цеха завода тяжелого машиностроения им. Куйбышева), вокруг нового общественного пространства. Именно благодаря архитектору произошло это объединение вокруг нового линейного общественного пространства (9, 10) – пешеходной улицы, которая выходит к магистрали, перебрасывается мостиком над магистралью, выходит к Ангаре, соединяется с набережной, образуя не одно, а целую систему общественных пространств.

Здесь уместно лирическое отступление – пояснение – экскурс в историю. Иркутская архитектурная школа, созданная Павловым, предполагает не проектирование объекта изнутри, от частного, а проектирование среды, частью которой и является собственно объект. Проектирование осуществлялось снаружи, «от города». Этот принцип не имел исключений. Даже при работе с социальными объектами многократного применения – детскими садами и школами – объемно-планировочное решение создавалось таким образом, что вокруг здания образовывались разные по конфигурации и функциям пространства, в том числе общественные. В частности, в школах обустроивались нормативные площадки для активного отдыха, торжественных построений и т. п., образуя аванплощадь с амфитеатром. Сценировалось действие на главном входе этой площади. Через витражи она связана с внутренними площадями – с трехсветным атриумом и с обеденной зоной. Происходит взаимопроникновение общественных пространств изнутри наружу (11).

Второй прецедент – расширение Байкальского государственного университета экономики и права. Здесь удалось сохранить традиционные внутриквартальные маршруты, соединяющие три главных улицы Иркутска – Карла Маркса, Горького и Ленина. Длинный квартал в границах улиц Карла Маркса – Ленина – Горького – Сухэ-Батора исторически перерезался двумя пешеходными траекториями. Одна (о которой упоминалось в начале разговора) – позади кинотеатра «Второй этаж»,

вторая же проходила как раз через территорию БГУЭП. Университет разрастался, наращивались новые блоки. Но удалось найти взаимопонимание с заказчиком и не только сохранить эти транзитные проходы, соединяющие три улицы, но и создать внутри небольшую круглую площадь. Центральный блок в виде незамкнутого кольца был поднят над землей на «ноги». Его конфигурация и сформировала площадь.

МТ Такое защищенное внутреннее пространство не могло не стать «волшебным местом»: студенты там совершают всякие магические обряды, становятся на одну ногу, загадывают желания перед экзаменом...

ЕГ Последний по времени строительства (но я надеюсь, не последний в истории развития Байкальского университета) учебный блок, спроектирован так, чтобы визуально направлять движение; и этот отрезок пешеходной улицы тоже стал любимым местом студентов и горожан (12).

И наконец, третий прецедент – создание нового общественного пространства в чистом виде (на этом месте его прежде не было). Это наш знаменитый исторический 130-й квартал. Не все осознают, что в этом квартале две главных идеи. Во-первых, это воссоздание, приведение в порядок и наделение новыми современными функциями деревянной застройки, чтобы показать, что дерево может жить сегодня, в XXI веке. Во-вторых, это создание цепочки общественных пространств – от площади Входаиерусалимской церкви, через мемориальный парк на Иерусалимской горе и Театральную площадь, а через квартал – на набережную и на острова Ангары.

МТ Кажется, эта идея в иркутской архитектурной традиции существует давно?

ЕГ Да, идея трансгородской цепочки общественных пространств была заложена архитекторами-шестидесятниками во главе с Вячеславом Воронежским – через весь город, от Ушаковки до Ангары. Они образовывали зеленый пешеходный диаметр. К сожалению, в лихие 90-е землеотвод под жилую застройку «Новый город» перечеркнул градостроительную ось, соразмерную по масштабу с главной осью Парижа.

МТ Это такая несостоявшаяся, несущественная идентичность Иркутска...

13

14

ЕГ Здесь, в проекте квартала, мы увидели возможность осуществить эту драгоценную градостроительную идею шестидесятников хотя бы на отрезке от Иерусалимского парка. Можем сказать, что частично это уже удалось: платформа Театральной площади перешагнула улицу Седова, и лестница опустилась на террасу главной площади квартала. Сейчас дело за тем, как будут сделаны эта центральная площадь и переход через магистральную улицу 3-го Июля; тогда замысел будет работать полноценно. Конечно, остается вопрос, как элегантно пройти к Ангаре в прилегающем квартале.

МТ Голод жителей города по общественным пространствам таков, что сюда просто хлынул народ. И в морозы, и в жару, и, конечно, в праздники, когда здесь происходят особые действия, квартал полон народом. В разное время суток и в разных местах там бродят, целуются, гуляют разновозрастные группы. В дни бракосочетаний квартал – уже культовое место со своей «свеженькой» мифологией (14). Давно замечено, что возникновение мифологии – верный признак жизнеспособности места: там появляются свои «духи-покровители», суеверия, ритуалы... На Масленицу 2011 года в только частично реализованной части пешеходной улицы, еще без главной площади, побывало 10 тысяч жителей.

ЕГ Мы наделили каждое общественное пространство на этой территории своим названием, своей функцией: «духовность», «культура», «история», «здоровье», «природа» (13). Когда квартал еще проектировался, мы обращались ко всем слоям населения (и особенно – к власти), поэтому старались образно представить его будущие функции. Главная площадь квартала и его общественное ядро – это звено в цепочке непрерывных трансгородских общественных пространств. Становится понятно, что окружающая застройка должна быть сомасштабна этому кварталу; здесь нельзя допускать зданий большой высоты. Эту идею понял и поддержал предыдущий наш губернатор, надеюсь, что какая-то преемственность сохранится.

Со стороны улицы Ленина находится стрелка. Здесь было лютеранское кладбище, здесь, кстати, захоронен первый иркутский губернатор Фраундорф. Именно

поэтому мы ее как общественное пространство принципиально не трогали, даже благоустройство не проектировали.

Конечно, в процессе отведения участков и строительства возникли проблемы: на особых условиях был отведен участок площади внутри квартала единому инвестору-застройщику. И конечно, как всегда, у инвестора площадь здания выросла с 28 тыс. квадратных метров до 38. Объект лезет из-под земли. При этом сокращается главная функция многоуровневого пространства – автостоянка: вместо двух подземных уровней остается уже один. И мы боимся, что размеры этой площади сократятся, амфитеатр будет невозможен в принципе – не только стационарный, но и раздвижной. Там же, внизу, показано, как нужно относиться к зелени: мы исходили из идеи сохранения уже существующих лиственниц. Лиственницы сохранены, но большинство деревьев в квартале вырублено. Заказчик обещает, что они будут воссозданы. Поживем – увидим.

Зимнее использование надо было учесть обязательно, это очень важно для сибирских общественных пространств. Для недобросовестных проектировщиков и властей короткое лето – это предлог для отказа от идеи создания и сохранения общественных пространств. Мы сделали целый календарь разных видов использования: и каток, и ледяные и снежные скульптуры, сноуборд в центре города (кстати, площадь для сноуборда недавно открыли в центре Москвы).

В трех примерах создания, сохранения и воссоздания общественных пространств, которые мы рассмотрели, заказчики сами про общественное пространство, возможно, и не вспомнили бы. Благодаря ответственности архитекторов, благодаря тому, что они нашли подход к заказчикам, отчасти благодаря и заказчикам, которые были способны воспринять градостроительные идеи, эти пространства в Иркутске состоялись.

Хочу напоследок повторить: дорогу осилит идущий. Если в проектировании исходить из целостности города, общественного интереса, быть настойчивыми в отстаивании своего подхода, то успеха добиться можно, невзирая на все сопутствующие сложности и затруднения.

Марк Меерович

Константин Лидин

Алексей Мякота

Ольга Смирнова

Общественные пространства Поле взаимодействия власти и общества

Прошедший 4 июня в помещении Иркутского отделения САР круглый стол был посвящен проблеме городских общественных пространств. В нем приняли участие чл.-корр. РААСН, вице-президент Союза архитекторов России Елена Григорьева, вице-президент САР, председатель правления Алтайской организации САР Петр Анисифоров, председатель правления Иркутской региональной организации САР Игорь Козак, президент коллегии СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» Андрей Макаров, канд. исторических наук, доцент НИ ИргТУ Антон Ермаков, член Союза архитекторов России Евгений Зыков (Красноярск), член правления Красноярской организации САР Алексей Мякота, канд. технических наук, докторант психологии, доцент ИргУПС Константин Лидин, директор ООО ТПО «Иркутскархпроект» Галина Урлапова, главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды» Ольга Смирнова (Красноярск), канд. философских наук, доцент БГУЭП, член Союза журналистов России Марина Ткачева. Модератор — чл.-корр. РААСН, канд. архитектуры, доктор исторических наук, профессор НИ ИргТУ Марк Меерович.

Обсуждению заявленной темы предшествовала презентация, сделанная Еленой Григорьевой (этот материал стал основой диалога Елены Григорьевой и Марины Ткачевой, опубликованного в этом номере ПБ, с. 50–55).

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Тема общественных пространств возникла не случайно: оно — постоянная доминанта проектирования. В мае 2012 года в Вологде состоялся форум деревянных городов, и тема общественных пространств вошла в его название. Архитектурная молодежь Вологды на пяти площадках продемонстрировала функциональные ресурсы деревянных объектов, созданных в современной стилистике.

На «Арх-Москве» для публичного обсуждения были представлены результаты конкурса по созданию общественного пространства-парка на месте бывшего гостиничного комплекса «Россия». Организация «Друзья Зарядья» вместе с другими общественными деятелями и бизнесменами пригласила нескольких иностранных специалистов для чтения лекций по

общественному пространству. В этом мероприятии участвовал член советов по общественному пространству Нью-Йорка и некоторых других городов мира Мартин Стокли. Существуют ли такие советы в сегодняшней России? Вряд ли.

Представляется, что осевыми для обсуждения являются два простых вопроса. Во-первых, чьи они, эти пространства? И архитекторам, и жителям города важно осознавать, что общественные пространства — наши. Они создаются и благоустраиваются на наши, бюджетные деньги. И во-вторых: для кого они? Общественные пространства для всех: для богатых и бедных, для молодых и старых. И это тоже должны понимать все, кто ими занимается, в том числе архитекторы, ибо, по свидетельству Мартина Стокли, многие дизайнеры имеют в виду некое абстрактное 35-летнего гражданина. А люди в разном возрасте пользуются ими по-разному. Лицо города и его ценность определяется главным образом по качеству общественных пространств. Оно является главным полем взаимодействия общества и городской застройки. Сейчас идут споры, придет ли конец общественному пространству из-за растущего использования новых медиатехнологий. Основной вопрос — как использовать общественное пространство в будущем, какие нужны новые виды городских пространств, кто будет их использовать? И, как необходимое условие, что требуется в сфере территориального планирования и проектирования?

В журнале «Проект Байкал» была рубрика «Скверы, которые мы потеряли». Она освещала позицию части профессионального сообщества по поводу захвата общественных пространств коммерческими структурами и того обстоятельства, что город это позволяет. Для нас важна мысль, что часто не хотят замечать потенциальные, гарантированные законом скверы и бульвары просто потому, что в генплане города, в проектах планировки они есть, а в реальности их еще нет: мы видим заваленные мусором и поросшие сорной травой пустыри. Предприимчивые люди и чиновники стремятся использовать их под гаражные боксы, теплотрассу,

Андрей Макаров

Петр Анисифоров

Елена Григорьева

Евгений Зыков

построить многоквартирный жилой дом.

В нашем обсуждении не принимают участие представители власти, поэтому хочу сделать акцент на том, как много зависит от ментальности архитектурного профессионального сообщества. Только благодаря архитекторам, благодаря тому, что они нашли подход к заказчикам, благодаря интуиции и просвещенности заказчиков, которые способны воспринять архитектурную идею, некоторые недавно созданные общественные пространства в Иркутске смогли появиться. Если все время думать об общественном интересе, все время думать о городе, проектируя каждый отдельный дом, то мы добьемся успеха.

МАРК МЕЕРОВИЧ С моей точки зрения, позиция архитекторов с каждым годом становится все слабее и слабее, в наших руках все меньше реальных возможностей для управления процессами градоформирования.

ОЛЬГА СМЕРНОВА Есть ресурс, который, по моему пониманию, необходимо использовать: это народная пресса, те газеты и журналы, которые получают простые горожане. У меня был положительный опыт в 2004 году. Когда я после занятий другими делами вернулась в архитектурное сообщество, то обнаружила, что зеленые зоны застраиваются сплошняком. И архитекторы не против!

Я тогда об уничтожении скверов и парков написала статью в «Красноярский рабочий», назвала ее «Город болен: рак легких». Эффект был мощный: она и на стол мэра легла, и во всех кабинетах ее читали. И вдруг все востепенулись. Потом уже признавались, что эти якобы пустыри использовали потому, что они все равно неухоженные, и застраивали их спокойно. Но вдруг обнаружили, что зелени-то у нас нет! Когда спохватились, было принято решение: больше ни пяди земли под застройку не отдавать.

Естественно, оно нарушалось, но уже с большим скрипом, потому что знали, какой будет отклик. Обязательно надо писать простым языком, использовать очень сильные фразы, которые запоминаются. Еще один способ воздействия я назвала «взрывать идею изнутри». В Красноярске это случай с нашей

театральной площадью, на которой собирались построить гостиницу; по сути, хоронили площадь. После моего выступления на градсовете, где я сказала, что из соседнего здания будет удобно отстреливать в гостинице VIP-персон, уже накануне начала стройки информационные волны пошли, в Интернете про это написали, телевидение показало. И сколько эти слова потом ни опровергали, они только сильнее действовали. Такой вот получился неожиданный удачный ход. Кстати, стройку остановили.

ММ Замечательный пример. Но боюсь, что это не тот путь. Писать статьи и митинговать, наверное, полезно. Но как обрести устойчивое законодательное обеспечение нашей профессиональной деятельности, которое не допускало бы уничтожения общественных пространств или, более широко, принятия безграмотных планировочных решений? Неужели иногда, как давать интервью в газеты или устраивать пикеты, у нас не остается?

АЛЕКСЕЙ МЯКОТА В выступлении Ольги Смирновой есть важный момент. Архитектурное сообщество, формируя свою позицию, часто упускает из виду серьезные, действующие именно сегодня рычаги: как сделать, чтобы конструирование стратегий развития города было не просто декларированием наших профессиональных догм, а опиралось на поддержку населения и общества? Замечу, что и в градостроительной теории есть немало проблем. Мне видятся две темы, связанные с общественными пространствами. Во-первых, есть ли документ, который дает возможность регламентировать развитие крупных общественных территорий? Нет, он отсутствует. У нас законодательно существуют закрепленные ПДП только на жилые районы, микрорайоны. Мне кажется, этот вопрос требует обсуждения и четкого решения на уровне законодательных документов. Мы с ним столкнулись в проектировании спортивно-туристического комплекса «Ергаки». Возможно, это должен быть какой-то проект регламентов.

Во-вторых, наш диалог с общественностью. Без него, на мой взгляд, сейчас просто бесполезно что-то

Артем Ермаков

Галина Урлопова

делать. Поразительно, но с помощью дебатов по нескольким объектам в Красноярском крае нам удалось передать губернатору довольно простой смысл: любое общественное обсуждение проектов происходит постфактум. И это сразу же вызывает у человека негативную реакцию, критику. Механизм общественного обсуждения в цивилизованном пространстве других государств отработан: общественность, экспертное сообщество, интерактивная дискуссия архитекторов с гражданами происходят на стадии обсуждения проекта, а не после принятия решений. Все это механизмы непростые. Когда нет структурированного общества и в нем нет этой инфраструктуры гражданственности, то найти, как и к кому обратиться, очень непросто.

Мы попытались еще до проектирования организовать конкурс на набережную Красноярска. Было понятно, что ключевая проблема – техническое задание. Что именно надо проектировать? Сегодня общественное пространство включает несколько функций. Это не только истеблишмент, но и услуги, сервис, релакс, активный отдых, экстрим и т. д. Рассмотреть все сообщества, обеспечить общественное пространство такими услугами – вот ключевой момент. Мы попробовали провести обсуждение еще на стадии формулировки технического задания для проектирования набережной, сделали несколько тематических круглых столов (культура, история, экология и ландшафт, инженерная и транспортная инфраструктура). Стало понятно, что главное не официальные мероприятия, а создание условий для творческого самопроявления горожан.

Мы понимаем, что именно здесь происходит снижение социальной агрессии: место создает возможность исключения социальной и политической дифференциации. Очень важны такие акции, где архитектор обнаруживает свою особую роль. Он не организатор строительства, а организатор создания пространства. И если не у отдельных архитекторов, а у всего сообщества, солидарно, формируется социально-активная позиция, если наше профессиональное сознание будет работать в этом контексте, только тогда, на мой взгляд, мы можем получить какой-то статус и уважение в обществе.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я как социальный психолог хотел бы обратить внимание на то, что есть две тенденции. Одна к развитию, культурное отношение к общественным пространствам, осознание ценности общественных пространств. Противоположная – которая просто не видит ни ценности, ни культуры общественных пространств и считает общественное пространство пустым местом, которое надо быстренько занять, освоить. И желательно с получением максимальной выгоды. Эти две тенденции – раскол не между архитекторами и общественностью и тем более не между общественностью и чиновниками. Это раскол между двумя образами жизни. Тот образ жизни, который признает ценность общественных пространств, очевидно, ориентирован на общественные ценности, на общественное самосознание – на то, что называется «мы-сознание», осознание, что мы представляем собой некую структуру.

Противоположная тенденция ведет к атомизации общества, в котором каждый сам за себя, и никакого «мы» не существует: есть я, и есть все остальные. Раскол происходит на уровне базовых ценностей, это непримиримый раскол, такая вялотекущая гражданская война, которая у нас в стране наблюдается уже не первое десятилетие. Бесплезно призывать к объединению архитекторов, бесплезно призывать к общественному мнению. Его не существует; есть, по крайней мере, два

общественных мнения. Одно поддерживает тех, кто хочет развивать общественное пространство. Но если вы скажете человеку, что ликвидация сквера приведет к уменьшению стоимости жилья, то я совсем не уверен, что вся общественность в едином порыве отдаст предпочтение общественному пространству.

В историческом контексте похожая ситуация складывалась в 20-х годах, в Соединенных Штатах, в Чикаго и в Нью-Йорке, накануне Великой депрессии. Призывы к каким-то общественным силам бесполезны, потому что общество расколото очень глубоко. И на любую силу найдется контрсила прямо противоположного свойства. Центральный парк в Нью-Йорке, позволю себе напомнить, возник и сохранился только потому, что один из самых богатых людей за свои деньги купил кусок городской земли и запретил на ней что-либо строить. Гораздо позже, начиная с 30-х годов, а фактически только после Второй мировой войны общество начало консолидироваться, возникли достаточно мощные общественные течения, ориентированные на реальное развитие и сохранение общественных пространств. Если Россия будет повторять тот же путь, то ей до этого, соответственно, тоже примерно лет 20–30.

С точки зрения социальной психологии представляется, что любая надежда на чудодейственные частушки, на чудодейственные статьи в газете не очень обнадеживает. По крайней мере, в Иркутске, потому что менталитет иркутян очень своеобразный. Он отличается и от Красноярска, и от Новосибирска; это видно по результатам наших исследований. Единственный путь, который мне представляется возможным, – апелляция к личным контактам, к фигурам крупного капитала, тем более что очевидна тенденция в развитии страны ориентироваться на крупный капитал. Обращаться к таким людям с предложениями, лично их заинтересовывать, апеллировать к нематериальным мотивам. Только такие достаточно макиавеллиевские приемы сейчас могут что-то дать. Потому что обращение к массовым движениям или к профессиональному сообществу немедленно наткнутся на то, что и массовые движения, и профессиональные сообщества расколоты на два лагеря, которые ведут между собой непримиримую необъявленную гражданскую войну.

ПЕТР АНИСИФОРОВ Если можно, о менталитете иркутян. Возможно, это даст ответы на многие вопросы, которыми мучаются архитекторы.

КЛ Возможно, это покажется кому-то обидным, но я использую слова, которые буду сейчас произносить не в оценочном смысле, а совершенно объективно. Если говорить об эмоциональной атмосфере городов, то в Иркутске резко выделены эмоции страха и печали. Здесь воздух как бы пропитан тревогой. Люди боятся не чего-то конкретного, а вообще бояться. Просто так, безадресно. То, что в психологии называется «свободно фланирующий страх».

ПА Чем это обусловлено?

КЛ Трудно сказать; возможно, климат, а возможно, две тысячи микроземлетрясений в год. Возможно, репутация глобальной тюрьмы. Подчеркиваю, что это не гипотезы и теоретические выкладки, а результат эксперимента, построенного на специальных методиках, это реальность. В Иркутске очень сильна депрессивная нота, город мрачный, угнетающий. Если вам покажется, что я что-то сочиняю, то есть подтверждение: величайшие культурные величины Иркутска Вампилов и Распутин – достаточно мрачные фигуры. Не могу сказать, что депрессивно-тревожная атмосфера – это плохо. Вопрос, сможем ли мы это использовать, ибо бесполезно бороться с менталитетом. С ним надо жить и его надо использовать.

ЕГ А что вы имеете в виду? Как его использовать?

КЛ Лучшие проекты, которые мы сегодня увидели в презентациях, используют эту среду: мы берем общественное пространство и вокруг него обстраиваем здания. И внутри, под давлением депрессивной, агрессивной, недружелюбной к человеку среды, просто по принципу отдачи, образуется очень комфортное и спокойное место. Достаточно замкнуть пространство внутри Иркутска. И просто по контрасту возникнет атмосфера более приятная, расслабляющая, спокойная. Такую возможность дает, например, атмосфера.

АНДРЕЙ МАКАРОВ У меня вопрос: кому с кем следует договариваться? Персонально встречаться с мэром или губернатором и лично с ними договариваться? Но при чем тут профессиональное сообщество? Какова его роль в подобных договоренностях? Как мы эти договоренности будем выстраивать и воплощать?

Нам, как профессиональному целому, все равно нужно будет использовать и средства массовой информации, и влияние профессиональных сообществ – той или иной общественной группы. Сплочение и объединение. Именно общественная позиция и дает возможность договариваться, потому что, только выстроив совместно ту или иную профессиональную позицию, можно предъявлять весомые аргументы для разговора. Вопрос: как все-таки договариваться?

КЛ Я считаю, что помогут только личные контакты.

ММ Константин Львович, вам же отвечают, что профессиональная деятельность, в том числе градостроительство, не должно быть суммой личных договоренностей отдельных архитекторов с отдельными представителями власти, а обязано стать элементом организационно-управленческой муниципальной политики. Андрей Юрьевич возражает вам, говоря: «Наверное, можно действовать так, как вы, Константин Львович, предлагаете, но, когда мы имеем дело с таким объектом, как город, а не с каким-то локальным фрагментом территории, необходимы совершенно иные пути и способы коммуникаций между профессиональным сообществом и властью!»

АМ Да, общественную позицию надо формировать и договариваться с представителями этой общественной, но по существу профессиональной позиции. В случае с историей 130-го квартала, как бы ни казалось, что его реализация – вопрос индивидуальной договоренности, огромную роль сыграла общественная позиция, которая была сначала сформирована, обоснована, а потом уже доложена губернатору, после чего ее и стали продвигать.

КЛ Какими общественными движениями мы можем надавить на губернатора?

АМ Лидерами общественных движений становятся люди, которые имеют силу, темперамент и определенные возможности. Я, может, немного отстал от местной жизни и слишком много времени провел в Москве, но я то своими глазами видел роль этих общественных движений и плакаты, которые сыграли свою роль и в формировании правительства, и в выборах губернатора.

Я согласен, в Иркутске страх присутствует. Конечно, мы зона, куда ссылали, и в семье каждого, наверное, есть своя печальная история. Но в общих чертах мы рано или поздно повторяем путь Москвы, Питера. И у нас через некоторое время подобные движения появятся.

ОС Праздник города в вашем понимании – это исключение, или все равно вы там видите какой-то страх?

КЛ Такой праздник бывает раз в год. Все остальные 364 дня картина другая.

ЕВГЕНИЙ ЗЫКОВ Я согласен с Лидиным: формирование общественных пространств в первую очередь зависит от менталитета людей. Российский менталитет сформирован таким образом, что прежде всего он осознает пространство мое и чужое. А все, что за границами своего зачастую очень агрессивно по отношению к человеку. Я год назад побывал в Копенгагене. Там архитектор размывает границы приватного и общественного пространства. Там даже жилой дом проектируется так, что в нем предусматривается очень много террас и галерей. При каждом доме есть пространство, которым пользуются жители одного этажа или подъезда. И граница между «моим» и «чужим» растворяется, перестает существовать. Вопрос о менталитете, который очень сложно менять, – это вопрос наличия закона и соблюдения этих законов. Если создать условия, чтобы они выполнялись, менталитет изменится.

Момент, который, на мой взгляд, препятствует возникновению эффективных общественных пространств, – это их эксплуатация. Если даже она предусмотрена в ПДП, зачастую сама территория – заросший бурьяном, неухоженный пустырь. Никто не будет воспринимать его как общественное пространство, нужное для следующих поколений. И, если застройщик предлагает какую-то альтернативу, люди не испытывают сопротивления при застройке этого пустыря.

Последний мой тезис – о том, как нам находить единомышленников. Я упомяну прецедент с обсуждением проекта набережной Енисея. Архитектор, будь он даже суперпрофессионал, не сможет комплексно решить все существующие проблемы. Во-первых, там неизбежно присутствуют интересы экологов, служб, которые эксплуатируют коммуникации, транспортников. И наша задача как архитекторов интегрировать все эти интересы. Если общество будет вовлечено в обсуждение на этапе формирования проектного задания, ситуация будет совершенно иной, и власти будет сложно игнорировать такие мероприятия и события. Я думаю, что это эффективный механизм, хотя в Красноярске он и не дал ощутимых результатов. Результат появится, если такие обсуждения проводить постоянно.

АМ А без этого диалога в сознании горожан вообще не будет представления о городе. У нас сейчас очень много дискуссий проводится на тему «бренд города». Для меня это не бренд, а смысл, содержательность города. Какое направление он имеет, что собой представляет? Это та образность, которая укоренена во взглядах и жизни каждого горожанина. Но она может появиться только в крупном городе, многополимерном пространстве.

ПА Мне хотелось бы вернуться к проблемам градостроительства. Ведь освоение общественных пространств прорабатывается в градостроительных проектных документах: в генплане, в утративших законодательную силу нормах и правилах по градостроительству. Хочется вспомнить нашу историю. Советское градостроительство состоялось и признано в мире, как одна из самых эффективных и лучших стратегий. Был один заказчик, и освоение общественных пространств было нацелено на максимальную выгоду и удобство для людей города, поселка. Все делалось по нормам и правилам.

Учитывалась и медицинская точка зрения, и эксплуатация территории, и организация жизни. Анализировать все спектры жизни – и ландшафт, и экономику и т. д. – на личностном уровне просто невозможно. Природные объективные процессы, которые складываются в градостроительстве, нарушать сверхопасно. Это причиняет боль городу не один десяток лет, а иногда целые столетия. Поэтому проблему освоения общественных про-

странств нужно как можно энергичнее возвращать на законодательный уровень, используя общественное мнение, общественные союзы. В законах главным приоритетом сегодня является экономика, эффективное использование территории с каким-то экономическим эффектом. Но сами законы формулируются с явным нарушением профессиональных норм градостроительства: ведь когда нарушаются стратегические линии транспорта и просто градостроительные правила в городах, то сверхнеудобство всему городу остается практически навсегда. Поэтому мы должны использовать все общественные силы. Особенно важно, чтобы законодатели прислушивались к профессионалам, чтобы слово «градостроительство» вернулось в своем классическом смысле, на законных основаниях. Его неотъемлемая часть – правильное, грамотное и эффективное использование общественных территорий.

ЕГ В граддокументации определены прибрежные территории и т. д., и если бы она соблюдалась как закон, тогда невозможны были бы такие случаи, когда засыпается кусок залива для строительства торгового центра, засыпается протока для автостоянок. Засыпаются тальвеги, и на них ставятся здания. Это просто опасно. Это первое в граддокументации. Второе – градостроительные решения должны быть видны. Старые ПДП были общедоступны, в городской администрации висели огромные макеты каждого района. Архитектор в любой момент мог посмотреть, что в этом месте по ПДП. Сейчас документация, с которой приходилось сталкиваться – это раскрашенные в разные цвета схемы. Цвета иногда близкие, даже не всегда поймешь, что там за функционирование. И мы столкнулись с тем, что на одной из таких потенциально хороших площадей, общественных пространств, как раз на транзите вдруг вместо общественного крупного здания возникает жилая застройка. Оказывается, в граддокументации там был люфт: можно это, а можно другое. Хотя вся предыдущая граддокументация трактовала место как общественный центр. И масса предпосылок была именно для этого, в том числе транспортный транзит.

ММ Яркий пример – площадь около Музыкального театра. В ПЗЗ было обозначено многофункциональное использование этой территории. В результате, там появилась жилая застройка. А ее в этом месте вообще не должно быть! Ни по смыслу градостроительного развития этой территории, ни по предыдущей граддокументации, ни по перспективным идеям создания там концертного зала, которые гораздо более уместны, чем формирование элитного жилого комплекса.

АНДРЕЙ МАКАРОВ Эти примеры очень просто объясняются. Я не случайно ранее говорил об общественности: та граддокументация, которую мы сделали в Иркутскгражданпроекте (я тогда был директором), лежала на полке очень долго и не утверждалась. Суды не признавали ее законной, потому что она не прошла всю процедуру согласования. И проект планировки территории, о которой мы говорим, тоже лежал неутвержденный с 2007–2008 годов. Он, кстати, не утвержден и до сих пор, как не утвержден ПДП. Делалось это не случайно. Надеюсь, вы понимаете: для того чтобы свободно все это время торговать землей, поскольку не создано правового поля для того, чтобы эти вопросы можно было бы законно разрешать. Нет официально утвержденных документов – нет и оснований для судебных процедур. Именно в таких ситуациях и нужна общественность. Она должна задавать власти вопросы: «Почему у вас готовая градостроительная документация уже шесть лет лежит и не согласована

до сих пор?» В этом роль общественности. Она же выбирает мэров (они ведь сегодня выборные, так же как и губернаторы). Значит, общественность и может спросить с мэра, с губернатора – почему так происходит?

ММ У нас в сознании очень сложным образом переплетены две действительности. Одна западная, где территориальное сообщество и население действительно выступают субъектом инициирования градостроительных решений. Население через своих депутатов передает руководству городом сигналы о том, какой оно хочет видеть городскую среду. И власти не имеют права не исполнять этих пожеланий-распоряжений, потому что их в этом случае переизберут. Этот процесс участия горожан в муниципальной политике вполне согласуется с духом Градостроительного кодекса РФ.

С другой стороны, в нашем сознании присутствует понимание той реальности за окном, которая абсолютно игнорирует население, абсолютно игнорирует общественность: чем следовать пожеланиям населения, проще его поменять. Что, скорее всего, и произойдет в результате тех мощнейших миграций, которые год за годом смывают население Сибири. Коренное население, которое еще хранит в себе какой-то патриотизм, ощущение места, переживание духа места, несет чувство ответственности и т. п. при таком наплевательском отношении власти скоро исчезнет.

С одной стороны, как человек европейской культуры, я глубоко солидарен с призывами Андрея Юрьевича, что общественность должна взяться за руки и побороть эту мерзопакостную власть. Но как реалист и коренной сибиряк, видя то, что происходит в течение многих лет у нас и в других городах России, я понимаю, что это абсолютно невозможно. И политические события последнего года всему населению страны показали, что оно абсолютно никакой роли не играет. Остается надеяться на то, что общественность хотя бы случайным образом сможет хоть что-то сделать, проняв власть имущих удачной шуткой или веселой частушкой. Вот в это я верю. А в умную, взвешенную, продуктивную, честную кооперацию власти и населения – не верю.

АРТЕМ ЕРМАКОВ Я историк, и меня несколько настораживают подходы, унаследованные от советской интеллигенции, которая на словах не различает, но тем не менее исповедует «два типа общественности». Общественностью для нашего просвещенного слоя по большей части является он сам, т. е. экспертное сообщество, которое апеллирует к авторитету, в основном – своему собственному. А за так называемым обывателем, населением, собственно общественным не признаются ни авторитет, ни тем более вкус. О населении вспоминают, когда нужна массовка, да и то его привлекают с большим скрипом. Его боятся приглашать в дискуссии, потому что оно все разрушит: лучше с властью подискутировать, с крупным бизнесом... Вообще ставка на крупный бизнес, по-моему, с 90-х годов уже дважды провалилась. Меценаты и просвещенные олигархи дореволюционного уровня не очень то видны.

Почему же экспертная общественность пытается вести диалог с кем угодно, кроме общества? Можно сослаться на то, что оно расколото, и неизвестно, каким образом найти с ним общий язык. Но есть же какие-то остатки, почти рудименты соседских, дворовых, уличных сообществ, сообществ матерей, которые стихийно формируются в общественных зонах и с их помощью. Гигантское количество людей, которые только сейчас начали осваивать социальные сети. Или

естественные экономические сообщества: гаражные товарищества, садовые товарищества, товарищества собственников жилья. Можно найти недостатки и у этих типов самоорганизации, но это все же самоорганизация. Общественность могла бы помочь этим сообществам, дать им язык; ибо сами себя они выразить не умеют, а фактически форму своего выражения крадут у той же самой общественности нелегально, через весьма сложные и не до конца изученные каналы.

Общественные пространства, о которых мы говорим, – они создаются все-таки для общественности или для общества? Судя по этой дискуссии, исключительно для общественности, причем тоскующей по утопии Просвещения. В рамках этой утопии наша просвещенная общественность продолжает заниматься тем, что я называю «казус Петербурга»: идеально проектирует общественное пространство, которое сначала несколько веков обществом отторгается, а потом после и в результате революции осваивается. Но осваивается поневоле. В результате этой стратегии в Петербург превратилась почти вся страна. Она строилась общественностью по замечательным гуманным стандартам для народа и вопреки народу. Но эпоха Просвещения заканчивается, если уже не закончилась. Социальные законы, на которые тут ссылались, иногда тоже меняются. Соответственно, нужно нащупывать новые законы развития, в том числе и законы жизни общественных пространств. Именно поэтому к обществу все-таки следует относиться более внимательно. И не просто приглашать его «для обсуждения», а сначала спрашивать, узнавать, чего бы оно хотело. И на этом основании предлагать ему варианты воплощения совместных пожеланий общества. А не только «объективных требований» общественности.

ЕЗ У меня такое ощущение, что нас опять не слушают. Мы как раз говорили о том, что население нужно вовлекать. Мы говорили: до того, как сделать проект, нужно собрать заинтересованных людей, общественность, экспертов и вместе с ними решить, каким образом развивать территорию. Мы об этом повторяем в третий раз.

АНДРЕЙ МАКАРОВ Мы апеллируем к градостроительству как к законодательной сфере. Это ключевой момент, с ним никто не спорит. Вопрос в другом: о каком градостроительном законодательстве мы говорим, когда в советское время (мы все это прекрасно помним) работало огромное количество институтов, формирующих нормы для этой социальной единицы. Сегодня нет механизма вообще, и повторить прошлый опыт для сегодняшнего, расслоенного на полярные группы общества мы никогда не сможем. Механизмы должны быть, но другие. В нашем разговоре обнаруживаются два крайних полюса: то мы хотим сохранить идеологию чуть ли не советского градостроительства. Еще как-то с властью что-то удерживать... Совершенно верно, нужны рамки регламента и т. п. То бросаемся в другую крайность: общество привлечь, диалог с населением наладить. Сегодня градостроители (в том числе американские) говорят, что все развитие общечеловеческое (особенно культура Америки) показало: зачастую популистская политика приводит к распространению попсы и всего низкопробного. Так что общественность – вещь очень непростая. В этом случае нужны эксперты. И сегодня те же градостроители приходят к мнению, что именно эксперт и горожанин, или человек, абстрактная такая единица, только в диалоге порождают самое объективное и нужное для развития культуры.

ГАЛИНА УРЛАПОВА Артем Ермаков задел проблемы как раз того пространства, из которого, собственно, и возникает необходимость в градостроительстве. Мы находимся в седьмом технологическом периоде, у нас третья промышленная революция. Но в градостроительстве это никак не отражается. Энергетические ресурсы практически исчерпаны, необходимы возобновляемые источники энергии. И победа будет за теми странами, которые только развиваются, где еще нет урбанизации, агломерации. Они не повторяют то, что уже наработано, а будут развиваться в других направлениях. Тогда каждый дом будет сам вырабатывать все ресурсы, которые ему нужны за счет солнца, энергии Земли, ветра. Человечество вернется к естественному проживанию, а вертикаль власти станет горизонтальной. И роль власти, и роль городов качественным образом изменится, отпадет одна или несколько причин для объединения людей на сравнительно малой территории города. Тогда и роль архитекторов изменится. Не забудем также, что Россия – страна с малой плотностью населения и огромной территорией, огромными ресурсами, которые вымываются из страны. И эти факторы также являются градообразующими, и в них тоже есть не только профессиональный, но очень существенный политический аспект. Выступление Ермакова было несколько «в сторону», но оно еще раз показывает, насколько сложны проблемы градостроительства.

ПА Я хочу вернуться к профессиональным градостроительным проектам. Освоение любой городской территории идет все-таки по конкретным чертежам, по конкретным квадратным метрам. И все взаимосвязи архитектор продумывает на большую перспективу. Поэтому мне не очень понятны вопросы историков «а где центр?», «что такое центр, есть он у нас или нет?». Профессионалам все это понятно. Либо гробят центр, либо он еще не сложился. Есть конкретные ответы. Город – живой организм. Меняются политические структуры, конкретные губернаторы, а организм должен существовать и жить. И поэтому ориентироваться на общественное мнение в градостроительстве зачастую просто невозможно и даже иногда преступно. Есть такие вещи, которые в градостроительстве, в живом организме города просто нельзя делать. Либо нужно проработать на достаточно длинную перспективу. Но об этом кричать и даже рассуждать невозможно, общественным мнением никогда мы такие вопросы не решим. Это вопросы сугубо профессиональные. Если бы Петр I слушал бы общественность, никогда Санкт-Петербурга бы не было.

АЕ Безусловно, не было бы. Но общественность стратегически отреагировала на это решение Петра крайне плохо. Такое «хирургическое» обращение с реальностью как с ресурсом, оно чревато. Реальность потерпит-потерпит, да ответит потом.

КЛ В последнее время участники нашего круглого стола апеллируют к обществу, или к сообществу, к народу или к некоей структуре, не имеющей ярко выраженного центра, которая объединяет большое количество людей. И вот этой структуре поручаются функции гаранта законности: дескать, общественность должна контролировать власть, общественность должна протестовать. У меня вопрос. У кого-нибудь есть хоть один реальный пример, доказывающий, что эта общественность вообще существует как структура, сомасштабная хотя бы городским властям (я уж не говорю про региональные). Не обращаемся ли мы к призраку? Что такое общественность, где она, покажите пальцем. Я ее не вижу!

ОС В Красноярске есть общество «Березовая роща» в Академгородке. Они не зарегистрировались, но объединились, чтобы защитить лесной массив, в который вторгаются застройщики. Они пришли к депутатам с требованием изменить границы застройки. А проектировщик, знакомый с их претензиями, уже учел их требования. И активисты согласились, когда им все изложили. И вроде так получилось, что и инцидента-то нет. Все – хорошие. А уж потом мне стало известно, что борьба-то до этого шла очень резкая. Сейчас депутаты все записаны в охранники этой рощи. И так вот ее сохраняют. Это сами жители действуют. Второе – «Общество автомобилистов». Это рокеры, молодые активные, организованные мужчины, и от этого их уже власти побаиваются. Они считают, что проблемы невозможно решить ни судами, ни диалогом с властью. И нашли такой способ бороться: наваливаются на нее всеми СМИ. Вдруг одновременно все СМИ начинают писать и говорить об одной проблеме. Так было с нефтяным пятном на Енисее. Они тогда добились своего. Пятно каким-то образом убрали.

КЛ При градообразующих процессах они должны быть сопоставимы с городом, а не с тремя березками.

АЕ Эти объекты живут в разном социальном времени. Но если мы приглядимся к более крупным временным промежуткам, то это сообщество гораздо реальнее, чем наше, например собравшееся здесь. Потому что вообще-то это чудо, или казус, или парадокс, что гигантское количество, сотни тысяч людей живут в одном месте. И их не держат за колючей проволокой, они почему-то не разбегаются. Причем делают это на протяжении нескольких сотен лет. Это явление трудно управляемо, с ним крайне тяжело дискутировать, потому что непонятно, к кому обращаться. Но оно существует. И оно не создано искусственно. Оно создало себя само.

ЕГ Тема круглого стола сильно расширилась по сравнению с запланированной, и это хорошо. Как неисправимый оптимист, я не вижу каких-то непримиримых противоречий у участников: правы и красноярские архитекторы, и историк Артем Ермаков, и филолог Константин Лидин, и архитектор-топ-менеджер в одном лице Андрей Макаров.

Реальность подчас такова, что результата и ожидать не приходится. Поэтому надо использовать все возможные хитрые пути, о чем говорила Ольга Федоровна.

При этом, конечно, мы должны интегрировать знания о социальном поведении, в своем проектировании учитывать самые разные требования и привычки горожан. Планировку города сделать не просто привлекательной, но и удобной для населения. ЗВС работает под эгидой Союза архитекторов. В уставе Союза записано: «защита общества от непрофессиональных действий». И это в том числе имел в виду Петр Иванович Анисифоров, когда говорил, что если мы будем в точности исполнять указы населения, то не достигнем результата, который нужен тому же населению. Просто в силу его непрофессионализма. Настоящее развитие, прогресс и прорыв невозможны, если мы будем только повторять то, что всем уже понравилось. Можно привести сколько угодно банальных примеров, ту же Эйфелеву башню, Музей Гугенхайма в Нью-Йорке. Против них была вся общественность. Если бы, как говорит Константин Лидин, частное лицо, имея в виду что-то свое, не выкупило кусок земли, конечно, Центрального парка не было бы на Манхэттене.

В градостроительстве и проблеме общественных пространств очень много векторов, тут нельзя смотреть только в одну сторону и быть догматиком. Надо учитывать, что у нас своеобразное законодательство и еще более своеобразное его исполнение. Мало того, что наша граддокументация несовершенно сделана, она еще и не исполняется, когда это удобно власти держащим и бизнесу, который сроща с властью. Учитывая все это, надо использовать и личные диалоги. Желательно при этом говорить не только о собственных нуждах и собственных проектах, но помнить, что ты член Союза архитекторов и что у тебя есть еще миссия. Использовать и острые популистские ходы, лозунги. И мы их используем в журнале «Проект Байкал». И иногда даже достигаем какого-то успеха. Редко, но бывает.

Мне кажется, что эта беседа была очень полезной. И каждый, кто рефлексит по этому поводу, скорее всего, согласится с точками зрения, с которыми сначала не согласился. И включит их в свой арсенал. Возможно, это опять же неисправимый оптимизм. Но мне кажется, что работать архитектором без оптимизма невозможно. Будем чаще встречаться – лучше будем друг друга понимать.

Подготовила к публикации Марина Ткачева

0 городской ответственности общества¹

текст
Леонид Коган

Обычно, когда говорят у нас об ответственности общества, то имеют в виду ответственность за те процессы, которые в нем происходят. Но тема ответственности за то пространство, ту пространственную среду, в которых эти процессы происходят, звучит гораздо слабее. А между тем степень городской ответственности, ее уровень можно рассматривать как, образно говоря, интегральный показатель цивилизационной зрелости общества. И цена пространственной составляющей этой зрелости очень высока.

Тема городской ответственности дает возможность увидеть в городской перспективе процессы как гло-

бального мирового масштаба, так и местного, локального уровня. Ведь и те, и другие подчиняются действию одних и тех же закономерностей и механизмов. Но вот понимание наличия этих закономерностей и механизмов в обществе у нас пока, находятся на низком уровне. А главное, нет понимания того, что существуют закономерности функционирования городов, городских процессов, «руководить» ими, возглавлять их, подчинить их невозможно.

В этом плане проблема городской ответственности становится проблемой городской грамотности общества, тесно связанной с проблемой осознания себя и

1. Цит. по ст.: Коган. Л. О городской ответственности общества // Городское управление. – 2012. – № 9. С. 2–3.

своих городов как городского сообщества в целом и отдельных городских сообществ.

Городская ответственность включает ответственность по отношению к объективно существующим закономерностям функционирования городских процессов. Здесь с самого начала присутствие морально-этического фактора. Здесь, как и в идеологии городской цивилизации, знание неотделимо от сознания, оно его предполагает. Именно поэтому общая провинциализация городских процессов последнего двадцатилетия сказалась на низком ранге самой проблемы городской ответственности. По существу сама эта проблема даже не обозначена, а ответственность по отношению к городу обычно понимается как ответственность перед застройкой, городскими структурами, организациями обслуживания, транспорта, принимаемыми местными законами, правовыми установлениями и т. д.

Но на самом деле городская ответственность общества предполагает ответственность следования основным направлениям, исторически апробированного, подтвержденного тысячелетиями прогресса, опыта европейской городской цивилизации. Естественно, что эта ответственность заведомо по своему значению перекрывает все виды формационных, политических, экономических и прочих конъюнктур.

Центральное место, которое принадлежит городской ответственности в цивилизационном историческом развитии, определяется взаимодействием как стратегических, так и повседневных моментов, затрудняющих само восприятие процесса в целом. В этом смысле очень важно осознание городской ответственности общества как части, как составляющей ответственности государственной, внутренней и внешней политики.

С этой точки зрения отношения во внешней политике естественно строить с учетом достижения тех интегративных возможностей, которые каждая страна может дать, имея в виду ее цивилизационный потенциал, отодвинуть на второй план взаимные конъюнктурные политические претензии. Городская ответственность, измеряемая другим масштабом времени, требует поступиться преходящими интересами.

Жители городов, участвуя в их повседневной жизни, понимают они это или нет, участвуют в важном политическом процессе, процессе урбанизации, и надо знать, что это за процесс. Конечно, специальное знание – дело специалистов, ученых, но первичный уровень, общее представление о том, как выглядит урбанизация и чего можно ждать от нее, должны быть известны всему обществу, всем его гражданам и уж конечно жителям городов. Сюда входит и ответственность за историю складывания взаимных отношений с окружающей средой, которая играет культурнообразующую роль в формировании городских сообществ.

В этом плане необходимость идеологии городской цивилизации становится практически утилитарно востребованной. Интегративная природа городских процессов оказывается инструментом практической политики.

Главным во взаимодействии городов у нас с Западной Европой должно быть цивилизационное взаимное влияние как стратегия отношений, перекрывающая конъюнктурные временные соображения политического и экономического характера. Это особенно существенно в условиях общемирового периферийного давления, продуцирующего практически неконтролируемую и неуправляемую азиатскую миграцию.

Общемировое периферийное провинциальное давление стимулировало усиление этнического компонента. Темпы распространения неконтролируемых миграций значительно превзошли темпы созревания общесовременных основ, особенно с точки зрения

общемировой составляющей. Этнические анклавные начала возникать в центральных районах крупнейших городов, в границах их ядер.

С этой точки зрения, и в этом разрезе вполне естественным выглядит ориентация на взаимодействие городов России и Западной Европы как на важнейший фактор внешней политики².

Городские процессы требуют перестройки подхода к проблемам внутренней и внешней политики общества. Необходимо согласовать принимаемые в них решения с состоянием и возможностями развития городских структур в самих городских обществах. А это означает, что информация о состоянии этих структур становится важным элементом государственной информации, осмысленной не просто как статистический «фон», но и с точки зрения «участника» происходящих процессов. Категории «центральности», «срединности», «периферийности», «приближенного к центру района» и другие перестают обозначать близость или удаленность, но становятся обозначением доли меры влияния и ответственности в городских процессах.

Этноцивилизационные процессы в мире свидетельствуют о том, что отмеченное мною уже в этом журнале общемировое давление этнической периферии используется некоторыми экономически развитыми странами в качестве инструмента политического главенства.

Очевидно, что динамика городских сообществ содержит множество различий его взаимодействий центральных, срединных и периферийных элементов, а также других типов, которые имеют городские, региональные и другие отличия. Именно городские сообщества имеют возможности следить за их динамикой. Отсюда следует повышение роли аналитики научного знания в общем объеме городской ответственности. Урбанистические исследования оказываются в этом плане частью процесса осознания городской политики как этноцивилизационной области в целом.

В то же время становится все более ощутимой противоположность направленности закономерностей городских процессов, с одной стороны, и целей коммерциализации деятельности, которыми руководствуются администрации городских сообществ – с другой. В этом отношении попытки подчинения развития городов коммерческой выгоде являются по существу торможением поступательного движения городов.

Мне уже приходилось в этом журнале отмечать: «Последние события в мире свидетельствуют о том, что все чаще проявляет себя провинциальность периферийного мышления, взявшая за образцы апологетику американского провинциализма»³.

Необходимо постоянно следить за городским воспитанием жителей сельских, да и городских поселений. Городская ответственность включает и ответственность за городское воспитание населения страны.

Необходимо формирование государственной идеологии европейской городской цивилизации. Эта идеология должна быть именно государственной, и никакой другой у нас она быть не должна.

Именно поэтому в условиях общемирового давления периферии, разрыхления городских процессов в нашей стране возрастает роль крупнейших городских сообществ и их окружения, концентрирующих интегративные тенденции в наиболее выраженной форме. Именно здесь есть возможность ускорения перехода срединных и других типов элементов в центральные, достижения их созревания и высокого уровня.

Крупноинтегративная природа закономерностей городских процессов, их центральность противостоят пространственной измельченности, анклавности национально-этнических сообществ.

2. Коган Л. Б. Россия и Западная Евро-па – к политике взаимодействия городов // Городское управление. 2005. № 4. С. 53–58.

3. Коган Л. Б. Социально-градостроительные основы разработки политики пространственного развития общества // Городское управление. 2011. № 12. С. 38.

текст
Людмила Козлова

text
Lyudmila Kozlova

Города можно назвать большими демографическими магнитами нашего времени, они способствуют работе и являются центрами культурного развития. Это места высоко диверсифицированных действий и функций, выставок и демонстраций, баров и кафедральных соборов, магазинов и опер. И проявление всей этой многогранности города происходит в общественных пространствах, которые определяют его лицо и характер в нашем представлении, и, по сути, являются синонимом города.

Несмотря на это, общественные пространства по-прежнему разрушаются и нарушаются все большим вторжением и господством легковых автомобилей. Общественные пространства становятся опасными и загрязненными, вместо того чтобы быть живыми и дружелюбными. Фрагментация города, разбивание его на приватизированные участки при отсутствии грамотной комплексной организации наносит большой вред образу города.

В современном мире информационные технологии распространяются быстро, и даже в самом захолустном городке практически у каждого есть телефон, телевизор, компьютер, в то время как качественными пространствами обладает далеко не каждый город. Вместо того чтобы, пользуясь доступной информацией со всего мира, улучшать окружающую среду города, люди все больше погружаются в мир виртуальный и улучшают его.

Общественные пространства, испытывающие прогрессирующую дистрофию в последние десятилетия, задают очень любопытный ракурс. Отечественная архитектурная традиция ставила во главу угла проектирование и структурирование жилья, в то время как для современного проектировщика общественное пространство – площади и улицы, или городской каркас, – должны стать точкой отсчета.

в Рис. 1. Индустриальный парк в Барселоне /
Fig. 1. The Industrial Park in Barcelona

Возрождение общественных пространств как приоритетная стратегия европейских городов

< Барселона. На схеме представлены старый центр города, часть набережной и соседние районы. Выделены новые общественные пространства, созданные между 1980–2000-ми годами, и знаменитая променада Барселоны – Рамбла (La Rambla). Фрагментарное развитие направленных к прибрежной зоне, общественных пространств внутри городского центра с акцентом на развитие набережной Барселонетты / Barcelona. The map presents the old downtown, a part of the embankment and neighborhoods. New public spaces created between 1980 and 2000 and Barcelona's famous promenade (La Rambla) are marked out. The fragmentary development of coastward-oriented downtown public spaces focused on the development of Barceloneta Beach

Во многих городах России нивелируется основное свойство общественного пространства – беспрепятственный доступ неограниченного круга лиц. Примером чему являются отворачивающиеся от рек города, где вместо престижных жилых кварталов и общественных пространств вдоль берега тянутся железные дороги и свалки, отсутствие пандусов или их абсолютная нефункциональность, как будто городская среда создается не для человека, а для галочки.

В Москве, наиболее обеспеченном городе, на подержание 1 кв. м открытых озелененных территорий отводится всего четыре копейки в год против средневзвешенных десяти евро в западноевропейских странах. Между тем многие зарубежные города уже около сорока лет назад задумались о ценности и ревитализации общественного городского пространства.

В течение достаточно долгого периода – с 1930-го по 1970 год – ничего особенного не происходило в сфере общественного пространства и архитектуры общественного пространства. Первое объяснение этому – модернистское неприятие общественного пространства города. Другое – стремительное развитие автомобильного движения и фокусирование на дорогах и транспорте. И наконец, во всяком случае в Европе, восстановление после Второй мировой войны и последующий стремительный рост городов ознаменовались сменой приоритетов.

Однако в 1970-м поток стал менять направление. Модернизм стал оспариваться, и общественные споры касались качества городских условий для жизни, загрязнения и вторжения автомобилей на городские улицы и площади. Общественное пространство и общественная жизнь были заново представлены как существенные объекты архитектурного вопроса и отношения, среди других. Архитектура общественного пространства с тех пор постоянно развивается, и за последнюю четверть XX столетия было создано большее число новых или восстановленных общественных пространств.

Одним из ярких примеров многообразия общественных пространств является Барселона – источник вдохновения для архитекторов, ландшафтных дизайнеров,

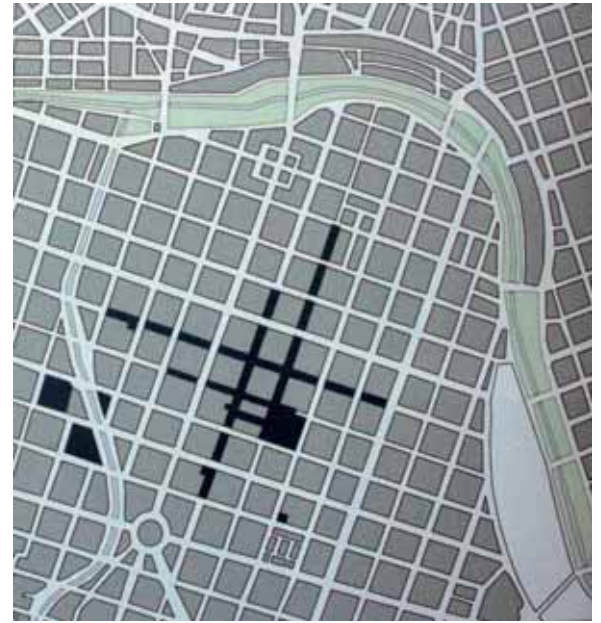
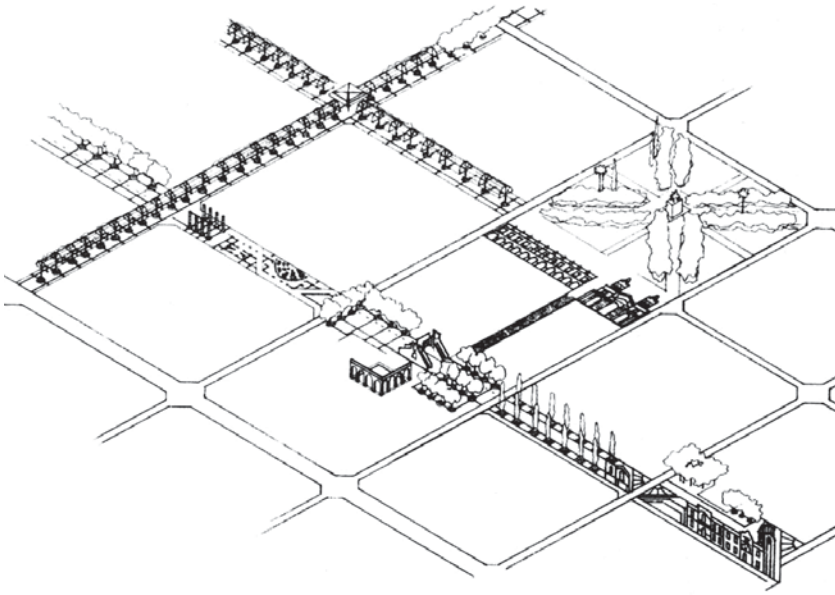
градостроителей и политиков, которые работают с общественными пространствами. Больше нигде в мире невозможно увидеть в одном городе такое разнообразие примеров новых парков и площадей и такого богатства и экспериментальности в их дизайне.

Новое городское правительство, выбранное в 1979 году, на первых свободных выборах со времен окончания Гражданской войны в Испании (1936–1939), назначило одним из ведущих архитекторов региона Ориола Бохигаса, главу архитектурной школы, как нового консультанта по городскому проектированию, что дало ему возможность сформулировать новую политику общественного пространства и увлечь ею других.

Архитектура стала одним из основных инструментов городской политики, и было создано множество новых общественных пространств. У каждого квартала появилось свое общее пространство, у каждого района – свой парк, где люди могли встречаться и общаться, а дети играть.

В старом городском центре, в очень плотном ядре города, несколько новых площадей возникло на месте снесенных зданий. В окрестностях города новые места для общения появлялись под девизом: «Создать лицо близости». Здесь улучшение было продиктовано большими растянутыми площадями, возникшими в 1960-х, недостатком идентичности и общественных пространств. В то же время видимое улучшение оказалось стимулом к проявлению личной инициативы, такой, как, например, городское обновление и реновация многих обветшалых зданий. Паскуаль Марагаль, выбранный мэром в 1982 году, провозгласил следующее: «Мы хотим воссоздать утраченное достоинство городского ландшафта, стимулировать и направить энергию рынков».

Архитектура и скульптура сыграли ключевую роль в формировании общественного лица Барселоны. Новые парки и площади создавались под девизом: Move museums into the streets («Выход музеев на улицы»). Почти все новые общественные пространства могут похвастаться произведениями искусства известных художников. Уникальные характеристики простран-

^ Рис. 2 / Fig. 2

^ Кордоба. Схема центра города. Темные линии представляют современную сеть пешеходных улиц и площадей, которые развивались по оригинальному плану архитектора Мигуэля Ангела Рока для объединенной архитектурной трактовки общественных пространств. Пешеходная сеть расширилась несколько раз с 1980 года, создавая непрерывные пространства внутри города /
/ Cordoba. The city center map. The dark lines indicate the current network of pedestrian streets and squares developed according to the common architectural concept for public spaces created by architect Miguel Angel Roca. Since 1980 the pedestrian network has been enlarged several times with the emergence of continuous spaces within the city.

ства каждой площади были подчеркнуты проектом, а также индивидуальными произведениями искусства, дающими каждому кварталу общественную платформу на все случаи жизни.

Почти все новые проекты предусматривают сотрудничество между художниками и архитекторами. В нескольких парках скульптуры спроектированы для игры. Так, например, особенностью Индустриального парка (Parc Espanya Industrial) является гигантский железный дракон, спроектированный как игровая горка для детей (рис.1).

В целом общественные пространства Барселоны отличаются впечатляющим разнообразием дизайна освещения, оборудования и покрытий. Нет такого понятия, как ограниченный стандарт набора материалов и городских идиом. Напротив, при проектировании пространства подчеркивается независимость места со своей собственной идентичностью.

Следующим примером является город, в котором, в отличие от Барселоны, образ общественных пространств задуман и решен как единое целое. Это город Кордоба, расположенный в Аргентине, население которого составляет 1,5 миллиона жителей, что в два раза меньше, чем в Барселоне.

В 1979–1980 годы архитектор Мигуэль Ангель Рока сформулировал единую стратегию для архитектурной, социальной и политической городской политики. Элементы плана – центр города как место встреч, набережная реки как линейный парк и девять местных центров в окрестностях – формируют структуру и архитектуру города сегодня. Политика городского центра основана на архитектурной концепции взаимосвязанных городских пространств. Изображение памятников города белой мраморной лентой на городских мостовых является одной из нескольких тем, которые обеспечивают визуальное единство большинства общественных пространств города.

План городского центра как места встреч интересен и с точки зрения усилий по разработке объединенного архитектурного видения для общественных пространств города. Наиболее важные улицы, площади и отдельные парки города объединены проектом, в кото-

ром с целью усиления архитектурной идентичности города как единого целого продуманы общие принципы проектирования, материалы и детали. Способ изображения общественных пространств на рисунках Мигуэля Ангеля Рока (рис. 2, 3) сформулирован и объяснен его архитектурным мышлением. Хотя улицы и площади не обязательно связаны друг с другом, общественное пространство изображается как связанная система, в которой каждое пространство вносит свою часть в общую картину.

Мигуэль Ангель Рока видел свою работу в проектировании пространства как хорошего обрамления для городской жизни, будучи уверенным, что дизайн также помогает отразить историю города. Воплощением этой двойной цели стало изображение в белом мраморе наиболее важных городских памятников на новом каменном покрытии пешеходной зоны. Мотив отраженных памятников повторен несколько раз в городском центре, добавляя дополнительное измерение площадям и улицам. Вместе поверхность земли и стены города создают новую композицию, и очертания на «полу» города являются характерной особенностью Кордобы.

Такое целостное видение архитектуры общественно-го пространства помогло создать сеть пешеходных улиц и площадей города как единый пространственный организм, что подчеркнуло неповторимый образ города.

Следующим примером слаженной работы по возрождению города можно назвать город Лион с населением в 1,3 миллиона жителей. Всего за несколько лет Лион восстановил большое число своих общественных пространств на основе стратегии, сформулированной в 1989 году, согласно которой не только центр города, но и весь город связан как социально, так и архитектурно. Целью было создать лучший город для всех, или «город для людей», как это было заявлено. Меньше чем за десятилетие было осуществлено несколько сотен проектов по улучшению города – от обновления внешней области между большими жилыми кварталами на окраинах до обновления главных улиц и площадей города. Характерной чертой стратегии общественных пространств Лиона является усовершенствование

^ Схема центральной части Лиона, расположенной между реками Саон и Рон. Показана сеть улиц, свободных от автомобилей, улиц с приоритетом движения пешеходов и площадей, установленная с 1990 года. Круги обозначают большие парковки, построенные под городскими площадями /

The map of downtown Lyon between the rivers Saône and Rhône. It presents a network of car-free streets, pedestrian-priority streets and squares founded in 1990. The circles indicate the large parking lots built under the city squares.

транспортной системы, включающее создание большого числа парковочных пространств под многими недавно обновленными площадями и использование определенного набора уличного оборудования и материалов.

Реновация общественного пространства началась в конце 1980-х годов, когда член городского совета Генри Чабберт в сотрудничестве с архитектором Жаном Пьером Шарбонно сформулировал новую городскую политику для решения многих насущных вопросов, таких, как увеличение движения в городском центре, социальные проблемы в расширяющихся жилых зонах пригородов в 1960–1970 годы. Результатом стратегии развития общественного пространства стало не только большое количество хорошо спроектированных площадей в центральной части города, но и развитие окрестностей.

Для Лиона был разработан «зеленый план», который включал общественные пространства, и «синий план», учитывающий линии берегов рек Роны и Саоны, протекающие через центральные районы города. И наконец, был разработан план освещения, который установил руководящие принципы для всего художественного и функционального освещения улиц, площадей, зданий и специальных городских элементов, таких, как мосты, берега рек, а также определенные исторические памятники. План по освещению главной улицы города, улицы Республики (Rue de la République), реализовывался постепенно, пока владельцы зданий платили за размещение светового оборудования, после чего оно управлялось и сохранялось муниципалитетом (рис. 4).

Актуальное внедрение стратегии общественных пространств обеспечивается особой проектной группой (Group de Pilotage Espaces Public) и политическим комитетом во главе с членом совета Генри Чаббертом. В комитет входят представители различных торговых объединений, общественных организаций, департамента связи, департамента парковок и др. Политический комитет встречается один-два раза в месяц, но имеет соответствующий междисциплинарный технический отдел, который отвечает за техническую координацию и проектную подготовку.

Реализация проектов начинается нетрадиционно, на встречу с местными жителями приглашаются авторы или поэты для описания места, его особых характеристик. Это интерпретация является важной частью всего проекта. Горожане активно включаются в процесс, особенно посредством городских собраний и проектных выставок. Для наиболее сложных проектов, таких, как реновация центральной торговой улицы, улицы Республики, было проведено более сотни встреч всех участвующих сторон – местных жителей, владельцев зданий, магазинов и т. д.

Важным аспектом стратегии общественного пространства является вытеснение автомобилей из центра

^ Рис. 3 / Fig. 3

> Рис. 4. Особая подсветка городских памятников. Театр оперы в Лионе / Fig. 4. Special lighting for city monuments. The Opera House in Lyon

^ Схема городского центра Страсбурга и прилегающих областей. Показаны маршруты и остановки новых трамвайных линий, которые послужили отправной точкой для обновления городского пространства. Сплошная линия обозначает маршрут линии А (открыт в 1994 году), которая проходит под железнодорожной станцией (эта часть маршрута показана точками). Пунктирной линией отмечен маршрут линии В (открыт в ноябре 2000 года). Расположение обновленных площадей на схеме: 1 – Place Kleber, 2 – Placedel’Hommede Fer , 3 – Placede la Gare / The map of downtown Strasburg and its surrounding area. It presents the routes and stops of new tram lines that served as a starting point for urban space renovation. The solid line shows the A line (the route was opened in 1994) passing under the railway station (this part of the route is indicated by dots). The dashed line shows the B line (the route was opened in November 2000). The renovated squares are as follows: 1 – Place Kleber, 2 – Place de l’Homme de Fer , 3 – Place de la Gare

города. Реновацией предусматривалось создание многочисленных многоэтажных подземных парковок под недавно обновленными площадями, чтобы город вновь смог стать городом для людей, а не для машин.

Транспортный аспект в решении проблем общественного пространства был основополагающим и для Страсбурга. За последнее десятилетие XX века Страсбург осуществил глобальный проект городского обновления. Условия для городской жизни, велосипедистов и общественного транспорта разительно улучшились, в то время как автомобильное движение в городском центре заметно сократилось. Согласно линейному развитию общественного пространства, была создана новая трамвайная линия, которая способствовала реновации площадей, улиц и дорог вдоль этого маршрута. Линия протяженностью 12,6 километров полностью вымощена для улучшения общественного пространства как в центре города, так и на окраинах (рис. 5). Изменения в общественном пространстве и движении оказались положительными, и в 2000 году была введена в действие новая трамвайная линия, дублирующая ленту проложенного маршрута.

Завершая череду успешных примеров по возрождению городов, хотелось бы обратить особое внимание на Копенгаген, площади и улицы которого в течение последних 40 лет постоянно совершенствовались, являя собой впечатляющие и вдохновляющие общественные пространства.

До 1962 года все улицы и площади в центре города использовались для движения автомобилей и парковок из-за быстро растущего парка частных автомобилей. В последующие годы как движение, так и парковки были сокращены. Большое количество улиц и площадей было преобразовано в пешеходные зоны, которые сегодня дают жителям города возможность для прогулок и предлагают все виды рекреационной активности. «Пешеходизация» началась с главной улицы города, Строгет (Strøget), которая была преобразована в 1962 году в качестве эксперимента (рис. 6). Во время восстановления городов Германии после Второй мировой войны было установлено количество пешеходных улиц, и именно эти, ориентированные на

торговлю улицы, служили вдохновением для Копенгагена. Несмотря на прецедент превращения главной улицы Копенгагена длиной в 1,1 километра в пешеходную, это рассматривалось как эксперимент. «Пешеходные улицы никогда не будут работать в Скандинавии» – таким было общее мнение. «Нет автомобилей – нет клиентов, нет клиентов – нет бизнеса», – говорили торговцы. Другие утверждали: «Нет традиций городской общественной жизни в Скандинавии», что действительно было правдой: никогда раньше датчане не имели общественных пространств и возможностей для развития общественной жизни.

В самое короткое время Строгет стала привлекательной пешеходной улицей и для горожан и для предпринимателей, обнаруживших, что свободное от движения транспорта пространство является ценным стимулом к увеличению оборота.

В последнее время число преобразованных улиц и площадей растет. Постепенно была разработана сеть пешеходных улиц, представляющая собой эффективную систему передвижения для пешеходов. В Копенгагене не составит труда прогуляться из одного конца города в другой, и пешеходное движение сегодня составляет около 80% от всех видов движения в центре города.

Уже в 1962 году парковка на площадях вдоль новой пешеходной улицы был сокращена, и начали развиваться развлекательные мероприятия города. В течение следующих 30 лет парковки были удалены в общей сложности с 18 площадей, и все эти новые свободные пространства стали частью городской социальной жизни. В 1962 году пешеходная зона города составила 15 800 квадратных метров. В 2000 году площадь улиц и площадей, свободных от автомобилей, достигла почти 100 тыс. квадратных метров, т. е. в шесть раз больше квадратных метров зарезервировано для общественной жизни.

Постепенное расширение сети пространств без автомобилей (или почти без автомобилей) имело три очевидных преимущества. Жители города уже успели освоить совершенно новую городскую культуру, чтобы открывать и развивать новые возможности. Соответственно, владельцы автомобилей успели при-

выкнуты к мысли, что им стало труднее добраться до центра города и припарковаться там, но гораздо легче воспользоваться велосипедом или общественным транспортом. Таким образом, у людей было время, чтобы изменить свои привычки и модели передвижения. Городским властям стало проще внедрять в жизнь небольшие поэтапные решения на основе уже принятых ранее. Эти поэтапные решения привели к созданию необычайно привлекательного центра города, с относительно небольшим числом автомобилей и активной общественной жизнью, довольно необычной по скандинавским понятиям.

В целом развитие общественных пространств можно отнести к стратегии малых дел. Так, для того чтобы освободить место для новой общественной жизни города, парковочные места в центре уменьшались на 2–3 % ежегодно на протяжении многих лет. Автомобилисты постепенно привыкли платить больше за парковку или оставлять свои машины возле дома, идти пешком, ехать на общественном транспорте или на велосипеде по все более обширной сети велосипедных дорожек.

Сеть велосипедных дорожек расширялась год за годом, и сегодня условия для велосипедистов в Копенгагене настолько хороши, что многие оставляют свои машины возле дома и предпочитают ездить на работу на велосипеде.

За последние 25 лет велосипедное движение в Копенгагене возросло на 65 %. Автомобильный трафик по всему муниципалитету был сохранен постоянным с 1970 по 1996 год, хотя в этот же период количество автомобилей в столице в целом резко возросло. Измененный уровень трафика в черте города за более чем четверть века является крайне необычным по европейским стандартам (рис. 7).

Около 600 парковочных мест были устранены в центре Копенгагена в течение последнего десятилетия, и сегодня город имеет около 3 тыс. парковочных мест, две трети из них на границе тротуара. Для сравнения: в Стокгольме 8 тыс. парковочных мест в центре города и в Осло – 4 800.

Почти во всех городах систематически ведется сбор

информации об автомобильном движении, но крайне редко учитываются данные о развитии движения пешеходов и общественной жизни. Копенгаген занимает особое положение в этой области. С 1968 года исследователи из Центра изучения общественного пространства в Школе архитектуры Копенгагена регулярно записывают, как используется общественное пространство и какие изменения произошли в общественных местах. Ряд комплексных исследований городской жизни всей центральной части Копенгагена в 1968, 1986 и 1995 годах дал возможность следить за развитием городской жизни и улучшать ее.

Первые исследования (с 1968 года), показывают, что новые пешеходные улицы использовались для прогулок и в качестве торговых. В 1986 году исследования показали рост новых, более активных способов общения, когда многие люди демонстрировали свои таланты, обменивались товарами. Последнее из крупных исследований города 1995 года показывает, что развитие продолжается, особенно это проявляется в рекреационных мероприятиях города.

За 27 лет, в течение которых происходило развитие общественной жизни, количество людей, которые участвуют в развлекательных мероприятиях на улицах и площадях центра города в летний день, увеличилось в

^ Рис. 5. Place Kleber, Страсбург / Fig. 5. Place Kleber, Strasbourg

^ Копенгаген. На схеме ядро средневекового города, часть гавани и прилегающих окрестностей. Темными линиями обозначена пространственная сеть свободных или почти свободных от автомобилей улиц и площадей, учрежденных постепенно между 1962–2000-ми годами. / Copenhagen. The map presents the core of a medieval city, a part of the harbor and the surrounding area. The dark lines indicate a special network of car-free or almost car-free streets and squares gradually founded between 1962 and 2000

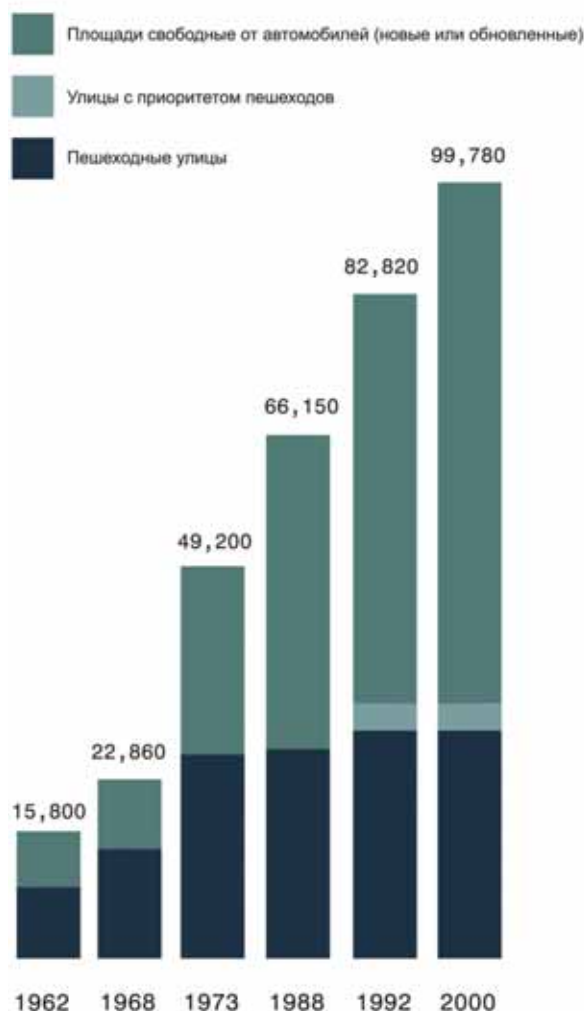

1880

1960

^ Рис. 6. Улица Строгет, Копенгаген / Fig. 6. Stroget Street, Copenhagen

> Рис. 7. Развитие пешеходных зон в центре Копенгагена с 1962 по 2000 годы в кв.м. Из всей площади свободной от автомобилей, улицы составляют 33% и площади 67% / Fig. 7. Development of pedestrian zones in downtown Copenhagen from 1962 to 2000, in square meters. Streets compose 33% and squares compose 67% of the total car-free area

3,5 раза. В связи с этим интересно отметить, что, согласно исследованиям, в 1995 году площадь территории города, свободной от автомобилей, также увеличилась в 3,5 раза по сравнению с 1968 годом.

Увеличению пешеходной активности заметно способствовало развитие культуры кафе в городе. Когда в 1960-х годах были созданы первые пешеходные улицы, кафе под открытым небом в Копенгагене были редкостью. Сегодня Копенгаген предлагает более 5 тыс. мест для посетителей кафе на открытом воздухе, и в хороший день, почти все они заняты. Таким образом, абсолютно новый вид городской активности для Скандинавии – культура кафе – развился в течение относительно короткого периода одновременно с изменениями в обществе и качественными улучшениями в центре города. Новая культура города выросла из новых пространств как опровержение доводов скептиков, считающих, что датчане никогда не будут использовать общественное пространство.

Умеренный датский климат был еще одним фактором, который серьезно ограничивал любые попытки развивать общественную жизнь в Дании. Обслуживание на открытом воздухе начинается ранней весной и продолжается до поздней осени. Как только жители Копенгагена почувствовали всю прелесть общественных пространств, сезон был расширен и теперь продолжается семь месяцев – с апреля по ноябрь. Говорят даже о его продлении вплоть до Рождества.

Огромный вклад в процветание Копенгагена внес Ян Гейл, признанный специалист в области общественных пространств, профессор, руководитель бюро «Гейл Архитектс» (Gehl Architects). В своей работе «Гейл Архитектс» использует эмпирические исследования и методы картографирования, разработанные Яном Гейлом.

Методика проектирования общественных пространств «Гейл Архитектс» базируется на следующей иерархии (рис. 8). Во-первых, жизнь. Шансов создать живое городское пространство больше, если

1968

2000

представление о жизни в качестве отправной точки можно определить в изображениях. Кто пользователь? Как он представляет городскую жизнь в данном месте? Во-вторых, городское пространство. Его образ базируется на представлении о городской жизни и желаемой деятельности. Имеющиеся качества мест закрепляются и создаются новые. В-третьих, застройка. Синергетический эффект проявляется в качественном взаимодействии застройки и общественного пространства. Пространственный контур застройки – неотъемлемая часть образа жизни, представления о месте пребывания. «Гейл Архитектс» стремится создавать многогранные, безопасные города, повышающие качество жизни населения.

Города, подобно птице Феникс, воскресают в процессе преобразования общественных пространств. Примеры успешных городов, богатство разнообразных решений служат стимулом к созданию городского каркаса как места общения. Сеть общественных городских пространств должна быть конкурентоспособна растущей силе притяжения виртуальных сетей.

Каждый из вышеописанных городов, несомненно, имеет свой характер и свои особенности организации общественных пространств. В Барселоне это фрагментарное развитие направленных к прибрежной зоне общественных пространств внутри городского центра; единая архитектурная трактовка общественных пространств Кордобы основана на регулярной решетке улиц городского плана; для Лиона характерна линейно-узловая сеть общественных пространств, параллельных реке; а для Страсбурга – совмещенная с трамвайными путями сеть общественных пространств; и, наконец, развитая внутригородская сеть общественных пространств Копенгагена.

Для всех этих городов общим является стремление создать комфортную среду для человека, наличие сильного лидера, сумевшего довести эту идею до реализации, и последовательные действия, ведущие к намеченной цели – созданию города для людей.

Во-первых, жизнь

Во-вторых, городское пространство

В-третьих, застройка

Литература

New City Spaces. Jan Gehl and Lars Gemzø e. Copenhagen, 2006.

Partitur des öffentlichen Raums. Gehl Architects ApS. Wien, Oktober 2009.

> Рис. 1. 2. Музейная
дорога, Лондон
Фото Артёма Ольшевича

Shared Space: революционные изменения улиц британских городов

текст
Артём Ольшевич

В то время как в России повсеместно происходит реконструкция улично-дорожных сетей в пользу личного автомобильного транспорта, в западных странах создаются благоприятные условия для появления целого ряда новейших концепций проектирования городских улиц, а понятие личного транспорта отступает на задний план. Наиболее яркий, по мнению автора, пример новой концепции дорожного движения – это Shared Space (общее пространство).

С момента публикации в 1963 году отчета британского градостроителя Колина Бьюкина «Движение в городе» инженеры работали над максимальным изолированием автомобильного движения от общественных пространств. Подземные переходы, мосты, предупреждающие знаки стали сопутствующими элементами проектирования улиц с доминированием автомобильного движения. К счастью, ситуация постепенно менялась, и появлялось все больше доказательств того, что подобное разделение только повышает риск для пешеходов и велосипедистов, а объединение всех участников движения в едином пространстве улицы не только более эстетично и комфортно, но и значительно повышает безопасность.

Уникальное явление общественного пространства улицы, зародившись в Голландии благодаря случайному эксперименту, распространилось в Дании, Швеции, Северной Испании и далее повсеместно в Европе и Северной Америке. Некоторые ключевые принципы концепции также были заимствованы французской программой Ville Plus Sure применяемой повсеместно в крупных городах и деревнях Франции. В Великобритании подобное преобразование улиц происходит только сейчас, и можно привести всего несколько примеров таких пространств, но в достаточной степени революционных.

Впервые термин Shared Space (общее пространство) был введен Беном Хамилтоном-Байли в 2003 году после проведения ряда исследований. Но сама концепция была изобретена гораздо раньше, более

30 лет назад Хансом Мондерманом, транспортным инженером из Нидерландов, который помог привнести идею объединения в традиционные методы проектирования улично-дорожных сетей.

Все началось с того, что задачей Мондермана было снизить скорость движения в небольшой деревне на севере Нидерландов. Недостаточное финансирование вынудило его отказаться от таких традиционных средств, как шиканы и красно-белые барьеры. За неимением других вариантов ему оставалось полагаться только на интуицию. На тот момент Мондерман уже провел несколько анализов аварийности, особо уделяя внимание человеческому фактору в системе движения. В итоге он решил убрать почти все традиционные элементы уличного дизайна, оставив только то, что могло бы подойти для обычной деревни. Вернувшись через месяц, к большому удивлению он обнаружил, что скорость движения снизилась почти на 50%. Мондерман в одном из своих интервью сказал: «Это был такой странный эксперимент. До сих пор удавалось снизить интенсивность движения только на 10–20%, и я не ожидал, что это могло сработать, но это работало».

Этот «странный эксперимент» положил начало «взаимоотношениям» автомобильного движения и городской среды. По мнению Мондермана, «окружающий контекст имеет более сильное влияние на поведение, чем законы и формальные правила. Наше поведение в театре или в церкви сильно отличается от того, что в пабе или, например, на футбольном стадионе, все это благодаря сложившейся за долгие годы культуре. Аналогичным образом, если мы видим, как дети играют на улице, мы скорее снизим скорость движения, чем если бы мы увидели просто надпись гласящую: "Осторожно: дети!"».

Водитель в «общем пространстве» становится составной частью социального и культурного контекста. В результате его поведение контролируется бытовыми нормами поведения: он снижает скорость,

начинает проявлять больше заботы и полагаться на визуальный контакт и взаимодействия между людьми. В своей работе Мандерман опирался на исследования Джона Адамса, профессора географии из университетского колледжа Лондона, изучающего проблемы риска и безопасности. Изменение поведения в контексте Shared Space связано с тем, что Адамс описывает как «эффект компенсации рисков». Если люди защищены от опасности, утверждает Адамс, они способны регулировать пороговое значение риска. Аналогично инструменты, управляющие движением, фактически могут только увеличить риск несчастных случаев, освобождая водителей от необходимости использовать собственный интеллект и взаимодействовать с окружающей средой.

«Традиционно проектирование автомагистралей было основано на теории, что мы совершенно не обращаем внимания на опасность в окружающей среде, но это не так. Как только появляется некоторая неопределенность в плане того, что кто имеет право проезда, водители или пешеходы, все участники движения становятся более внимательными, и водителям приходится снижать скорость. Таким образом, перераспределилось бремя риска, и, как результат, пешеходы получили больше контроля над ситуацией», – утверждает Джон Адамс.

Экстремальным примером этого можно считать проект, реализованный в одной из голландских деревень, где водители постоянно превышали скорость возле средней школы. Вместо того что бы построить большую стену или как-либо отгородить проезжую часть для безопасности школьников, проектировщики решили просто расширить игровую площадку таким образом, чтобы она пересекала проезжую часть. Это создало сильнейшую взаимосвязь между улицей и окружающей ее средой. Благодаря этим действиям удалось решить ситуацию с превышением скорости и заставить водителей быть максимально бдительными. Сокращение светофоров в первом экспериментальном

проекте Мандермана позволило автомобилям двигаться более свободно. Из 15 светофоров было убрано 12, сейчас автомобилям необходимо всего 10 минут, чтобы пересечь центр города в часы пик. Со светофорами это время составляло бы 20 минут. «Светофоры не решение, – утверждает Мандерман. – Они заставляют людей нестись, круша все на своем пути. Вот свидетелями чего мы являемся сейчас, когда могли бы создать единый органичный поток движения, скажем, 20 километров в час вместо 6–12 километров, как происходит сейчас. Более того, города без знаков, барьеров и светофоров также становятся более приятными местами для жизни и работы. Благодаря синтезу трафика с «общественностью» мы могли бы построить уникальные пространства».

Сильные и слабые стороны концепции

Shared Space довольно положительный пример концепции, основанной на создании пространства улицы как среды, учитывающей интересы всех участников движения, в отличие от изолированных скоростных магистралей и пешеходных зон, где акцент явно смещен в пользу тех или иных участников движения. К плюсам таких пространств можно также отнести низкую стоимость затрат на реализацию по сравнению с другими вариантами нормализации движения. Из явных минусов – сложность применения идеи для улиц с большой интенсивностью автомобильного движения, особенно центров крупных городов. Также стоит учитывать некоторые психологические аспекты. Далеко не все пешеходы чувствуют себя в безопасности, не имея специально выделенного тротуара, в особенности это касается детей. Ян Гел, датский архитектор, чья профессиональная деятельность была сосредоточена на улучшении качества жизни в городах путем переориентации дизайна на пешеходов и велосипедистов, в своей книге «Жизнь между зданиями» упоминает, что родители не разрешают детям играть вблизи дороги, за исключением тротуара.

> Рис. 3–5. Музейная дорога. Фото Артёма Ольшевича

Джейн Якобс, канадско-американская писательница, активистка, теоретик городского планирования и одна из основоположников движения нового урбанизма, в своей шумевшей книге «Смерть и жизнь больших американских городов» также упоминает, что тротуары необходимы прежде всего для безопасности.

Большие сложности для реализации данной схемы создает также изменение правил и руководств по проектированию улиц, так как в эти руководства не включены аспекты по проектированию городской среды. Также необходимо обратить внимание на то, что для успешной реализации концепции требуется совместная работа всех специалистов, вовлеченных в процесс проектирования. Чтобы совместное пространство заработало, необходимо прежде всего создать максимальную взаимосвязь между транспортными инженерами и градостроителями. Нам нужно единое видение того, как общественное пространство может работать», – рассуждает Ханс Мондерман.

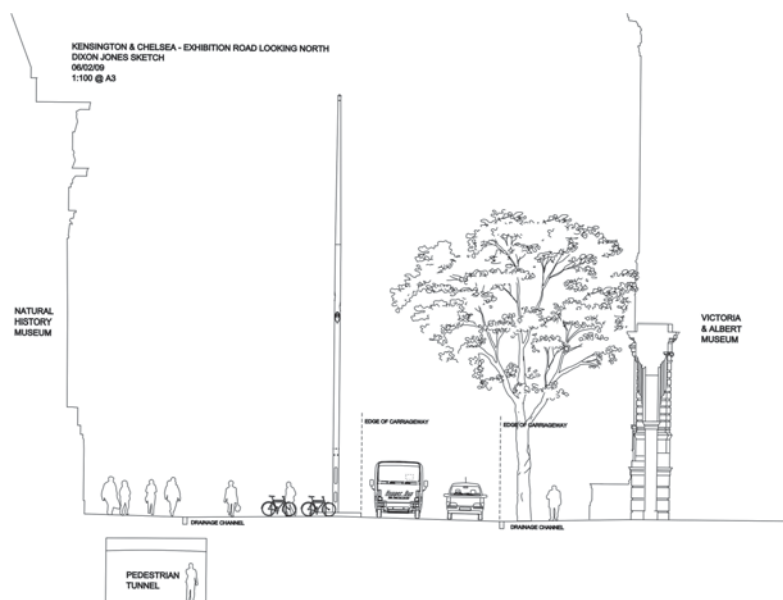
Революционные изменения улиц британских городов
Влияние идей Мондермана заметно прослеживается в Великобритании. Рассмотрим более детально такие примеры, как Музейная дорога (Exhibition Road) в Лондоне и Новая дорога (New Road) в Брайтоне.

Историческая улица Музейная дорога была трансформирована в одно из самых больших общественных пространств Лондона, где подчеркнута все богатство музейного квартала. Проект стоимостью 28 миллионов фунтов стерлингов выполнен командой проектировщиков из архитектурной мастерской «Диксон Джонс». Задачей проекта было трансформировать не соответствующие нормам тротуары и некомфортные перекрестки в образцовую улицу со скоростью автомобильного движения до 20 миль в час, с максимальным доминированием пешеходов. Что же изменилось в итоге преобразования? Единая поверхность свободна от нагромождений и бордюров, количество барьеров

и фурнитуры минимально. Отсутствие дорожной разметки и привычного разграничения пешеходной зоны от проезжей части вынудило водителей проявлять максимальную осторожность и снижать скорость движения. Для обозначения пешеходных пространств используются визуальные и тактильные линии, а также высококачественное освещение с использованием новейших технологий.

Стоит отметить, что для покрытия поверхности улицы потребовалось 22 тыс. квадратных метров брусчатки из натурального гранита. Для визуального объединения пространства проектом предусматривалось применение камня двух цветов: черный – для основного покрытия и розовый – для диагональных полос, создающих единое «ковровое» покрытие. Элегантность и пропорциональность улице придают двадцатиметровые мачты наружного освещения, расположенные по центру улицы. Каждая мачта осна-

в Рис. 6. Поперечный разрез

> Рис. 7. Новая дорога, Брайтон. Фото Артёма Ольшевича

щена тремя фонарями белого свечения для равномерного освещения поверхности улицы. В дополнение к этому для декоративных целей вдоль мачт было установлено множество светодиодов, создающих особо яркий акцент на наконечнике. Гай Хардин, менеджер по дизайну освещения компании «Вудхаус», занимающийся созданием мачт, комментирует: «Это совсем новый уровень наружного освещения. Для нас было огромной проблемой разместить современные источники света почти без выступающих частей в такой гладкой мачте и в то же время достичь требуемой интенсивности освещения».

Новый проект общественного пространства пришел на смену традиционной транспортно-доминирующей улицы. Новая дорога в Брайтоне – один из немногих примеров мультимодальной нежилкой улицы в Великобритании. Она расположена в сердце города в так называемом культурном квартале. Улица обес-

печивает доступ к огромному количеству магазинов и ресторанов, офисам, жилым домам, а также к ряду известнейших мест, таких как Павильон, Юбилейная библиотека, Королевский театр. Создание единой поверхности без тротуаров и преград позволило обеспечить свободный доступ пешеходов ко всем участкам улицы. Включение в проект уникальных мест для сидения и специального освещения добавило привлекательности пространству. Благодаря такому преобразованию удалось также привнести культуру уличных кафе, создающую позитивную и доброжелательную атмосферу днем и вечером.

Из достижений проектной команды следует отметить создание зон для общения. Скамейки были поставлены параллельно в два ряда на таком расстоянии, чтобы даже незнакомые люди могли спокойно разговаривать друг с другом. О таких «зонах стимуляции» неоднократно упоминает один из авторов про-

> Рис. 8. Новая дорога до реконструкции (слева), после реконструкции (справа). Фото с сайта www.gehlar-chitects.com

екта Ян Гел. Кроме того, согласно сайту проектировщиков, на 62 % увеличилось движения пешеходов, на 93 % снизилось движение автотранспорта, на 600 % увеличилась различная уличная активность, и на 22 % выросла интенсивность велосипедного движения.

Беседы с лондонцами, гостями города и личные наблюдения позволили автору данной статьи сделать вывод о том, что пока не все участники движения ведут себя уверенно и еще не все понимают, как правильно пользоваться таким типом улиц. Особо следует отметить, что в Брайтоне горожане были вовлечены в процесс проектирования благодаря серии воркшопов, объясняющих, как правильно пользоваться нестандартной улицей. Многие пожелания людей были учтены еще на стадии проектирования, однако до сих пор остались открытыми вопросы безопасности маломобильных групп населения, в особенности слабовидящих людей.

www.hamilton-baillie.co.uk
www.gehlarchitects.com
<http://www.woodhouse.co.uk>
<http://www.rbkc.gov.uk>
www.dixonjones.co.uk

в Рис. 9. Новая дорога.
Фото Артёма Ольшевича

text
Ioulia Pankratieva

Context. Strategy.
Since its foundation in 1989, Region of Brussels Capital has its own government and conducts an independent urban policy. With the constant increase in population the main objectives for the Region are concentrated on development of housing and infrastructure objects, transport security, and improvement of functioning of urban structures.

Urban policy is based on the Regional Plan for Sustainable Development (Plan Régional de Développement Durable - PRDD), which is a strategic tool for urban planning and deals with a wide range of issues related to the economy, demographics, construction, transport.

A new Regional Plan for Sustainable Development was adopted in December 2012. It will direct the development of the Region for the next 25 years. Densification of urban environment was highlighted in a separate section. Development of this section was entrusted to the Bureau COOPARCH.ru.

The main objective was to find real ways to densify city building allowing to regulate the positive dynamics of population

growth, which has an expected level of 200 000 inhabitants till 2040 and still maintain the quality of the urban environment (the region holds consistently a place among the ten most comfortable cities in Europe).

One should take into account that the region, with the area of 16,410 hectares, is almost completely urbanized and has the administrative boundaries with regions of Flanders and Wallonia. It is specificity because of complex political inter-relationship between regions, and the problems of articulation of regional development plans.

The existing physical structure of the city as well as its culture and traditions deserve special attention. In many aspects they determine the quality of the urban environment. Any drastic change could destabilize the sensitive organism and lead to negative consequences.

Increasing the density of urban space in the Brussels Region should be carried out progressively and flexibly, considering the existing urban context and cultural heritage.

Брюссельский столичный регион

Повышение плотности городского пространства и сохранение качества жизни

текст
Юлия Панкратьева

Контекст. Стратегия
Со времени своего образования в 1989 году Брюссельский столичный регион (фр. Région de Bruxelles-Capitale) имеет свое правительство и проводит самостоятельную городскую политику. На фоне постоянного прироста населения основными задачами, которые должен решать регион, являются концентрация усилий для реализации жилищных и инфраструктурных объектов, транспортного обеспечения и улучшения функционирования городских структур.

Городская политика опирается на Региональный план устойчивого развития (Plan Regional de Développement Durable – PRDD), принятый в декабре 2012 года и рассчитанный на ближайшие 25 лет. Этот документ – стратегический инструмент городского планирования – затрагивает широкий спектр вопросов, связанных с экономикой, демографией, строительством, транспортом и др.

Тематика уплотнения городской среды была выделена в отдельный раздел, разработка которого была поручена бюро COOPARCH.ru. Основная задача – найти реальные пути уплотнения городской застройки, позволяющие регулировать положительную динамику прироста населения (ожидается 300 тыс. жителей в период до 2040 года) и сохранить при этом качество

городской среды (регион стабильно входит в десятку самых комфортных городов Европы).

Необходимо учитывать, что регион, охватывающий территорию 16 410 га, практически полностью урбанизирован и имеет административные границы с регионами Фландрия и Валлония. Сложность представляют политические межрегиональные взаимоотношения и согласование региональных планов развития.

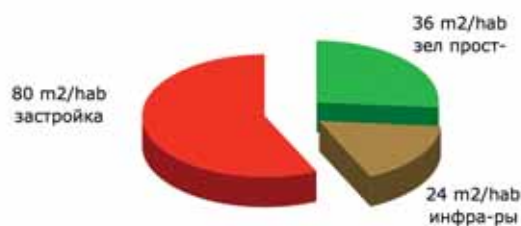
Особого внимания заслуживает существующая физическая структура города, его культура и традиции, во многом определяющие качество городской среды. Любые резкие изменения могут дестабилизировать этот чувствительный организм и привести к негативным последствиям.

Повышение плотности городского пространства в Брюссельском столичном регионе необходимо проводить прогрессивно и гибко, с учетом существующего урбанистического контекста и культурного наследия.

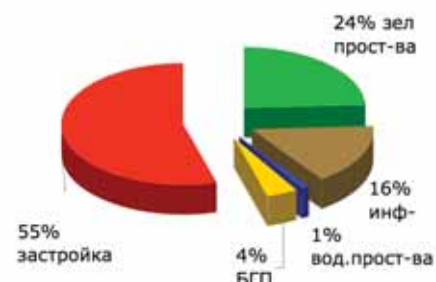
Понятие плотности в урбанистике
Понятие плотности и ее увеличения (денсификации) охватывает широкий спектр областей – население, застройку, интенсивность городской среды, пейзаж. Плотность – понятие относительное, ее численные выражения сильно варьируются в зависимости от

> Элементы физической структуры города распределены следующим образом.

Регион Брюссель-Столица
распределение территорий по принципу землепользования на одного жителя

Регион Брюссель-Столица
Землепользование

Density?

The concept of density in urban studies, as well as its increase, touches a wide range of areas: population, land use, the intensity of the urban environment ... landscape.

As it is a relative concept, the numerical expressions of density vary greatly depending on the subject and the desired result.

When choosing the main directions to increase the density we have identified three subjects that allow "understanding" the territory: the physical features of the urban structure, demography and cultural heritage.

High comfort of living in the region depends mostly on its physical structure: the presence of public spaces, green spaces under reach, size and typology of neighborhoods.

These elements of the physical structure of the city are divided as follows: (see the diagram).

Open land intended for construction is of the order of 50 hectares. Domains intended for large urban projects can be identified separately and occupy 702 hectares. In most cases, LUP (domains designed for the realization of large urban pro-

ject) lie on the territory subject to requalification - former depot, freight rail station. LUP are primarily strategic reserve of the city to implement the objects of urban-regional significance.

These areas is not sufficient to create the conditions for increasing number of new residents, their development will require a lot of time and investment.

There is a need to find potential to densify inside the existing urban structure.

This potential is to rationalize, optimize already used or built-up territories.

Of course, the city cannot be densified uniformly everywhere. Each piece of the urban fabric has its own structure, specificities and potential.

55% of the Region's territory is already occupied by existing building with its coefficient P / S (Total Number of meters / per land area) varying between 0.01 (Neerpede) and 36 (Madou)

The quarters consist of modular, mixed and open type of building.

Potential may also be found in restructuring of single-level

Region of Brussels-Capital

Increasing the Density of Urban Space and Preserving the Quality of Life

тематики и искомого результата. При выборе основных направлений для работы над повышением плотности нами были выделены три тематики позволяющие «понять» территорию: физические особенности городской структуры, демография и культурное наследие.

Высокая степень комфортности проживания в регионе обеспечена во многом его физической структурой, наличием общественных пространств, доступными зелеными пространствами, размерами и типологией кварталов.

Свободные территории, предназначенные под застройку, составляют около 50 га, отдельно можно выделить территории БГП (702 га), предназначенные для реализации больших городских проектов, в большинстве случаев БГП находятся на землях, подлежащих рекавификации (бывшие депо, грузовые железнодорожные станции). БГП – главный стратегический резерв города для реализации объектов городского и регионального значения.

Этих территорий недостаточно для принятия новых жителей, их освоение потребует длительного времени и инвестиций. Возникает необходимость поиска потенциала уплотнения внутри существующей городской структуры. Этот потенциал заключается в рационализации, оптимизации уже используемых или застроенных территорий. Конечно же, город невозможно

Соответствие между типоморфологией и плотностью застройки

уплотнить одинаково и повсюду. Каждый фрагмент городской ткани имеет свою структуру, свои особенности и потенциал.

55 % территории региона занято существующей застройкой, коэффициент P/S (общее количество метров / на площадь участка) варьируется между 0,01 (Neerpede) и 36 (Madou).

Кварталы блочного типа занимают 3 650 га городской территории, средняя плотность населения 150 чел./га, P/S max 36, P/S min 0,41.

Кварталы смешанного типа занимают 658 га городской территории, средняя плотность населения 80 чел./га, P/S max 2,12, P/S min 0,14.

Кварталы открытого типа занимают 4 353 га городской территории, средняя плотность населения 80 чел./га, P/S max 3,3, P/S min 0,01.

К потенциалу относится также реструктуризация одноуровневых построек коммерческого, офисного, промышленного назначения.

Существенным потенциалом обладают открытые паркинги с территорией более 1000 м2, они занимают

< Кварталы формируются застройкой блочного, смешанного и открытого типа.

Регион Брюссель-Столица морфология кварталов

commercial, office and industrial purpose buildings.

Public parking lots with an area more than 1000m² occupy in total about 80 hectares. They are often located in neighborhoods with good infrastructure - areas, where there is an acute shortage of territory for development. Hence, they also represent substantial potential.

Typological and morphological analysis conducted on size of buildings, open spaces showed a great potential for an increase in dimensions of existing buildings. The analysis took into account the preservation of comfort, insolation, technical capacity of buildings. Possible potential in sectors with good transport infrastructure is around 3,000,000 m².

Speaking of demography and considering the dynamics of Brussels for the last 30 years, we can see that the city has experienced population decline in years 70, and only now has returned to its former population -1.1 million new residents. The population growth is expected to overgo the historical maximum.

Average population density in the region is now of 67 people / ha.

Population is not distributed uniformly over the area.

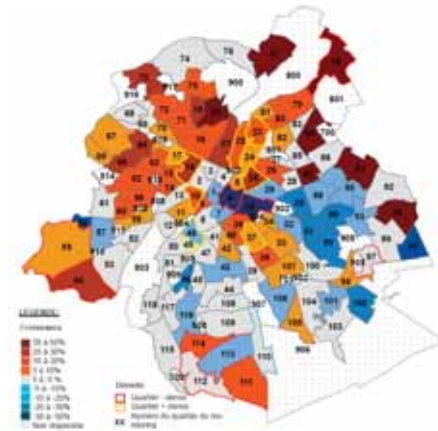
Quarterly data density, very stable in the Region, range between 300 persons / ha in Bosnie quarter and 2.5 persons / ha in Neerpede. Ten of the most densely populated districts have not changed a lot over the past 30 years. The exception is the European quarter, losing a large number of inhabitants, in order to make room for the European government structures' offices.

An interesting fact is that the dynamics of the population increase is also uneven, neighborhoods with a high density of the population continue to accept new residents and neighborhoods with a lower population density, usually green neighborhoods, continue to lose population. At the moment it is due to economic factors - cost of housing and population aging.

Hence, there is a potential for existing properties in neighborhoods with good infrastructure and high comfort.

Cultural heritage should not be excluded from the process of the city development, it is also a potential to increase the density. Letting the objects of cultural heritage fulfill the functions necessary for a city is part of densification of the existing fabric of the city.

Относительные величины динамики прироста населения по кварталам

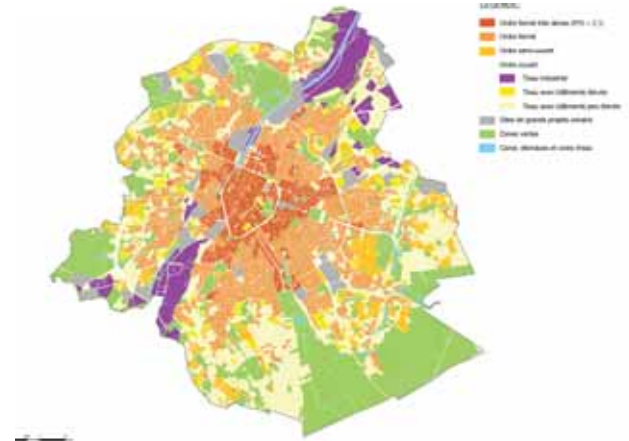
около 80 га и зачастую находятся в кварталах с развитой инфраструктурой, там, где ощущается острая нехватка территорий под застройку.

Проведенный типоморфологический анализ кварталов, габаритов строений, открытых пространств выявил большой потенциал для увеличения габаритов существующих зданий. При анализе учитывались условия сохранения комфорта, инсоляции, технических возможностей зданий. Потенциал в секторах с хорошей транспортной инфраструктурой составляет около 3 млн м².

Говоря о демографии и рассматривая динамику Брюсселя за последние 30 лет, можно увидеть, что город переживал спад населения в 1970-х годах и только сейчас вернулся к прежней численности населения – 1 100 тыс. жителей, и новый прирост населения будет происходить выше исторического максимума.

Средняя плотность населения в регионе сейчас составляет 67 чел./га. Распределение населения по территории происходит неравномерно. Поквартальные характеристики плотности очень устойчивы и варьируются между 300 чел./га в квартале Босни и 2,5 чел./га в Неерпедде. Десятка самых плотно населенных кварталов практически не изменилась за последние 30

Уплотнение Брюссельского столичного региона: основные принципы

лет. Исключение составляет Европейский квартал, потерявший большое количество жителей в связи с освобождением площадей под офисы европейских правительственных структур.

Интересно, что динамика увеличения населения происходит тоже неравномерно, кварталы с высокой плотностью населения продолжают принимать новых жителей, а кварталы с небольшой плотностью (как правило, зеленые кварталы) продолжают терять население. Это обусловлено экономическим фактором – стоимостью жилья – и старением населения.

Таким образом, имеется потенциал существующей недвижимости в кварталах с хорошо развитой инфраструктурой и высоким комфортом.

Культурное наследие не должно быть исключено из процесса развития города, оно тоже является потенциалом для увеличения плотности. Наделение объектов культурного наследия необходимыми для города функциями – часть уплотнения существующей ткани города.

Концепция «Устойчивость и гибкость во времени»
Каково глобальное видение развития города для более эффективного использования потенциала повышения плотности?

Concept: "Stability and Flexibility in time"

What is the global vision of the city to make better use of the above mentioned potential for increasing density?

Taking into account the fact that the new Regional Plan for Sustainable Development is scheduled for decades, it must be able to evolve over time, to adapt to emerging conditions.

At the same time you need to save the specificity of the urban environment, its structure.

The solution found itself in creation of a "basic principles of density development regulation."

This document provides a soft, progressive densification of building, according to structure of its urban sectors.

The document defines the minimum density ratio by sector, assuming no change in their typology, provides stability to urban environment and its articulation with urbanized areas in the neighboring regions. (See the diagram).

The criteria are added to the "basic principles". The criteria may vary depending on time and conditions and be restrictive or more in favor for the area. This provides flexibility in time.

Restrictive criteria, such as lack of green space, its pedestri-

an inaccessibility, sound discomfort, pollution, flood areas, impose additional conditions for projects. Such conditions can be compact building with a large number of green zones, or special technologies to reduce noise...

Restrictions may be related to the presence of cultural heritage.

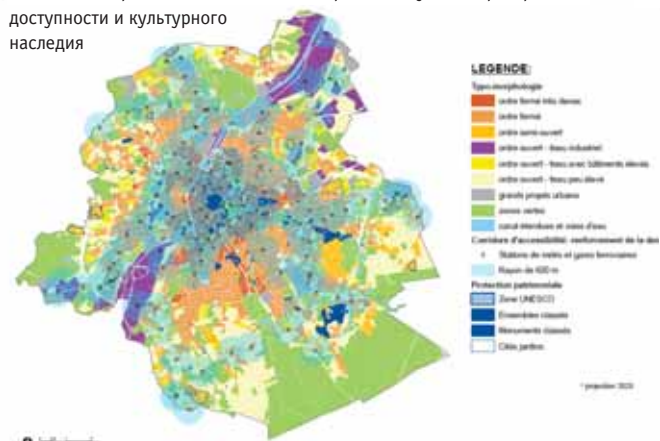
Favoring criteria, such as good public transport coverage, the availability of quality public spaces....

In such cases, the density coefficient account may be raised.

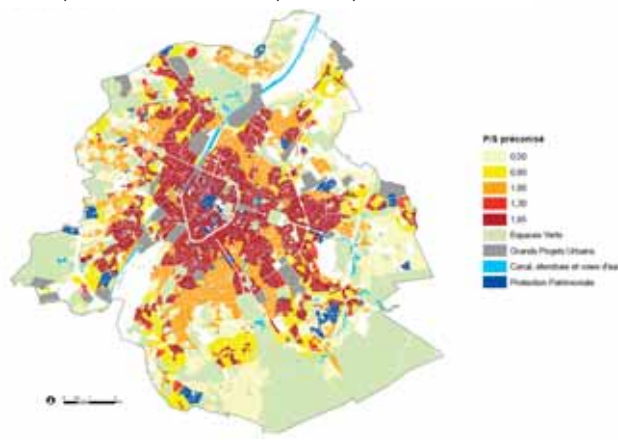
The results obtained are interesting as a tool to control the density of building, its wide application is planned to start in the first trimester of 2013.

The document regulating the density allows practically link many areas of the city development strategy – it has a coordinating role. So, on the instructions of the regional government were developed scenarios building densification taking into account the transport development scheme for 2020 and 2040 years. These strategic scenarios enabled quantitative calculations, coordination of transport development with increase of building density.

Уплотнение Брюссельского столичного региона с учетом критериев доступности и культурного наследия

Уплотнение Брюссельского столичного региона: рекомендации

Так как новый Региональный план устойчивого развития рассчитан на десятилетия, то, с учетом принципа гибкости, он предполагает возможность корректировки при изменении внешних или внутренних условий. Одновременно необходимо сохранить специфику городской среды, ее структуру. Решением стало создание «Основных принципов регулирования плотности застройки». Этот документ предлагает мягкое, прогрессивное уплотнение застройки в соответствии со структурой города, его урбанистическими секторами. Он определяет минимальные коэффициенты плотности по секторам, не предполагая изменения их типологии, – обеспечивает устойчивость городской среды и ее оптимальное сочетание с урбанизированными территориями в соседних регионах.

К «Основным принципам» добавляются критерии, которые могут изменяться в зависимости от времени и условий и иметь ограничительный или фаворизирующий характер. Этим обеспечивается принцип гибкости во времени.

Ограничительные критерии (недостаточное количество зеленых насаждений, их пешеходная недоступность, наличие звукового дискомфорта, загрязнения, паводковые территории) требуют адаптировать решения к определенным условиям для реализации про-

ектов. Такими решениями могут быть компактная застройка с большим количеством зеленых территорий или специальные технологии, уменьшающие шум. Ограничения могут быть связаны с наличием объектов культурного наследия.

К фаворизирующим критериям относятся, например, хорошее обеспечение общественным транспортом, наличие качественных общественных пространств. В таких случаях коэффициент плотности может быть поднят.

Полученный результат интересен в качестве инструмента регулирования плотности застройки, его широкое практическое применение начнется в первом триместре 2013 года.

Документ, регулирующий плотность, играет координирующую роль и позволяет практически связать многие направления стратегии развития города. Так, по заданию регионального правительства были разработаны сценарии уплотнения застройки с учетом развития транспортной схемы на перспективу до 2020-го и 2040-го годов. Эти стратегические сценарии позволили произвести количественные расчеты и скоординировать развитие транспорта и увеличение плотности застройки.

Bogotá is situated 2600 m asl in the highlands of the central mountain range of the Andes in Colombia. Placed in a unique plateau framed on the east with a magnificent line of mountains and on the west with the Bogotá River. Before the arrival of the Europeans, the local population found not only physical but spiritual sustenance among the mountains and rivers that now require urgent care. Mining, illegal settlements and contamination destroyed the refuge of invaluable species of flora and fauna in Bogotá's natural context.

The city has grown fast being home for nearly 8 million people. For political and social reasons it grew in an unplanned way, ignoring the natural Landscape with its immense possible benefits for the population's healthcare and living qualities.

Basis of all natural characteristics of Bogotá are the eastern mountains. These have defined the vegetation, climate and water systems in Bogota and provided all the necessary living needs, which, for thousands of years attracted different human groups.

Sadly most of the habitants of Bogotá don't know about the great importance of their natural context and taking care of nature is not necessary included in their culture.

One of the tragic consequences of the fast growth of the city towards this ecological treasure has been that no one really knows where the urban space ends and where the mountain border begins. The mountains have been subjected to chaotic urban growth, invasive non-native vegetation, agriculture and even mining. This degradation brings us to a historical peak where we must take urgent action to preserve the Bogotá Mountains for ourselves and for future generations. It is a situation of now or never considering the city's population boom combined with the world environmental crisis.

Therefore, I have set out with qualified staff of collaborators to create a project which will enhance this great ecological resource. My experience with this zone goes back to 1998 when I began to work with the mayoralty on diverse

Эколого-рекреационный коридор в горном заповеднике Боготы /

автор проекта

Диана Визнер Сибалос /
Project Author
Diana Wiesner Ceballos

творческий коллектив

геолог Винсенте Амртеги
биологи Фернандо
Ремолина, Лилиана Чизака
гидравлик Адриана
Обандо
социолог Андрес Меса
градостроитель Отто
Квинтеро /
Team Work
Geologist: Vicente
Amortegui
Biologists: Fernando
Remolina – Liliana Chizaca
Hydraulic: Adriana Obando
Social: Andres Mesa
Urban architect: Otto
Quintero

Богота находится в 2 600 метрах над уровнем моря в высокогорье Центральных Анд в Колумбии на уникальном плато, которое с востока обрамлено восхитительной линией гор, а с запада – рекой Богота. Перед приходом европейцев местное население, живя в окружении рек и гор, получало от них не только физическую, но и духовную поддержку. Теперь защита крайне необходима окружающей среде.

Горнодобывающая промышленность, нелегальные поселения и производства нарушили условия существования бесценных представителей флоры и фауны Боготы.

Город стремительно вырос, сейчас в нем проживает около 8 миллионов человек. Внеплановое расширение города происходило по политическим и социальным причинам, оставляя без внимания природный ландшафт с его огромным потенциалом, который мог бы благотворно влиять на здоровье и уровень жизни местного населения.

Все природные характеристики Боготы главным образом зависят от восточных гор. Они определяют растительную, климатическую и водную системы Боготы и предоставляют все необходимое для жизни. Это привлекало различные группы людей в течение тысячелетий. К сожалению, большинство жителей Боготы не осознают всю важность природного окружения и заботу о нем не считают чем-то необходимым.

В результате стремительного расширения города теперь никто не знает, где заканчивается городское пространство и начинается граница гор. Горы подвергаются нашествию чужеземной растительности, влиянию хаотичной урбанизации, сельского хозяйства и даже горного производства. Все это заставляет нас принять срочные меры для сохранения гор Боготы для нас самих и для будущих поколений.

В связи с этим вместе с группой соавторов я приступила к созданию проекта, который направлен на улучшение местных природных ресурсов. Мой собственный опыт работы на этой территории начался в 1998 году с сотрудничества с мэрией в разработке комплекса различных мероприятий по охране природы гор, русла реки и восстановлению окружающей

среды. Однако проекты так и остались на бумаге, и ни один из них не был полностью реализован. Данный проект имеет целью наладить контакт между людьми и их природным окружением, а именно горной и водной системами.

Проект «Эколого-рекреационный коридор Боготы» (ЭРК) основан на трех стратегиях. Первая – социальная, подразумевающая соглашение о большой границе вдоль восточных пределов городской черты протяженностью 53 км. Вторая – биофизическая – связана с восстановлением экосистемы. Третья стратегия – социально-пространственная, она касается инфраструктуры, необходимой для создания музея под открытым небом. Здесь с любовью и заботой по отношению к нашим горам собрана вся информация по ним, включая горные реки, ландшафт, представителей растительного и животного мира.

Площадь ЭРК составляет 415 гектаров. Коридор определяет границу между городом и лесным заповедником, общая площадь которых равна 14 тыс. гектаров. Коридор длиной 53 километра берет начало у северного конца города и простирается до его южной оконечности. Он проходит вдоль элитного кондоминиума, жилого района для среднего класса, рабочих поселков, самовольных поселений, пришкольных территорий и других видов поселений. Музей под открытым небом будет выглядеть скромно: дренажные материалы (камень, кирпичная крошка), подвесные мосты, дощатые дорожки, качели, классные комнаты под открытым небом и смотровые площадки. Такая экономически выгодная инфраструктура подразумевает возможность строительства силами самих жителей при поддержке муниципалитета и других заинтересованных лиц. Экологическое восстановление в основном будет направлено на сбор семян, организацию питомника для местных видов растений и контроль над распространением чужеземных видов растений при сотрудничестве с Ботаническим садом Боготы.

В соответствии со стратегической частью генерального плана одним из приоритетов проекта является экологическое восстановление Восточных холмов (Cerros Orientales). Эта территория должна по праву считаться священным поясом, связывающим сообще-

conservation projects for the mountains, waterways and ecological restoration. However, none of these projects have ever been fully carried out and have been left in large part on the drawing board. The aim of the current project is to bring the mountains with its water into contact with the people and the people with their natural surroundings.

The Bogotá Ecological and Recreational Corridor (C.E.R.) is based on three strategies: first a social being the largest border agreement with 53 km, along the entire eastern limit of the city. Second the biophysical which involves restoration of ecosystem, and third the socio-spatial which includes infrastructure for making an open air museum. It is a font of information, feeling, and affection for our mountains and the names of their streams, vegetation, views, and fauna.

Covering 415 hectares the C.E.R. will define the line between the City and the Forest Reserve, which is made up of over 14,000 hectares in total. The C.E.R. will run over a dis-

tance of 53 kilometers starting at the northern tip and reaching the southern tip of the city. It will pass behind upper class condominium neighborhoods, middle class homes, working class conglomerations, squatter villages, schoolyards and other diverse human settlements. The “open air museum” will be modest: drainage materials (stone, crushed brick), hanging bridges, wooden walkways, swings, open classrooms, and viewpoints. This economic infrastructure means that construction can be undertaken by the neighbors themselves with the help of the city government and other interested participants. The ecological restoration will be geared primarily to seed gathering, nurseries for native species and collaboration with the Bogotá Botanical Garden in controlling invasive non-native vegetation.

According to the strategic part of the master plan of the area, the ecological recovery of the “Cerros Orientales” is one of the priorities of this project. It should be understood as a sacred belt between the community and the natural

Ecological and Recreational Corridor Bogotá Mountain Reserve

parks that extend to the east, behind the mountain line.

Multiple local plant nurseries and ethno botanical guides for native species along the pathway in different stations could be of great educational use. Not only for research, but for schools and people willing to learn about the botanical aspects for ecological restoration and social activities.

A main point is the logical and organized improvement of the accessibility for the areas and the connection to the city main articulations such as ways and rivers. This will not only make the Path more accessible and secure, but will function, as the National Park already does, as veins which stream from the mountain lines down into the city ways. Rivers that have been canalized or cut down from the surface will hopefully revive during the evolution and progression of the project and turned into areas of activity and ecological buffer. At this point, nature and city grow together into a balance of life, which will be of great influence in people's health, and conscience of living.

Harmony of the macro activates the connection with the micro.

Based on the information from the article Cultural and Historical Connections from the Webpage Organic Architecture Guild, Bogota's infrastructure is established mostly in unnatural geometric development patterns, which have the effect of creating a monoculture of the society in which people think they are living life to fullest, but are merely experiencing it as it has been prescribed through the build environment, where the individual interests are not important.

Bogota must get healthy and fair towards its population. More public spaces, and enjoyable ways, not the empty and unsafe streets surrounded and guided by high protecting walls, which have become a symbol in Bogota's architectural development. Not the separation of the different economical classes, but the mixing and bringing together of the citizens in impartial natural spaces.

ство с природными парками, которые простираются на восток за линию гор.

Образовательным целям служат многочисленные питомники для местной флоры и указатели с этноботанической информацией, расположенные по всему маршруту. Они рассчитаны не только на исследователей, но главным образом на учащихся и всех желающих узнать о биологическом аспекте экологической реставрации и социально-культурных мероприятий.

Важную роль играет улучшение организованного доступа к территории и соединение с основными городскими артериями – дорогами и реками. Это не только сделает доступной и безопасной главную пешеходную тропу, но и обеспечит свободный поток, идущий от гор к городским дорогам. Подобное уже осуществляется в национальном парке. Реки, которые были канализованы или удалены с поверхности земли, должны возродиться в результате реализации проекта и превратиться в природоохранные зоны и места активного отдыха. Таким образом, природа и город будут развиваться вместе, стремясь к такому балансу, который бы благотворно влиял на здоровье людей и их отношение к жизни.

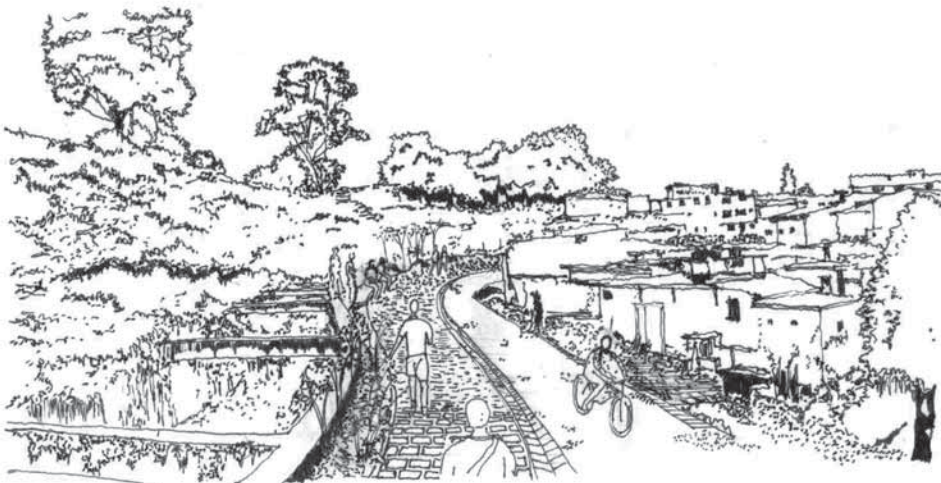
Гармония в макромасштабе улучшает связь с микрокомпонентами.

По данным статьи «Культурные и исторические связи», размещенной на сайте Общества органической архитектуры (Organic Architecture Guild), инфраструктура Боготы имеет неестественные геометрические модели развития, которые способствуют созданию монокультуры общества. В таком обществе люди привыкли думать, что проживают полноценную жизнь, но на самом деле они всего лишь живут так, как им предписано созданной вокруг них искусственной средой, где личные интересы человека не важны.

Богота должна стать для своих жителей привлекательным и комфортным городом. Здесь необходимо создать больше общественных пространств и приятных дорожек вместо небезопасных улиц, окруженных высокими защитными стенами, которые стали архитектурным символом развития Боготы. Нам необходимо не разделение на разные экономические классы, а объединение горожан и создание для них природных территорий общего пользования.

Наша цель – не только экологическое восстановление территорий, но и возрождение главных человеческих взаимоотношений и ценностей, сосредоточением которых служат общие пространства. Для этого предназначен наш коридор. Жители, чьи дома расположены вдоль этого коридора, будут участвовать в проекте в качестве гидов, хранителей, садоводов и учителей, которые смогут рассказать посетителям об истории гор и возьмут на себя заботу о защите нашего общего наследия.

Проект ЭРК одобрен правительством Колумбии, по отдельным участкам горной цепи идет подписание договоров. Одним из первых шагов на пути к реализации проекта станет градостроительный проект «Фениция», в котором район в центре Боготы площадью 105 500 кв. м, граничащий с восточными горами, будет включать в себя жилье и общественные пространства для людей, уже проживающих на этой территории. Река Сан-Франциско будет восстановлена и по проекту «Фениция» станет играть роль рекреационного, экологического и городского пространства, а также остановочного пункта и связующего звена для эколого-рекреационного коридора.

Our aim is not only to restore ecological spaces for the people of the city, but also to recover basic human relationships and values, which revolve around common spaces. This is what our Corridor is meant to do. The housings and people who live along the project will participate as guides, protectors, planters, and teachers who will tell the history of the mountains and take it upon themselves to protect our common heritage.

The C.E.R. Project has been well approved by the authorities of Colombia, and has begun linked to social agreements in different parts of the mountains. As one of the first steps to our project is the urban planning Fenicia Project, in which a neighborhood of 105.500 mI bordering the eastern mountains in the centre of Bogotá will be planed including the housing and public space for the people who already inhabit the place. The San Francisco River will be recovered and included to Fenicia as a recreational, ecological and urban space and will be a station and connection to the C.E.R.

The Santodomingo Library and its spacious contribution to Public space has been of extraordinary benefit for the population in the northern districts of Bogotá Usaquén and Suba. More than a library it is a cultural centre, offering possibilities for different educative and interdisciplinary activities. Areas specialized for parents and their children, exposition rooms, a theatre where the main stage with seating for 1250 spectators and smaller auditorium for 300.

The cultural centre is located in a 55.000 m² public park, supporting and complementing the spirit of it as it reflects where knowledge leads. The man gets back to nature, the more he understands, the more he respects his context. Existing plants have been mostly respected, and meanwhile a whole process of ecological restoration has begun. Recovered public space for (among others) native plants, which will have an important input to water, animals and insects. For example the hummingbirds, which have still a compound in the mountain Conejera situated close to the library.

An inevitable relation between the library and the park

exists. The visitors of the cultural centre and the library can take a break or a walk and also get inspired from the inside of the building by the view of nature. The connection is also reflected by the flowing of the outer landscape into the building openings, not only in the upper levels, but also in the underground parking lots, where the dark corridors get lightened by a natural solar light, giving life to plants and above that to the parking lots. Concrete walls on the buildings facade are being well decorated by floral games and native, large-leaved "Yarumo" trees.

The Parks do act like an educational force as well. They show with respect the different plants, which have been forgotten by the inhabitants of Bogotá. Also influencing directly in life of the users as something necessary for the development of our society and important for the healthy life of the individuals, in a psychological and physiological way.

It tries to integrate the landscape with the inside of the building. Great windows provide the necessary natural light for the library but also give a pleasant and relaxing view. A main

Общественное пространство библиотеки Хулио Марио Санто-Доминго /

**ландшафтный дизайн и
проект общественного
пространства**

Диана Визнер Сибаллос /
**Landscape and Public
Space Design**
Diana Wiesner Ceballos

архитектурный проект

Даниэль Бермудез /
Architect Design
Daniel Bermudez

Библиотека Санто-Доминго и ее огромный вклад в развитие общественных пространств приносит неоценимую пользу населению северных районов Усакен и Суба города Боготы. Это скорее культурный центр, в котором проходят различные образовательные и междисциплинарные мероприятия. В нем расположены специальные комнаты для взрослых и детей, выставочные залы, театр с большим залом на 1 250 мест и малым залом на 300 зрителей.

Культурный центр находится в общественном парке площадью 55 тыс. кв. м, который поддерживает дух библиотеки, стремление человека к знаниям. Возвращаясь в естественную среду, человек ощущает, как с ростом знаний растет и уважение к окружающей среде. К зеленым насаждениям здесь относятся бережно, но в то же время существует необходимость в общем экологическом восстановлении территории. Воссозданы общественные пространства, где наряду с другими посажены местные виды растений, играющие важную роль в водоемах и жизни зверей, насекомых и птиц (например, некоторые виды колибри все еще встречаются неподалеку от библиотеки, в районе горы

Конехера).

Библиотекой и парк тесно связаны друг с другом. Посетители культурного центра и библиотеки могут передохнуть, прогуляться на свежем воздухе или просто насладиться живописным видом не выходя из здания. Окружающий ландшафт плавно перетекает внутрь здания не только на верхних уровнях, но также в подземном парковочном пространстве. Украшением для бетонных стен фасада служат растительные элементы и местное дерево ярумо с крупными листьями.

Парк также выполняет образовательную функцию. Здесь заботливо высажены различные виды растений, о существовании которых жители Боготы уже давно позабыли. Такие парки крайне необходимы для развития общества и здорового образа жизни, как в психологическом, так и в физиологическом смысле.

Предпринята попытка интеграции ландшафта в интерьер здания. Из больших окон, хорошо пропускающих естественный свет, открывается приятный умиротворяющий вид. Парк отделяет здание библиотеки от проходящей мимо автомобильной магистрали. Библиотека не подвергается прямому воздействию магистрали, поскольку акустически и визуально защищена растениями и другими элементами парка.

Интересно разделение парка на участки при помощи цветных травяных ковров или водонепроницаемых поверхностей из таких видов вторсырья, как кирпичная крошка или древесная кора, которые обычно не используются в общественных пространствах Боготы.

Находясь на территории Боготы, где общественные и зеленые пространства очень ограничены, парк функционирует как независимая зона для любых социальных или индивидуальных видов деятельности. Здесь можно проводить исследования, читать, отдыхать, дышать свежим воздухом. Культурный центр, расположенный на 170-й улице, предназначен для людей с разным социально-экономическим статусом и обслуживает такие образовательные учреждения, как детские сады, школы и университеты. Они объединяют 18 % населения Боготы и теперь имеют возможность пользоваться помещениями центра.

car way passes right in front of the building but in-between, there is the park. The library is not directly facing the way, because it's being acoustically and visually buffered through the Park elements and plants.

An outstanding element is the division of the park in areas and rooms structured by coloured plant carpets or permeable surfaces of recycled materials such as crushed brick or tree cortex that are normally not used in public spaces in Bogota.

Exploring, sitting, reading or just for taking a breath the Park functions as an independent room for all kind of social and individual activities, in an area of Bogotá with limited public and green spaces. The cultural centre, placed in the 170's street is home for people with all kinds of socio-economic backgrounds and includes different educational institutes such as kindergartens, schools and Universities. These represent the 18% of school-aged population in Bogotá and now have the possibility to share this common space.

Julio Mario Santodomingo Library's Public Space

текст

Мерон Кирк /
text
Mehron Kirk

фото

BDPv Baldock town centre /
Центр города Бэлдока**Creating places for people**

The design of places has a huge impact on the success of urban areas. It has a role in helping develop a vision and identity within the built environment. It also helps to achieve a range of environmental, social, and economic goals which have been increasingly recognised in recent times.

Designing public spaces must be centred around the place - its physical characteristics, activities that happen within it, and the emotional reaction of a place. As such, places are not simply created. The fabric may be designed and built, but it is the way that people interact with a place that is the true indicator of success.

The principle task of an urban designer – through centuries – has been creating a sense of place by helping discover, define, determine and develop the identity of the place. The uniqueness and authenticity of places is being lost, flattened by the steamroller of an international culture.

When working on long-term projects, the public realm plays an important role as a constant factor, which visually binds together the buildings that are gradually realised during the long term process. Easy access to good quality open space should be something everyone can enjoy. It can be natural or man made, a small garden or a local park, but the role it plays in the success of our urban environments should not be underestimated.

Open space, wherever possible free from the constraints of vehicles, provides the right environment in which to encourage healthier forms of living. If the spaces are inviting and safe, children can play and have fun, people will be happy to take a stroll, others will cycle, and naturally, they will become places where people choose to meet friends and socialise.

Successful places can be the result of happy coincidence but are more usually the result of careful planning, imaginative thinking and good design. Landscapes must support

Как создать пространства для людей / Creating places for people

Проектирование пространств оказывает большое влияние на успешное функционирование тех или иных городских территорий, помогает создавать их неповторимый образ, а также способствует достижению целого ряда актуальных экологических, социальных и экономических задач.

При проектировании общественных пространств в центре внимания должны быть особенности самого места: его физические характеристики, связанные с ним виды деятельности, его эмоциональное воздействие. Итак, создание пространств – задача не из легких. Можно спроектировать и построить оболочку, но успех решения всегда будет зависеть от того, как люди взаимодействуют с данным пространством.

На протяжении веков градостроители стремились к созданию особого чувства места, стараясь открыть, определить и развить его неповторимость.

В рамках долгосрочных проектов общественная зона играет роль постоянно действующего фактора, который зрительно связывает вместе здания, появляющиеся во время этого длительного процесса. Свободный доступ к качественному открытому пространству должен быть у всех. Это может быть естественное или искусственное пространство, в виде небольшого сада или парка, но роль, которую оно играет в городской среде, нельзя недооценивать.

Открытое пространство, по возможности свободное от транспорта, создает правильную среду, благотворно влияющую на образ жизни людей. Если пространства привлекательны и безопасны, дети здесь могут играть и веселиться, взрослые – прогуливаться или кататься на велосипеде. Люди будут приходить в такие места, чтобы встречаться с друзьями и общаться.

Успех в создании общественных пространств может быть результатом счастливого совпадения, но в большинстве случаев он достигается при помощи тщательного планирования, творческого мышления и качественного проекта. Множество функций, связанных с отдыхом, можно решить благодаря ландшафту. Однако привлекательными должны быть и места, предназна-

many leisure functions but must also be places that are inviting and attractive to be in and support a range of activities, be they planned or spontaneous.

The starting point for all projects is to consider the potential of the area and the role it will play in creating a successful and attractive location for those to live, work, learn and play. People prefer to spend time in places they find attractive and distinctive. Investment in long term quality spaces rather than short term expedients will help to reinforce the status and identity of a local community.

Mayfair and Belgravia

The Estates of Mayfair and Belgravia are two of the finest locations in London. Steeped in history and carefully planned and managed over the centuries by Grosvenor, they continue to attract high accolades for their architectural beauty and rich heritage.

A key challenge the Estates face is their domination by traffic and its associated clutter and infrastructure. The

Grosvenor's association aims to retain and enhance the area's reputation as a place that sets new standards for urban life through high quality public realm.

BDP has now designed and implemented a series of high quality public realms in a number of streets and spaces within Mayfair and Belgravia working with Grosvenor Estates and Westminster City Council. All of these schemes undertook stakeholder engagement throughout the design, implementation and monitoring process with representation of access groups, community associations, local retailers and local business groups.

Derry city centre – a city steeped in history

Nestled on the River Foyle, Derry is the second largest city in Northern Ireland. It is the only completely intact walled city in Ireland and one of the finest examples in Europe with a wealth of listed buildings. The challenge was how to enhance the unique identity and at the same time try to find a balance between the requirements of today's modern

v Carlos Place London /
Площадь Карлоса в
Лондоне

ченные для различных видов деятельности, как запланированных, так и нет.

Проектирование необходимо начинать с изучения потенциала территории и ее роли в создании благоприятного пространства для тех, кто здесь живет, работает, учится или отдыхает, ведь люди предпочитают проводить время в местах, привлекающих своей оригинальностью. По сравнению с краткосрочными мерами, инвестирование в долгосрочные проекты качественных пространств будет способствовать усилению статуса местного сообщества и его самоопределению.

Мэйфейр и Белгравия

Мэйфейр и Белгравия – самые привлекательные районы Лондона. В течение нескольких столетий они подвергались тщательному планированию и управлению под покровительством династии Гросвенор. Красота местной архитектуры и богатое культурное наследие высоко ценятся и по сей день.

Главная проблема этих районов – доминирующая роль транспорта, связанная с ним инфраструктура и беспорядочное скопление автомобилей. Ассоциация «Гросвенор» стремится сохранить и улучшить репутацию района, задающего новые стандарты городской жизни при помощи общественного пространства высокого качества.

Целая серия таких общественных пространств уже спроектирована и реализована компанией BDP для различных улиц и участков Мэйфейра и Белгравии в сотрудничестве с ассоциацией «Гросвенор Эстейтс» и городским советом Вестминстера. В рамках проектов на всех стадиях процесса, включая проектирование, реализацию и контроль, гарантировалось участие заинтересованных лиц – представителей общественных объединений, местных предприятий розничной торговли и бизнес-групп.

Исторический город Дерри и его центр

Дерри, расположенный на реке Фойл, – второй по

society, coupled by setting the scene for Derry to be European City of Culture in 2012.

BDP was commissioned to design a series of interconnecting streets and spaces. The main spaces were Shipquay Square and Waterloo Place, which have a symbolic significance in Northern Ireland as landmarks during the troubled years.

We wanted to encourage pedestrian movement through the city centre, linking the streets and spaces. We also wanted to create a series of attractive and flexible spaces that would provide locations for planned and spontaneous events, designed in ways which would stand up to intense use.

The city now goes from strength to strength and since the scheme's completion in 2009 there has been a marked increase in footfall, retail occupation and a general heightened moral.

Baldock town centre – the transformation of an historic market town

Market towns have historically been the social and trading focal point for rural England. Their legacy of ancient streets and buildings is a fundamental part of the UK's national heritage. Unfortunately, as some of their traditional functions are eroded there is genuine concern about their future viability.

Baldock in Hertfordshire was no exception; years of highway engineering interventions had taken away the uniqueness of the town and hidden its architecture and spatial quality. It has one of the widest high streets in the UK, but this was lost to an abundance of car parking and the town lacked presence and soul.

BDP was commissioned to undertake the design; we first considered the existing usage and potential future usage. We undertook an extensive consultation process with the councils, stakeholders, businesses and the general public.

^ Derry / Дерри

v Derry city centre / Центр города Дерри

величине город в Северной Ирландии. Это единственный нетронутый город-крепость в Ирландии и один из лучших примеров европейских городов, сохранивших богатство исторических памятников. Перед архитекторами стояла непростая задача – обогатить уникальные черты города и в то же время оптимально соответствовать требованиям современного общества и условиям программы подготовки Дерри к титулу «Город европейской культуры – 2012».

Компания BDP получила заказ на проектирование серии взаимосвязанных улиц и пространств. Главными среди них были площади Шипкей и Ватерлоу, имевшие важное историческое значение для Северной Ирландии в годы потрясений.

В нашем проекте пешеходное движение проходит через центр города, соединяя улицы и пространства. Мы также хотели создать серию привлекательных и гибких пространств, которые можно легко приспособить под запланированные или стихийные мероприятия.

Город Дерри не перестает улучшаться. С тех пор как проект был завершен в 2009 году, отмечается значительный рост посещаемости, развитие розничной торговли и в целом улучшение нравственного поведения на этих территориях.

Центр города Бэлдок – трансформация исторического торгового города

В сельской Англии рыночные города исторически являлись центром социальной и торговой жизни. Давняя система построения улиц и зданий в них составляет неотъемлемую часть национального наследия Великобритании. К сожалению, с ослаблением традиционных функций торговых городов возникает вопрос об их будущей жизнеспособности.

Город Бэлдок в Хартфордшире не исключение. За годы активного дорожного строительства поблекла уникальность города и снизилось качество архитектуры и пространств. Одна из самых широких улиц Великобритании, проходящая через город, затерялась

Among the highlights of the scheme a new market place has been created in the heart of the High Street, this multi-functional space links to other new squares and shared spaces with improved pedestrian links. In addition new trees have been planted to reinforce those existing and add continuity for the entire length of the High Street adding seasonal change.

A new wave of urban streets

Streets are going through a state of change. The recession has meant that the "high street" needs to be repositioned in today's society. A singular retail environment is no longer enough to capture the minds of modern society, instead there needs to be variety. Streets need to be interesting places which provide an experience with leisure, learning and social activities mixed into a good variety of shops and businesses.

In London the Mayor announced a regeneration fund to improve and enhance our high streets. BDP has been involved in a number of these which have successfully been

awarded funding – these involve comprehensive public realm renewal which addresses the function, look and feel of our streets. In addition these renewal programmes look to encourage street markets, apprenticeship schemes for new businesses, training for shop keepers to improve their offer and improvements to the shop front and window displays along the street.

In Catford we are soon to commence work to transform a forgotten street into a high street with good access, circulation flows, and generous forecourts for shopkeepers and cafes to spill out onto. This is coupled with an ambition to grow a lively market which addresses the need of the locals.

In time we are sure that the face of urban environments will continue to change. What is important is to make sure spaces are understood and are of quality. The success of places is governed by the perception of those who use it; we can influence this as designers and continue to create places where people want to live, work, learn and play.

в обилии парковочных мест для автомобилей. Облик и дух города померкли.

Получив заказ на проектирование, компания BDP в первую очередь изучила существующее использование города и его потенциальные возможности. По этим вопросам проводились консультации с участием органов управления, заинтересованных лиц, представителей бизнес-структур и широкой общественности.

Одним из ключевых аспектов проекта было создание новой рыночной площади посередине главной улицы. Это многофункциональное пространство связано с другими площадями и общими пространствами при помощи усовершенствованных пешеходных дорожек. Кроме того, на всем протяжении главной улицы было увеличено количество зеленых насаждений, которые, меняя свой облик в разное время года, создают восхитительную картину.

Обновление городских улиц

Улицы находятся в состоянии изменения. В современном обществе возникла необходимость пересмотра понятия «главная улица». Современному обществу нужно разнообразие, ему недостаточно одной только розничной торговли. Улицы должны быть интересными, давать возможность для отдыха, учебы и социальной деятельности.

Мэр Лондона объявил об открытии фонда по восстановлению и улучшению состояния наших главных улиц. Компания BDP разработала проекты регенерации целого ряда улиц, которые получили финансирование. Идея заключалась во всестороннем обновлении общественных пространств, затрагивающем функции, облик и атмосферу наших улиц. Кроме того, программы обновления направлены на поддержку уличных рынков, обучение новым видам предпринимательства, повышение квалификации владельцев магазинов и усовершенствование фасадов и витрин магазинов, стоящих вдоль улицы.

В Кэтфорде мы скоро должны приступить к преобразованию заброшенной улицы в главную. Она будет

иметь хороший доступ, круговое движение и вместительные пространства перед магазинами и кафе для обслуживания клиентов не только внутри помещения, но и снаружи. Мы также стремимся к развитию здесь оживленного рынка, который бы удовлетворял потребности местного населения.

Конечно, с течением времени образ городской среды будет меняться. При этом очень важно создавать понятные и качественные пространства. Их эффективность зависит от того, как эти пространства воспринимаются теми, кто ими пользуется. Мы как проектировщики можем на это повлиять, создавая места, где люди хотели бы жить, работать, учиться и отдыхать.

v Elizabeth Street London
/ Улица Елизаветы в
Лондоне

text
Fabio Todeschini
David Dewar

1. Introduction

South Africa is a rapidly urbanizing country (60 per cent urbanised), characterised by high levels of poverty and unemployment. It is also grappling with reversing the spatial legacies of its apartheid past – sprawl, fragmentation and separation. In contexts such as this, qualitatively fine open space is not a ‘nice to have’ – most activities of life are carried out in public space. Despite this, there is no recent tradition of public space making.

Starkly, since 1994 with the transition to democracy, the operative paradigm informing settlement making in the ‘New South Africa’ has hardly changed from the modernist, mechanistic, reductionist and functionalist town planning conception which the apartheid ideology found so suited to its ends in the ‘Old South Africa’. A pivotal element of this perverse continuation of a general settlement-making practice, which is entirely at odds with the clearly stated social policy shift towards a democracy, is the reliance on a very questionable conceptualisation of

urban open space. This is particularly the case in relation to movement channels. Arguably, this is one of the most important forms of public space (making up some 20–25 per cent of urban areas).

A seminal distinction that has been lost is that between ‘road’ and ‘street’, which certainly prevailed in settlements before the advent of modernism. Spatially, this distinction is revealed in the following images, which reflect the devastating impact of thinking ‘road’.

2. Major Features of Open Space in South African Settlements for the Majority

A few images of typical townships and new suburbs for the predominantly poor illustrate the qualitative nature of the problem.

3. Street Versus Road

As long ago as the Renaissance period (broadly, the 15th century), channels of movement were consciously categorised into two types; those which interconnected set-

Улицы как необходимое условие для открытого пространства. Современный опыт южноафриканских городов и необходимость сдвига парадигмы /

текст
Фабио Тодесchini
Дэвид Девар

В Южной Африке стремительно идет процесс урбанизации (60% населения страны уже стало городским), которому сопутствует высокий уровень бедности и безработицы. Стране необходимо также решить унаследованную от апартеида проблему разрастания поселений и территориальной раздробленности. В этом контексте общественные пространства высокого качества не прихоть, а скорее крайняя необходимость, ведь именно они создают условия жизнедеятельности человека. Кроме того, в стране еще не сложилась традиция проектирования общественных пространств, отвечающих сегодняшнему дню.

После резкого перехода к демократии в 1994 году градостроительная парадигма «новой» Южной Африки почти не изменилась, сохранив черты модернизма, упрощенчества и функционализма, которые были удобны идеологии апартеида в «старой» Южной Африке. Ведущий элемент такой ошибочной политики градобразования основан на весьма спорной концепции открытого пространства города, которая полностью расходится с четко прописанным курсом социальной политики, направленным в сторону демократии. В частности, это касается городских путей передвижения. Пожалуй, это одна из важнейших форм общественного пространства, занимающая 20–25% городской территории.

Было утеряно основополагающее различие между дорогой и улицей, которое имело силу до прихода модернизма. В пространственном отношении это различие можно увидеть на иллюстрациях (рис. 1–7), показывающих разрушительное воздействие «дорожной» концепции. Несколько изображений типичных тауншипов и новых пригородов с преобладающим числом бедного населения иллюстрируют проблему качества открытого пространства.

Еще в XV веке в эпоху Возрождения пути передвижения были разделены на два типа: те, которые соединяли город с загородной территорией (дороги), и те, что проходили внутри самих городов (улицы). На самом деле корни этой типологии уходят вглубь истории на несколько тысячелетий, ко времени образова-

ния поселений в Африке и на Ближнем Востоке, в Китае и Индии.

Это основополагающее различие было отвергнуто в тридцатых годах прошлого века, когда многие отцы модернизма решили «убить улицу коридорного типа» и предложить новый, менее определенный в пространственном отношении механизм, чтобы организовать растущий транспортный поток, предоставив ему больше места и окружив зелеными насаждениями. В 1933 году Ле Карбюзье сказал: «Улицы – устаревшее понятие. Таких вещей уже не должно существовать; мы должны создать что-то взамен». Это «что-то» превратилось в специальные дороги, проходившие через парковую зону поселений.

Эта концепция целиком соответствовала модернистскому представлению о городе как об эффективной машине, состоящей из различных частей (жилье, работа, отдых, движение), функционально и пространственно разобщенных, чтобы не допустить «трения». Это также согласуется с модернистским идеалом «пригородов-садов», где особое внимание, ранее уделявшееся общественным пространствам, перешло к частным домам, отдельно стоящим на частных зеленых лужайках и похожим на городские типовые блок-секции.

Концепция современной магистрали на первый взгляд кажется американским изобретением. Однако свое начало она берет главным образом из ландшафтной архитектуры, а не гражданского проектирования. Первым характерным примером считается парковая дорога в нью-йоркском Бронксе, построенная в 1926 году. У проекта было множество задач: не только облегчить транспортное движение, но и доставить зрительное удовольствие, а также восстановить реку Бронкс и прибрежные земли. Вскоре за этим последовали другие примеры, созданные ландшафтными архитекторами и проектировщиками, включая систему парковых дорог Вестчестерского графства в штате Нью-Йорк (1923–1933) и парковую дорогу Блю Ридж в штатах Вирджиния и Северная Каролина.

Во время волны строительства скоростных авто-страд, поднявшейся после Второй мировой войны, в

tlements with the countryside (road), and those internal to the settlements themselves (streets). Indeed, this typology has deep historical roots which revert back to the earliest days of settlement formation, thousands of years ago, in Africa and the Near East, as well as in China and India.

This essential distinction was consciously subverted in the 1930s when many of the fathers of modernism sought to 'kill the corridor street' and promote some new, far greener, larger and less spatially defined mechanism to accommodate (increasingly vehicular) movement. Thus, Le Corbusier wrote in 1933, "Streets are an obsolete notion. There ought not to be such a thing as streets; we have to create something to replace them" (Le Corbusier, 1933). This "something" was specialist movement channels moving through parkland within settlements.

This concept was entirely consistent with the modernist notion of the city as an efficient machine, com-

prising individual parts (residing, working, recreating, moving), separated functionally and spatially to prevent 'friction'. It is also consistent with the modernist ideal of the 'garden suburb', with the historical emphasis on public space being replaced by individual buildings free-standing in private green space as the basic building blocks of urban settlements.

The concept of the modern highway was, in the first instance, an American invention. Significantly, however, its origins lay in landscape architecture, not civil engineering. The first notable example was the attractive Bronx City Parkway in New York (completed in 1926). The purposes of the project were multiple; certainly to achieve the transportation objective of facilitating traffic movement but also to provide a gratifying visual experience and to rehabilitate the Bronx River and riparian lands (McHarg, 1996:103). Other examples undertaken by landscape architects and planners, which followed

The Street as Pre-requisite Open Space

Current South African Settlement Practice and the Need for a Paradigm Shift

< Figures 1–3. Aerial views of Mitchells Plain and Kayelitsha, Cape Town, South Africa / Рис. 1–3. Аэроснимки равнины Митчелла и района Хайелитша, Кейптаун (ЮАР)

США ощущалась нехватка ландшафтных архитекторов (в стране было мало практикующих специалистов), в связи с чем эта должность все чаще замещалась инженерами-дорожниками – лидерами данной отрасли. Когда наступил период упрощенчества, «парковая» составляющая постепенно исчезла из концепции «городского движения в парковой зоне» (в основном по причине капитальных и эксплуатационных затрат), и на ее место пришла политика, продиктованная инже-

нерами, которая проявлялась, например, в расширении придорожных зон. Более того, этот настрой специалистов на создание «дорог» все больше сказывался не только на важнейших протяженных транспортных путях, но и на всех уровнях, включая местные полосы отвода. Согласно этой политике, здания теперь отодвинуты за пределы улицы и отделены от нее заборами или стенами, обозначающими кадастровые границы.

В условиях понятийной нечеткости необходимо

soon afterwards, included the creation of the Westchester County (New York) Parkway System (1923-1933) and the Blue Ridge Parkway in Virginia and North Carolina.

In the spate of freeway building following the Second World War, the capacity of the landscape architectural profession in the USA (there were few practitioners in the country) was exhausted (McHarg, 1996) and increasingly the landscape architect was replaced by the highway engineer as the champion of the freeway movement. With the period of reductionism that followed, the 'parkland' dimension of this idea of 'urban movement in parkland' gradually disappeared (often for reasons of capital or maintenance cost) and was replaced by engineering dictates, such as the provision of extensive road reserves. Moreover, this mindset of specialist 'roads' increasingly applied not only to lengthy, more important movement channels, but to all scales of movement, right down to the local right-of-way. In terms of this model, buildings

are set back from street frontages with fences and/or walls demarcating cadastral boundaries.

Given this conceptual blurring, it is necessary to re-define this essential distinction between 'street' and 'road'. In essence, the distinction lies in the concept of multi-functionality. In the case of streets, the movement channels are in the first instance seen as public spaces that need to accommodate a variety of human activities, of which movement is one. Functionally, the role of the street is inextricably intertwined with the activities that flank it, and the primary role of the structures which accommodate those activities is to give definition and enclosure to the public space. Clearly, therefore, different streets have different functions and different emphases of functions (for example, ranging from an emphasis on movement on important arterials to an emphasis on social and play space in the case of very local streets) and they need to be designed accordingly. As stated, as a

^ Figure 4. Kayelitsha, Cape Town, South Africa / Рис. 4. Хайелитша, Кейптаун (ЮАР)

> Figures 5–6. Delft, Cape Town, South Africa. Examples of the inhospitable and highly inconvenient urban space in which many urban poor live / Рис. 5–6. Дельфт, Кейптаун (ЮАР). Примеры негостеприимного и крайне некомфортного городского пространства, в котором живут многочисленные представители бедного населения

заново определить, в чем состоит принципиальное различие между «улицей» и «дорогой». В основе его лежит идея многофункциональности. Что касается улиц, здесь пути передвижения в первую очередь рассматриваются как общественные пространства, предназначенные для различных видов деятельности человека, один из которых – движение. С точки зрения функциональности, роль улицы неразрывно связана с той деятельностью, которая осуществляется у границ этой улицы, а сооружения, предназначенные для этой деятельности, должны в первую очередь определять и огораживать данное общественное пространство. Очевидно, что разные улицы имеют разные функции и функциональные акценты (например, начиная с акцента на движении на главных городских артериях и заканчивая акцентом на социальной и игровой функции внутренних улиц). Все это должно учитываться при проектировании улиц. При этом главный принцип гласит: чем больше интенсивность деятельности и разнообразие ее видов в пределах одной улицы, тем

сложнее должен быть профиль этой улицы.

«Дороги» же главным образом монофункциональны. Это каналы, специально предназначенные для транспортного движения, и их эффективность измеряется в большей степени с точки зрения безопасности и инженерных показателей, нежели социальных и экологических критериев. Акцент делается на оптимальном решении единственной задачи – движения.

Одновременно с упрощением значения улицы до значения дороги происходила замена пространства общественного на парковочное. Все больше общественных пространств специально создаются для размещения транспортных средств, в отличие от многофункциональных общественных мест, где парковка возможна только в определенные часы. Например, ориентированные на внутреннее пространство торговые центры – храмы современности – стоят в окружении огромного количества машин. Такие места, переполненные автомобилями или пустующие, имеют крайне негативные последствия для окружающей среды. Зачастую их можно сравнить с опасными и неприятными мусорными свалками.

Во всем мире все больше специалистов приходят к выводу, что для улучшения качества пространств и социальной политики в городах необходимо вернуться к проектированию улиц и общественных пространств, противопоставив их дорогам и парковочным местам (например, Shane, 1972 и 1982; Appleyard, 1981; Rapoport, 1983, 1990 и 1993; Anderson, 1986; Trancik, 1986; Moudon-Vernez, 1987; Gehl, 1987; Moughtin, 1991 и 1992; Jacobs, 1993; McHarg, 1996, а также Gehl и Gemzoe, 2001). Воплощая эту идею, важно осознавать, что идеальные условия для отдельно взятого вида деятельности создать невозможно, однако целостный подход может достичь большего успеха. Главной градостроительной задачей считается оптимизация функционирования города в целом, а не отдельных его частей. Такая оптимизация в условиях совмещения и выбора нужных элементов является отличительной чертой всех успешно функционирующих городов. При этом нельзя отрицать важность проработки профес-

general principle, the greater the intensity of activity, and the greater the range of activity to be accommodated within the street, the more complex the cross-section of the street needs to be.

'Roads', on the other hand, are essentially uni-functional. They are specialist channels of movement, particularly for vehicular movement, and their efficacy is judged largely in terms of engineering efficiency and safety, as opposed to social or environmental criteria ; the emphasis is upon maximizing the single purpose of movement.

Concomitant with the reductionism of 'street' to 'road' has been the equivalent replacement of 'public square' with 'parking lot'. Increasingly, public spaces are specifically designed as places of storage for vehicles, as opposed to multi-functional social spaces which can also accommodate parking at particular times; introverted or inwardly orientated shopping malls –the modern cathe-

drals – for example, stand surrounded in a sea of cars. The environmental consequences of these spaces, both when they are filled with vehicles and when they are empty are extremely negative. They are often little more than dangerous and unpleasant dumping grounds for rubbish.

It is being increasingly recognized internationally that significant improvements to the spatial quality and social performance of urban settlements demand a return to the design of streets and public spaces as opposed to roads and parking lots (for example: Shane, 1972 and 1982; Appleyard, 1981; Rapoport, 1983, 1990 and 1993; Anderson, 1986; Trancik, 1986; Moudon-Vernez, 1987; Gehl, 1987; Moughtin, 1991 and 1992; Jacobs, 1993; McHarg, 1996, and Gehl and Gemzoe, 2001). In this endeavour, it is important to recognize that no one activity will be accommodated ideally; the whole, however, will perform better. The central urban issue is about opti-

сиональных, специфических или «технических» вопросов (например, касающихся безопасности транспортных средств и т. д.). Они должны быть включены в проектирование, но в более широких рамках. Ведь зачастую для улучшения общей ситуации требуется разумный компромисс.

Открытое пространство нельзя рассматривать как самоцель. Это всего лишь один, хотя и очень важный элемент общественной структуры города (главные составляющие общественной структуры – это зеленые пространства, движение, общественные пространства, социальные учреждения, коммунальные и аварийно-спасательные службы) (рис. 8). Таким образом, городское открытое пространство практически не может иметь внутренние правила или предписания, которые бы по важности превосходили общегородские требования. Скорее эти требования должны быть ориентиром для открытого пространства. Главная задача заключается в определении его потенциальной роли в рамках общей реструктуризации южноафриканских городов. Необходимо создать благоприятные условия для развития улицы как многофункционального пространства, особенно в контексте стремительной урбанизации. Для этого в городском планировании должен произойти сдвиг парадигмы, поскольку понятие «дорога» все еще часто заменяет понятие «улица».

Итак, можно сделать следующие выводы. Открытое пространство не должно рассматриваться как самоцель. Это всего лишь один, хотя и очень важный, элемент общественной структуры города. Поэтому городское открытое пространство не может иметь внутренние правила или предписания, которые бы по важности превосходили общегородские требования. Именно общегородские требования должны ориентировать открытое пространство на более урбанистическую модель. Важно определить потенциальную роль разных типов открытого пространства в рамках общей реструктуризации южноафриканских городов, нацеленной на принципы справедливости и эффективности, а также на поддержку тактики выживания неимущего большинства населения. Улица – это многофунк-

mising the performance of settlements as wholes, not maximizing the performance of any one part. This quality of optimisation in conditions of mix and choice is a hallmark of all positively performing urban settlements. This recognition does not negate or deny the importance of professionally specific or 'technical' insights (such as technical issues affecting vehicular safety and so on). These need to be incorporated into design but within a broader framework; it must be recognized that often intelligent compromises are equired to improve overall performance.

4. Conclusion

Open space cannot be viewed as an end in itself. It is merely one, albeit a very important, element of the public structure of urban settlements (the major elements of public structure are green space, movement, public urban space, social institutions, utility services and emergency services) (Figure 8). Urban open space, therefore, by defi-

inition cannot have internal rules or dicta that take precedence over the requirements of the urban whole ; rather, open space must take its direction from the imperatives of the urban totality. The central issue is identifying its potential role within the broader imperative of restructuring South African urban settlements. The street as a multi-functional space needs to be promoted, particularly in rapidly urbanising contexts. This requires a paradigm shift in planning, since thinking 'road' rather than 'street' is the norm.

Key Concluding Point

- Open space cannot be viewed as an end in itself.
- It is merely one, albeit a very important, element of the public structure of urban settlements.
- Urban open space, therefore, cannot have internal rules or dicta which take precedence over the requirements of the urban whole.

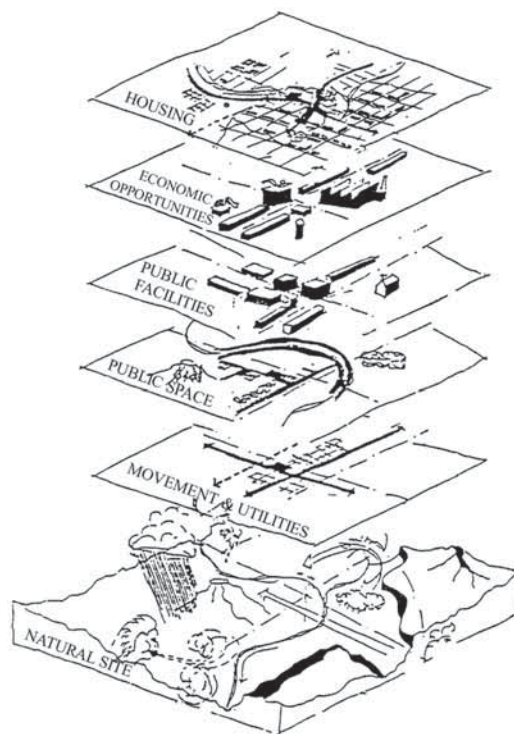

· Rather, open space must take its direction from the imperatives of the urban totality, bent towards a more urban model.

· The central issue is identifying the potential role of open space typologies within the broader imperative of restructuring South African urban settlements to be more equitable, efficient and accommodating of survival tactics on the part of the poor majority.

· Particularly in rapidly urbanising contexts, the street as a multi-functional space needs to be promoted as part of a 'family' of open space typologies. This requires a paradigm shift in South African settlement planning.

· Think 'street' not 'road' as part of urban open space as people space. Far too many roads, predominantly for the movement and parking of vehicles, are currently being built. Even in local neighbourhoods what is generally constructed are roads for machines and not streets for people.

< Figure 8. Layers of urban spatial structure. Open space typically emerges from dictates of the 'Natural Site' layer, on the one hand, and from being part of the two other layers of 'Movement' and 'Public Space'. Open space works in association with numerous other elements and 'layers' of public structure and private responses (Dewar and Todeschini, 2004) / Рис. 8. Слои городской пространственной структуры. Возникновение открытого пространства обычно продиктовано, с одной стороны, слоем «природная зона», а с другой – слоями «движение» и «общественное пространство». Открытое пространство функционирует в тесной связи со множеством других элементов и «слоев» общественной структуры и частных образований

циональное пространство, особенно в контексте стремительной урбанизации. Чтобы способствовать развитию этого пространства, рассматривая его как члена «семьи» в типологии открытого пространства, необходим сдвиг парадигмы в городском планировании ЮАР.

Имея дело с открытым пространством как с частью общественного пространства, необходимо оперировать понятием «улица», а не «дорога». В настоящее время строится слишком много дорог, в первую очередь предназначенных для движения и парковки транспортных средств. Даже внутри микрорайонов чаще создаются дороги для машин, а не улицы для людей.

Литература

Anderson, S. (ed) (1986) *On Streets*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Appleyard, D., Gerson, S. and Lintell, M. (c1981) *Livable Streets*. Berkeley: University of California Press.

Dewar, D. and Todeschini, F. (2004) *Rethinking Urban Transport After Modernism - Lessons from South Africa*. London: Ashgate Publishers.

Gehl, J. (1987) *Life Between Buildings: Using Public Space*, trans. Jo Koch. New York: Van Nostrand Reinhold.

Gehl, J. and Gemzoe, L. (2001) *New City Spaces*. Copenhagen: Arkitektens Forlag.

Jacobs, A. (1993) *Great Streets*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

Le Corbusier (1933) *The Radiant City*. New York: The Orion Press.

McHarg, I. (1996) *A Quest for Life: An Autobiography*. New York: John Wiley and Sons.

Moudon-Vernez, A. (1987) *Public Streets for Public Use*. New York: Van Nostrand Reinhold.

Moughtin, C. (1991) 'The European city street, part 1:

Paths and places, and 'The European city street, part 2: Relating form and function', in *Town Planning Review*, 62(1), pp.153-199

Moughtin, C. (1992) *Urban Design: Street and Square*. Oxford: Butterworth Architecture.

Rapoport, A. (1983) 'Environmental quality, metropolitan areas and traditional settlements', in *Habitat International*, 7(3/4), 37-63.

Rapoport, A. (c1990) *History and Precedent in Environmental Design*. New York: Plenum Press.

Rapoport, A. (c1993) *Cross-cultural studies and urban form*, College Park, Md: Urban Studies and Planning Program, University of Maryland.

Shane, G. (1972) 'The revival of the street: Birth and decline from the Renaissance to today', in *Lotus International*, 24.

Shane, G. (1982) 'The street in the twentieth century: Three conferences; London (1910); Athens (1933); Hoddeston (1953)', in *Cornell Journal of Architecture*, (2), pp.20-41.

Trancik, R. (1986) *Finding Lost Space: Theories of Urban Design*. New York: Van Nostrand Reinhold.

< Figure 7. Low-density sprawl and the lack of spatial definition of public space in a small town of the Orange Free State, South Africa / Рис. 7. Разрастание города с низкой плотностью населения и отсутствие четкого определения общественного пространства в небольшом городке Оранжевого Свободного Государства (ЮАР)

text
Christian Piel

текст
Кристиан Пиль

v Residence Carnot – view of the feeder and the natural filtering basin permanent water / Жилой район Карног. Вид питающего канала и естественного фильтрационного бассейна

WATER AS A NATURE FACTOR IN URBAN ENVIRONMENT, MOREOVER AS A NATURE PROCESS SUPPORT.

Water as a factor of nature.

Nature in the city is an expectation of the local people, an environmental necessity, a stake and a key issue for the different actors of urban planning. It is also an actual fashionable thematic.

As a result, projects appear where the green cover the plans, where vegetation spreads on new architectures. Ensues the English expression urban "green washing". Vegetation is treated as a set, a symbolization of nature rather than a reality. Artificially maintained, this nature needs an expensive maintenance and shows a limited environmental impact.

Rainwater is an opportunity for us to bring nature into the city in a more relevant, comprehensive, global and sustainable way.

The water as a nature process support.

The three following projects illustrate each in their own

way the potential reintroduction of the water cycle into the city, the initiation of natural processes and not artificial facts.

An environmental and landscape tool, for biodiversity, for fighting against urban heat Island (UHI) effect, for a global improvement of the quality of life.

During the twentieth century, rainwater was put aside from the urban landscape. Today, with the alternative techniques of storage, depollution, recycling, both the urban planner and the landscape designer can regain control on the issue of flooding control. The open-air water paths across the city can support blue and green frames, along which can take place temporary retention devices, ranging from the lawn to the pond, passing through the wetland. Devices potentially integrating depollution techniques by phytoremediation. These techniques also being landscape factors. The whole effect can be boosted by the reuse of rainwaters to feed the plants, mixing water conservation techniques in substrates and

Дождевая вода как инструмент развития и сохранения городской природной среды

Использование воды для поддержания естественных процессов городской среды на примере трех проектов /

Вода как природный фактор

Природа в городе – это потребность местного населения, экологическая необходимость и важнейший аспект, на который делают ставки все, кто участвует в городском планировании. На сегодняшний день это очень актуальная и модная тема.

В результате появляются проекты, где городская территория сплошь покрыта зелеными насаждениями, которые охватывают и новую архитектуру. Отсюда английское выражение: «зеленое отмывание» (green washing) города. Озеленение рассматривается скорее как тенденция, символ экологии, нежели реальность. Искусственно поддерживаемая природа требует дорогостоящего ухода и имеет очень ограниченный экологический эффект.

Применение дождевой воды – это более подходящий способ устойчивого развития природных компонентов городской среды.

Вода как поддерживающая сила естественных процессов

Три приведенных ниже проекта по-своему иллюстрируют повторное введение водного цикла в город и запуск естественных, но не искусственных процессов.

Дождевая вода – экологический и ландшафтный инструмент, необходимый для биологического разнообразия, глобального улучшения качества жизни и борьбы с воздействием «городского острова тепла».

На протяжении XX века дождевая вода не учитывалась в создании городского ландшафта. Сегодня, имея на вооружении альтернативные технологии хранения, повторной переработки, а также устранения загрязнения окружающей среды, градостроитель и ландшафтный архитектор могут легко контролировать противопаводковую защиту. Открытые водные пути, проходящие через город, могут дать основу его голубому и зеленому каркасу, вдоль которого будут располагаться временные влагозадерживающие устройства, охватывающая зону от лужаек до прудов и проходящая по заболоченной территории. Технологии, устраняющие загрязнения окружающей среды, могут быть интегрированы в

agronomy. Finally, the use of additional raw water (pool water, mine water ...) gives the possibility of a resource even in times of high water stress, and to maintain vigorous vegetation during heat waves. Thus development and planning engineers have tools to integrate into the city, a real support biodiversity. That support, maintaining a presence of water and vegetation during warm climate, participates significantly in reducing the heat islands phenomena in dense urban areas.

A structural, financial and legal tool to implement these natural processes in urban environment.

As seen above, alternative techniques developed for controlling rainwater can be used as well to serve the urban renaturation (restoring nature). There is here a transfer of skills in the mastery of rainwater from the sanitation field to the urban planning field. This transfer of skills shows three major advantages:

– A structural tool: Sustainable management of water involves drawing the runoff flow network depending on

the topography, geology, and hydrogeology. Geography becomes again a structural factor of the city. Risk prevention can prioritize this natural urban frame on a more artificial frame.

– A financial tool: The control of rainwater is a field benefiting from an important financial back up, higher than the landscape's. The fact of giving landscape development a sanitation function allows transferring it the proper and consequent funding. And so the mastery of rainwater is an important and effective means of financing nature in the city.

– A legal tool: In France, and more and more over the world, the water act requires from developers to design and present a scheme of rainwater management before the start of their operation. This procedure allows designers on the one hand to integrate water as a factor of landscape from the very beginning of their project, and on the other hand, to impose later this scheme to the various stakeholders (research department office infra ,

v Residence Carnot – view paths rainwater from upstream to downstream / Жилой район Карнот. Вид наклонных дорожек для дождевой воды

Rainwater, a tool for development and maintenance of nature in the city –

Three development projects illustrating the water as a support of natural processes in urban environment

процесс фиторекультивации. Эти технологии также являются факторами формирования ландшафта. Всеобщий эффект достигается путем повторного использования дождевой воды для полива растений, применяя комплекс методов экономного использования воды для субстратов и земледелия в целом. И наконец, использование дополнительной необработанной воды (вода из водоемов, шахт и т.д.) может служить источником даже во времена большого дефицита воды и способствовать сохранению зеленого фонда в период необычайно жаркой погоды. Таким образом, проектировщики и планировщики могут обеспечить городскую среду поддерживающим биоразнообразием. Благодаря такой поддержке, которая способствует сохранению воды и растительности в теплое время года, значительно уменьшается зона «тепловых островов» в густонаселенных городских районах.

Дождевая вода – конструктивный, финансовый и юридический инструмент реализации природных процессов в городской среде.

Очевидно, альтернативные технологии контроля дождевой воды могут также использоваться для городской ренатации (восстановления природы в городе). При этом в процессе управления дождевой водой происходит передача опыта от санитарной сферы к сфере городского планирования. Такой обмен опытом имеет три главных преимущества:

– Конструктивный инструмент. Устойчивое управление водой подразумевает создание водоотводящей сети, основанной на топографии, геологии и гидрогеологии. География снова становится для города конструктивным фактором. Необходимость предотвращения рисков может обеспечить приоритет природного каркаса города над искусственным каркасом.

– Финансовый инструмент. Для осуществления контроля над дождевой водой финансовая поддержка считается важнее, чем ландшафтные условия. Когда благоустройство ландшафта наделяется санитарной функцией, появляется возможность обеспечить его надлежащим и планомерным финансированием. Управление дождевой водой является важным и эффективным

v Residence Carnot – view paths rainwater from upstream to downstream / Жилой район Карнот. Вид наклонных дорожек для дождевой воды

v Residence Carnot – Basin water, place of centrality – hydraulic and social – of the neighborhood / Жилой район Карнот. Бассейн с водой – социальный центр района

promoters, etc ...) whom otherwise might tend to more traditional practices.

Thus, the water act must be considered as tools for landscape, not as barriers to conception.

The three projects presented below illustrate how rainwater can be an major tool for the integration of real-nature in the city.

THREE PROJECTS SHOWING THREE EXPRESSIONS OF NATURAL PROCESS WATER SERVING THE CITY

Carnot Residence – Ivry-sur-Seine (France)
A blue frame build up with an open-air network of collection, transportation, storage and water recycling, supporting a green frame, all this in a dense social housing residence.

Within the framework of a housing development project composed of 71 collective buildings and 20 town-houses (client Efidis, firm of architects Cenci Jacquot), the firm Composante Urbaine assured the project man-

agement for landscaping, for the roads and utilities, and integrating the management and control of rainwater. All this, in respect of the environmental commitments imposed by the double certification Qualitel and Housing and Environment.

The project centers around a path leading to a small central square. This square receiving a pool of permanent water, towards which converge the different water flow paths (dry rivers, gutters) and the green frame that comes with it. This green network abundantly planted, gives the site already very dense, an airy and green character, a logical structure, and a variety of environmental atmospheres.

Concerning the water developments, filtration devices through plants of the streaming waters, re-use of roof waters, and visible and accessible storages have been implemented. Watering has been removed in favor of a direct supply of green spaces by rainwater: waterproofed areas dipping into planted strips retentive substrates for

средством финансирования природной составляющей города.

– Юридический инструмент. Во Франции и уже во многих странах мира Закон о воде требует от застройщика разработать и представить проект управления дождевой водой. Эта процедура позволяет проектировщикам, с одной стороны, присоединять воду как ландшафтный фактор уже в самом начале проекта, а с другой стороны – знакомить с этим проектом различных участников процесса (исследовательские отделы, заказчиков, застройщиков и т. д.), которые, как правило, предпочитают более традиционную практику.

Таким образом, Закон о воде должен рассматриваться как инструмент для развития ландшафта, а не как препятствие. Три проекта, приведенных ниже, показывают, как дождевая вода может выступать главным инструментом интеграции природы в городскую среду.

Три проекта, показывающих три способа использования естественных водных процессов в городе

Жилой район Карнот – Иври-сюр-Сен (Франция)
Голубой каркас с открытой сетью сбора, транспортировки, хранения и переработки воды, поддерживающий зеленый каркас. Оба каркаса находятся в густонаселенном районе социального жилья.

В рамках проекта жилой застройки, состоящей из 71 многоквартирного дома и 20 таунхаусов (заказчик – Efidis, проект – архитектурная фирма Cenci Jacquot), компания Composante Urbaine выполняла проектирование ландшафта, дорог и инженерных коммуникаций, а также осуществляла управление использованием дождевой воды. Проектирование проводилось в соответствии с принципами экологической ответственности, продиктованными двойной сертификацией систем качества, жилищной и экологической сертификацией.

Проект сконцентрирован вокруг дорожки, ведущей к небольшой центральной площади. На площади имеется водоем, к которому стекаются различные водные потоки (высохшие речные русла, каналы). Всему этому сопутствует зеленый каркас. Обилие зеленых насаждений наполняет это место свежим воздухом и густыми зелеными красками, придает логичность его структуре и дарит разнообразие окружающей атмосферы.

С целью совершенствования водной системы была применена фильтрация проточной воды при помощи растений, повторное использование воды, стекающей с крыш зданий, а также организация доступных водохранилищ. Поливка водой зеленых пространств была заменена прямой поставкой дождевой воды: водостойкие участки были снабжены засаженными полосами влагоудерживающего субстрата. Они были выбраны благодаря своей устойчивости к дефициту воды.

Центральный водоем, к которому сходятся зеленый и голубой каркасы, служит основой для организации пространства и праздничных мероприятий.

Механизм управления водой определяет назначение всех общественных пространств жилого района, а также формирует его формальную структуру и основные ориентиры.

plants. They were selected for their hardiness and resistance to water stress.

The central pond of water, towards which the green and blue frames are converging, as appropriation supports of space and conviviality.

The device of water management thematizes all public areas of the residence. It also constitutes its formal structure and landmarks.

The superficial network of rainwater, supporting a green frame, converges to the water pool, and thus contributes to strengthen its central character, and its inherent functions of conviviality. This device visible, understandable, empathetic, structuring and singling the public space, promotes its ownership by the new population, and thus contributes to "live together".

The project is accompanied by a close and sustained cooperation: between project management, the different designers, between designers and companies, between the manager and the local people.

The removal of any underground network, multiple storages scattered on the site, the presence of a pool of water, the important place of nature, the vegetation type implemented, its maintenance, etc... all of these changes compared with the current practices needed multiplied exchanges, first to convince of its relevance, then to design its detail, measure the impacts, to validate its interest, and finally to ensure its handover to its residents.

These necessary exchanges must be planned and organized from the upstream phase of the project. They should focus on an agreed and accurately founded project to be supported by all.

As such, on one hand, we congratulate ourselves that nature in the city is a real expectation ...and on the other hand, that these techniques are proved to be less expensive than conventional devices.

A first experience of an entirely open-air device, gravitational, landscaped, with a permanent water recycled

v Residence Carnot – view paths rainwater from upstream to downstream / Жилой район Карно. Вид наклонных дорожек для дождевой воды

Поверхностная сеть дождевой воды, поддерживающая зеленый каркас, сходится к водоему, что способствует усилению его роли в качестве центра и места проведения праздничных мероприятий. Это очевидный, понятный, полезный метод организации и выделения общественного пространства, который привлекает в район новых жителей.

Проект основан на тесном и непрерывном сотрудничестве между руководителями проекта, проектировщиками, между проектировщиками и представителями компаний, между руководством и местными жителями.

Удаление подземной сети, множества складов, разбросанных по участку, сооружение водоема, внедрение определенных видов растительности и уход за ними и т. д. – все эти изменения требовали проведения большого числа переговоров, сначала для того, чтобы доказать важность проекта, затем чтобы проработать детали, оценить его воздействие и пользу, и, в конце концов, чтобы передать его местным жителям.

Эти необходимые переговоры должны быть запланированы и организованы еще на начальной стадии проекта. Проводя переговоры, важно стремиться к всеобщему одобрению и тщательному обоснованию проекта.

В связи с этим мы рады отметить, что, с одной стороны, природная составляющая города является предметом ожиданий и надежд. А с другой стороны, что примененные нами технологии оказались менее затратными, чем общепринятые методы.

Это первый опыт работы с открытым пространством, гравитацией и ландшафтом с применением водоема и системы оборотного водоснабжения в социальном жилом районе города с большой плотностью населения.

Менее чем в двух километрах от Парижа, в плотной городской сети, управление дождевой водой служит настоящим рычагом для превращения инертной минеральной среды в пространство, где преобладает растительность и интегрируются такие процессы, как инфильтрация, орошение, фильтрация, наполнение резервуара водой и озеленение. Здесь идет речь не о простом «озеленении», а о более масштабном процес-

pool in a residential social housing in a dense urban area.

Less than two kilometers from Paris, in a dense urban network, the rainwater management has been a real lever to transform an inert and mineral space into a predominantly vegetable space integrating processes including infiltration, irrigation, filtration, supply of a water basin, and vegetation. We are not talking here about "greening", but a broader process of restoring nature in a densely built area.

A model of management of public spaces responding to the financial requirements of social housing operators and providing a social landscaped environmental qualification landscape and above the standards for social development operations.

The feedback of this project, completed in 2009, confirms the validity of this approach, even in a constrained framework as the one of social housing in dense urban

environment with a high cost of land. Economical validity in the first place, because this project, with the savings made possible by the removal of the underground network, was able to increase the landscape envelope, while remaining within the financial limit of social housing operations.

On a second hand a landscape validity, since in addition to aesthetics aspects, it is indeed a project improving the urban environment, both in terms of biodiversity, and bioclimatic.

Parc des Guillaume - Noisy le Sec (France)

A 5 hectares of fallow urban land, transformed into a flooding urban park, revealing different landscapes of water, among which a vast reed bed.

As part of the development operation of 14 hectares, Composante Urbaine designed a 5 hectares park destined, among others, to receive rainwaters.

> Parc des Guillaume – hydraulically and landscaping scheme / Парк Гийом. Гидравлическая и ландшафтная схема

се восстановления природы на плотно застроенной территории.

Был выбран способ управления общественными пространствами, отвечающий финансовым требованиям программы социального жилищного строительства, создающий социальный ландшафт в соответствии с условиями окружающей среды и при этом превосходящий существующие стандарты общественного развития.

Отзывы об этом проекте, реализованном в 2009 году, подтверждают правильность выбранного нами подхода, не смотря на ограничения, связанные со строительством социального жилья в условиях плотной городской среды и высокой стоимости земли. На первое место ставилась экономическая обоснованность. Получив экономию в результате удаления подземной сети, этот проект смог улучшить природное пространство, не выходя за финансовые рамки программы социального жилищного строительства.

Во-вторых, с точки зрения ландшафта этот проект, дополняя эстетическую составляющую города, действительно улучшает городскую среду как в биоклиматическом отношении, так и в плане биоразнообразия.

Парк Гийом – Нуази-ле-Сек (Франция)

Пять гектаров залежной городской земли, превращенной в пойменный городской парк, где открываются разнообразные водные пейзажи, среди которых – обширные заросли тростника

Как часть программы застройки 14 гектаров, фирма Composante Urbaine разработала проект парка площадью 5 гектаров, который, кроме всего прочего, предназначен для приема дождевой воды.

Изначально это был заброшенный участок земли вдоль автомагистрали, куда собиралась вся избыточная вода с промышленных и торговых зон.

Региональные власти убедили муниципалитет превратить этот пустырь в большой городской парк. В

Originally, the site was a wasteland along a motorway, receiving the excess water from an industrial and shopping area.

Regional authorities have convinced the local authorities to transform this abandoned and wasted land into this vast urban park. The result is now of a park, 40% liable to flooding while registering a slope, ending with a half hectare reed bed.

With its environmental qualities, the park has been subsidized up to 70% (3, 5 m / 5 m euro).

The park is composed of three sections (central section opened in 2011, the northern section being opened in June 2013, southern section expected in 2014).

A green river and its reed bed, as the heart of the park.

The park evokes a river. Upstream, it is treated in dry conditions (presence of a mineral belvedere, rocks, stones, dried plants), the space becomes progressively more humid, until discovering at the lowest point a vast reed bed.

The minor river bed is represented by a dry river, made of black schist, accompanying the pedestrian footpath and forming large circles that collect, depollute and transport small rain waters. The main river bed is composed of meadows and the reed bed.

These ones contain excess water during high intensity rainfall.

The filling is made by the overflowing circles. The maximum height is 40 cm.

This green river in the park creates a long continuous central space allowing during dry weather period (95% of the time) different uses, such as walks, picnics, stops for reading, sports, games...

"Equipped" edges.

The "banks" surrounding the green river are used as buffer, filter, between the city and the green river. Abundantly planted, they create polarities and welcome uses such as playground, squares, family gardens, sports area, bowling...

v Parc des Guillaume – For the floodplain area from banks / Парк Гийом.

Пойменный участок вдоль берегов

v Parc des Guillaume – Representation of the reed bed (in progress - opening June 2013) / Парк Гийом.

Рисунок зарослей тростника (в процессе реализации, открытие в июне 2013 года)

результате получился парк, 40% которого занимает пойма. Она идет под уклоном и заканчивается зарослями тростника площадью в 0,5 гектара.

Благодаря своим благоприятным экологическим характеристикам, парк получил субсидии в размере до 70% (от 3,5 до 5 миллионов евро). Парк состоит из трех частей (центральная часть была открыта в 2011 году, северная часть открывается в июне 2013 года, а южная – в 2014 году).

Сердце парка – зеленая река с тростниковыми зарослями.

В парке предпринята попытка возродить реку. Ее верховье находится в сухих условиях (площадки с минеральными наполнителями, камни, сухие растения), затем пространство все больше увлажняется и в нижней точке переходит в обширные тростниковые заросли.

Вторичное русло имеет вид высохшей реки, наполненной черным сланцем. Оно идет вдоль пешеходной дорожки и образует большие круги, которые предназначены для сбора, очистки и транспортировки небольших дождевых потоков. Главное русло реки окружено лугами и зарослями тростника. Во время сильных ливней русла наполняются избыточной водой.

Наполнение русла происходит, когда вода перетекает через бортики кругов, максимальная высота которых равна 40 сантиметрам. Зеленая река создает длинное непрерывное центральное пространство, которое может быть по-разному использовано во время сухой погоды (95% всего периода), например, для прогулок, пикников, чтения, спортивных игр...

«Оборудованные» границы.

Берега зеленой реки используются в качестве буфера (фильтра) на границе между городом и зеленой рекой. Они имеют густую растительность и могут использоваться как игровые площадки, скверы, семейные приусадебные участки, спортивные площадки, площадки для боулинга...

Благодаря этому парку привлекается внимание местного населения к проблеме контроля дождевой

v Parc des Guillaume – View of the pollution control devices with sand filters and phytoremediation, and the spillways / Парк Гийом. Очистные приспособления, использующие песчаные фильтры и процесс фиторемидации; водосброс.

A park linking local people to the rainwater control problematic, showing the effects of rain, in terms of flooding and also restoring nature.

The pedagogical nature of the park has been one of the points of attention and interest of the different stakeholders. Rather than multiplying the information boards, has been privileged an intuitive understanding of the hydraulic functioning of the park.

– First by the theme of the river declined in the organization of the park, with a minor river bed (dry river and pedestrian footpath), a major river bed (flood green spaces), and out of water banks (playgrounds, walking, adventure, etc...).

– Secondly, by using the landscape vocabulary. The entire path of the water is emphasized by the black schist shaped in a dry river form along the pedestrian footpath, as overflow large black circles. Vegetation in the minor and major beds is that of a riparian, until setting up the reed bed at the lowest point.

– Thirdly, by the permanent presence of water at the reed bed level.

The public thus can see and understand the gradual immersion of certain areas during rainy weather then its progressive soaking.

Please note that certain areas flood as soon as small rains appear so that the hydraulic function remains in the minds of users. The direct link between water and vegetation is also expressed through the fact that one draws the contours on the other.

Department, Region, Water Agency, engineering consulting firms, all associated to convince the municipality of the opportunity and well-founded of such a project.

Firstly, the Water National Agency approached the Municipality to educate technicians on the landscape and urban potentials of that space. A first draft of a flood park was presented, financed by the WNA.

The Ile de France Region (for the green frame), and the Seine Saint-Denis Department (for storage and peda-

воды, и становится наглядным влияние дождевой воды на пойменные участки и восстановление природы в целом.

Внимание и интерес различных лиц привлекает педагогическая сторона проекта. При этом приоритет отдается интуитивному пониманию функционирования гидравлической системы парка, нежели размещению информации на многочисленных табло.

– Во-первых, это достигается путем использования реки, а именно ее вторичного русла (высохшей реки и пешеходной дорожки), главного русла (зеленых пойменных пространств) и незатопленных берегов (игровых площадок, прогулочных дорожек, спортивных площадок и пр.).

– Во-вторых, используется язык ландшафта. Вся траектория воды выделена черным сланцем, выложенном в виде осушенного речного русла вдоль пешеходной дорожки, которое наполняется водой из переполненных больших кругов. Вторичное и главное русла засажены прибрежной растительностью, которая в нижней точке переходит в тростниковые заросли.

– В-третьих, на уровне тростниковых зарослей постоянно присутствует вода.

Таким образом, посетители могут наблюдать и понимать принцип постепенного затопления определенных участков в дождливую погоду и последующего пропитывания почвы.

Следует отметить, что некоторые места подвергаются затоплению при малейшем дожде, поэтому гидравлические процессы всегда перед глазами посетителей. Прямая связь между водой и растительностью также выражается в том, что одно повторяет линии другого.

Департамент, региональные власти, водохозяйственная организация и инженерно-консалтинговые фирмы объединились, чтобы убедить муниципалитет в перспективности проекта.

Сначала Национальная водохозяйственная организация предложила муниципалитету рассказать специалистам о ландшафтном и градостроительном потенциале данного пространства. Эта же организация представила и профинансировала первый план парка.

gological depollution of rain water) then join together to carry out the project and partially finance it.

An example of really successful blue and green corridor in a dense urban environment.

The parc des Guillaume fully illustrates how the issue of mastering rainwaters can be a technical, legal and financial lever to achieve in a dense urban environment, a real green frame, a living place of nature, intrinsically involved in the urban functioning and process.

A high quality urban park, illustrating the financial potentials provided to communities through the process of mastering rainwaters.

Numbers of communities have such opportunities to combine mastery of rainwater and urban park. Some include retention ponds in their garden, others create green spaces around water storage, few have integrated in their urban thinking the environmental and structuring potential of a rainwater controlling device. Until today, the parc des Guillaume also an ecological corridor,

urban link between different neighborhoods, seems to be the only one in dense urban environment to have been generated, designed, financed, and maintained by this rainwater sanitization issue. The difficulty is related to the governance, it must allow on one hand a mutual reflection between sanitation services and green spaces, on the other hand it must be able to federate some of the essential partners (Department, Region, Water Agency, the State, Europe) that today have at their disposal consistent subsidies to that approach of water and landscape.

Floating Planters – Bassin de la Morée at Blanc-Mesnil (France)

Unsinkable gardens to reinforce biodiversity in a public retention pond.

Give to a technical equipment, ecological and pedagogical functions.

An applicable approach to numbers of retention ponds which are poorly integrated in the surrounding urban environment.

Затем объединились регион Иль-де-Франс (ответчающий за зеленый каркас) и департамент Сен-Дени (ответчающий за хранение дождевой воды и устранение ее загрязнений), чтобы реализовать и частично профинансировать проект.

Это пример по-настоящему успешного голубого и зеленого коридора в плотной городской среде.

Парк Гийом прекрасно иллюстрирует то, как процесс управления дождевой водой может стать техническим, юридическим и финансовым рычагом для создания в плотной городской среде настоящего зеленого каркаса, уголка природы, органически включенного в городские процессы.

Городской парк высокого качества демонстрирует мощный финансовый потенциал, которого можно добиться благодаря умелому управлению дождевой водой.

Во многих районах имеется возможность использования дождевой воды в городском парке. В одних районах в садах оборудованы отстойные пруды, в других зеленые пространства формируются вокруг водохранилища. Лишь немногие районы смогли интегрировать в городскую среду экологический и структурирующий потенциал управления дождевой водой. По сей день парк Гийом, который также является экологическим коридором, связывающим разные районы города, остается, пожалуй, единственным парком в плотной городской среде, чья концепция, проект, финансирование и содержание основаны на принципе очистки дождевой воды. Основные трудности были связаны с управлением: с одной стороны, нужно было добиться баланса между санитарно-гигиеническим обслуживанием и зелеными пространствами, а с другой стороны, объединить главных партнеров проекта (департамент, региональные власти, водохозяйственную организацию, представителей государства и Европейского Союза), которые на сегодняшний день могут предоставлять значительные субсидии на проекты, связанные с водой и ландшафтом.

Плавающие клумбы бассейна «Де ля Морэ» в Бланк-Месниле (Франция). Плавающие сады, способствующие развитию биоразнообразия в отстойном водоеме.

Этот технически оснащенный объект подразумевает развитие экологической и педагогической функций.

Был использован подход, применимый ко многим отстойным водоемам, которым необходима интеграция в окружающую городскую среду.

Фирма Composante Urbaine получила заказ на восстановление открытого бассейна ливневых вод.

Этот проект можно назвать эколого-образовательным.

С одной стороны, в основе проекта лежит существующий отстойный водоем, а с другой стороны, были созданы различные биотопы. Большие клумбы, плавающие на поверхности воды как водяные лилии, способствуют развитию биоразнообразия и оживляют пространство, превращая техническое оборудование, а именно отстойный бассейн, в место массового отдыха.

v Parc des Guillaume – View of pedestrian path along the river dry / Парк Гийом. Вид пешеходной дорожки вдоль сухого русла реки

Composante Urbaine has been commissioned for the rehabilitation of an open-air storm basin.

An environmental and educational project.

The project consists on the one hand to report the existing retention basin and on the other hand to create different biotopes. Large planters, floating like water lilies, come to increase biodiversity and animate the site, making this technical equipment which is a retention pond, a place of entertainment.

3 biotopes are implemented:

- Wet bottom of the basin. The vegetation receives regular water inputs from the storage structure. The established vegetation established is low and robust because systematically tested or torn out by the current and turbulences created by the filling and emptying of the basin.

- Aquatic environment in the planter.

- Non floating planter directly supplied by the rainwater collector. The vegetation, preserved of turbulence is more luxuriant and diverse.

- Semi-dry environment in the floating planters.

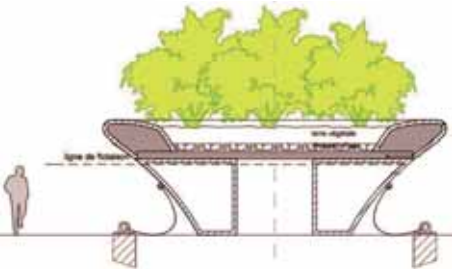
Floating planters, autonomous in watering and maintenance.

These are designed in order to require no maintenance; they are equipped with a collecting and storing rainwater device (tank under the topsoil). Vegetation left without intervention, turns out over the seasons and years, adapting itself to the particular habitat of these planters.

A highly constrained project, requiring close collaboration between plastic artists, engineers, ecologists, managers and financiers.

These five floating planters, huge water lilies, of 23 tons of high-tech concrete of 11m diameter each, rise when the retention basin fills up, carried by the waves up to 7 m high, before re-placing themselves back down on the hydraulic structure after the rainy event. trois projets exprimant

v Bassin de la Morée – Representation of a floating gardener (sketch phase)/ Бассейн «Де ля Морэ» – эскиз плавучей клумбы

Были созданы три биотопа:

- Влажное дно бассейна. Растительность регулярно получает влагу благодаря конструкции водохранилища. Растительность крепкая и низкорослая, поскольку систематически прореживается, когда возникают турбулентные потоки, вызванные наполнением или осушением бассейна.

- Водная среда клумбы.

Неплавучая клумба напрямую снабжается водой из дождевого коллектора. Растительность, не подверженная турбулентности, отличается богатством и разнообразием.

- Полусухая среда плавучих клумб.

Плавучие клумбы имеют автономное увлажнение и уход.

Клумбы сконструированы таким образом, что практически не требуют ухода; они оснащены оборудованием для сбора и хранения дождевой воды (резервуар под верхним слоем почвы). Растительность не подвергается никакому вмешательству. От сезона к сезону, из года в год она обновляется, адаптируясь к особым условиям данных клумб.

Проект предполагает тесное сотрудничество между мастерами, работающими с пластиком, инженерами, экологами, менеджерами и инвесторами.

Пять плавучих клумб, похожие на пять водяных лилий, сделанных из высокотехнологичного бетона, массой 23 тонны и диаметром 11 метров, при наполнении бассейна поднимаются на высоту до 7 метров, а затем, после дождя, опускаются на гидравлическую конструкцию.

< Bassin de la Morée – View of the retention bassin, dry, with floating gardener (not planted at this stage) / Бассейн «Де ля Морэ». Вид сухого отстойного бассейна с плавучей клумбой (еще без растительности)

< Bassin de la Morée - Floating gardener, in construction / Бассейн «Де ля Морэ». Плавучая клумба в стадии строительства

Суперкилен: разноцветное пространство

Парк Суперкилен (длина 750 м, площадь 30 тыс м², бюджет 7,7 млн евро) расположен в Копенгагене, в многонациональном районе Нёрребро, одном из самых неблагополучных в городе. Пространство парка поделено на три зоны: красную, черную и зеленую. Там расположены детские площадки, спортивные объекты, пространства для проведения концертов и ярмарок, зоны для отдыха и пикников. Большая часть детских горок, качелей, фонтанов, стоянок для велосипедов, урн, скамеек, а также украшающие «Суперкилен» неоновые вывески, скульптуры и прочее привезены из разных уголков мира – из Аргентины, США, Англии, России, Катара, Турции, Израиля и других стран, что отражает специфику Нёрребро, в котором проживают представители 60 этнических групп.

место
Дания, Копенгаген

функция
общественное пространство

реализация
2012

фото
Ivan Baan

http://archi.ru/foreign/guide/object_current.html?oid=7843

Заметки про Эстонию. Город Тарту

текст
Светлана Макотина

фото
Светлана Макотина
Марина Воробьева

Справка
Тарту – город на юге Эстонии (с 1030-го по 1224 г. и с 1893-го по 1919 г. – Юрьев, с 1224-го по 1893 г. – Дерпт, после 1919 г. – Тарту), протяженность вдоль реки Эмайыги 9 км, население около 100 тыс. жителей, культурный и образовательный центр Эстонии.

Эстония – государство, близкое многим россиянам. В прошлом – советская граница, теперь европейская провинция. Во времена Советского Союза в самую маленькую прибалтийскую республику ездили не только по туристическим путевкам, но и учиться, работать, переселялись на постоянное место жительства. Русских в Эстляндии много и сейчас, они неплохо адаптировались к эстонскому менталитету, к специфике социальной жизни, к Европейскому союзу. Путешествия по Эстонии всегда приносили массу удовольствий и положительных эмоций. Осенью 2011 года Эстония вновь порадовала нас. Маршрут проходил через небольшие по меркам России города Йыхве, Кохтла-Ярве, Тойла, Тарту. Особый интерес в этой поездке уделялся дизайну архитектурной среды или, проще говоря, благоустройству городских территорий. Прибалтика в этом отношении всегда была хорошим примером. Маленькие города Эстонии почти не поменяли свой облик с советских времен. Это постоянство, особое отношение к старине, сохранение памятников архитектуры и ненавязчивость современных построек,

удобство и безопасность говорят об устойчивом и правильном укладе жизни в городах Эстонии во все времена, о той культуре, которую не испортит никакой государственный строй.

Так сложилось исторически, что в Тарту тесно переплетаются традиции ремесленных гильдий, туристические маршруты, университетская, культурно-развлекательная и спортивная жизнь. Одно другому абсолютно не мешает: гармонично уживаются старинные здания и современная архитектура, музеи и галереи авангардного искусства, ремесленные лавки и молодежные клубы, таверны и научно-развлекательные комплексы.

Исторический квартал Тарту можно обойти за два часа, однако публика готова бродить здесь круглые сутки. Одно только рассматривание малых архитектурных форм и мощения улиц может занять целый день. Под ногами прохожих раскрываются картины жизни разных эпох – от древней булыжной мостовой до современной разноцветной китайской плитки. Выявление границ функциональных зон происходит благодаря изменению характера покрытия, его укладке

и качества материала. Варианты функционального зонирования, выполненные с помощью мощения очень разнообразны. В Тарту дороги, тротуары, площади и другие общественные пространства можно прочесть как открытую книгу. Ее повествование будет понятно людям любого возраста и социального статуса, местным жителям и туристам.

Многочисленные войны и пожары прошлого часто уничтожали постройки города, но память о них сохраняется в исторической части Тарту. На центральной пешеходной улице Рютли граница несуществующих средневековых зданий выложена металлическим бруском с поясняющей надписью: Ruutli tanava keskaegne hoonestusjoon («Линия зданий улицы Средневекового Рыцаря»). Вот желтым цветом на асфальте выделены участки запрещенной парковки автотранспорта, синим – доступные стоянки для инвалидов. Эти правила четко контролируются полицией и бдительными гражданами. В Тарту создана комфортная жилая и общественная среда для пенсионеров, слабовидящих и колясочников.

Гуманизация общественной городской среды подтверждается устройством обходных путей у искусственных препятствий, оборудованием пандусов на всех перепадах рельефа, созданием необходимого контура ограждений наиболее опасных мест, а также устройством рельефных покрытий, облегчающих ориентацию людей с ослабленным зрением. Такое же бережное отношение – к деревьям и насаждениям: цветам, кустарникам, траве. Молодые деревца, как дети, оберегаются в особых «песочницах» с мелкой галькой, слабый ствол поддерживает металлическая конструкция. Общая композиция данного средового дизайна дополнена удобными скамейками. Для взрослых деревьев создана некая буферная зона. Это либо плитка, переходящая в гладкие крупные булыжники, либо чугунная решетка, уложенная вокруг ствола дерева, что дает корням возможность дышать и развиваться.

Шероховатые или гладкие, то серые, то красные плитки тротуарной кладки, закручиваясь в узоры и мозаичные рисунки, ведут нас по Ратушной площади и

улочкам Тарту в маленькие магазинчики, кондитерские, кофейни. Большое внимание в городе уделяется комфортному пребыванию туристов. Множество разнообразных ресторанов, баров манят своим уютом и стильностью. Для детей в таких заведениях есть манежи, один из них был устроен прямо на подоконнике уютного кафе. В таких местах можно сидеть долго, не спеша наблюдать за происходящим вокруг, за окном, на улице, слушать непонятную речь и представлять себя в Средневековье, ведь оно совсем рядом. Его можно увидеть, пощупать и даже понюхать (например, по-особенному пахнут древние стены Домской церкви XIII века).

Тактильные эффекты старых и новых строительных материалов восхищают в этом районе Тарту повсеместно. В некоторых местах мы насчитывали до пяти-семи сортов мощения: мелкая и крупная плитка разных цветов, большие и средние, гладкие или агрессивно грубые булыжники, морская галька, кирпич, каменные плиты и просто асфальт. В дополнение ко всему особый колорит создает холмистость местности. Именно

это обстоятельство диктует строительство наклонных замощенных участков, разнообразных подпорных стенок, мостов и мостиков, лестниц, ступенек и пандусов. Конструктивным материалом для них служит камень, мрамор, гранит, дерево, металл. Желобки для стока воды аккуратно выкладываются булыжниками. Камни, постепенно покрываясь мхом, достигают пика эстетической выразительности.

Грамотные ландшафтные дизайнеры не случайно так изысканно работают над рекреационным пространством старого города. Визуальные и функциональные границы транзитных зон определяются с помощью согласованных вертикальных и горизонтальных поверхностей (ограждения и мощения). Через изменяющийся графический рисунок покрытия земли, туристам ненавязчиво диктуют маршрут следования. Кроме мощения направление движения задают и своеобразные преграды. Помимо высоких каменных подпорных стенок, к ним можно отнести ограничительные знаки-символы, созданные местным художником. Неизвестный автор оригинально поработал на тему

городской утилитарной скульптуры, отлив из бетона малые архитектурные формы в виде Арочного моста, Ионической капители, башмаков, птиц, медведей, ежей, черепах и других животных. Образный язык этих забавных арт-объектов подкупает своей непосредственностью. Однако они отлично «контролируют» движение транспорта и пешеходов не только в центре Тарту, но и по всему городу, а также в других населенных пунктах Эстонии.

Для удобного путешествия местные жители и туристы выбирают экологический транспорт – велосипед. Особо следует подчеркнуть обилие оригинальных велосипедных стоянок рядом со зданиями университета, супермаркета, возле многочисленных точек общепита. Порой стоянки, выполненные на высоком дизайнерском уровне, кроме основного предназначения несут дополнительную функцию – яркого знака местности, фигуративного названия улицы, определителя границ участков и зон. Так ненавязчиво и эстетично решается проблема разделения пешеходного и автомобильного пространства.

Уставшие путники легко найдут место, где можно отдохнуть. Дизайн уличной мебели многообразен и удобен. Широкие, деревянные и очень надежные скамейки расставлены по улицам, площадям, в парке и на склонах холмов. Надпись на Ангельском мосту, перекинутом через долину холма Тоомяяги, звучит как напоминание: «Отдых восстанавливает силы» (*Otium reficit vires*). При желании можно составить компанию на скамеечке памятника Оскару Уайльду или Яану Тыниссону, сфотографироваться задумавшись у символической скульптуры Юло Ыуна «Отец и сын», залюбоваться фонтаном «Целующиеся студенты», отвлечься в сувенирной лавочке или таверне. На площади перед крупным супермаркетом вас встретят не только габаритные вместительные скамьи, но и столы для настольных игр в антивандальном исполнении из бетона, что отнюдь немаловажно для центра современного города.

Несомненно, старый Тарту всегда будет привлекать туристов: здесь много достопримечательностей и для путешественников созданы все условия. Однако стоит подчеркнуть, что это жилой центр города, здесь много

детей с родителями, студентов и пожилых людей. В вечернее время народ гуляет. Для удобной ориентации пешеходов основные здания, сооружения, улицы и направления движения хорошо освещены. Кроме благоустройства, данный прием подчеркивает масштабную соразмерность и индивидуальность архитектурных фрагментов города.

На улицах и площадях Тарту можно встретить светильники, выполненные в стилях разных эпох – от Средневековья и классицизма до модерна и авангарда. Оригинальные формы фонарей служат украшением общественной среды. Подсветка улицы Рюйтли своеобразна и эффектна. Точечные светильники на ней пунктирно вмонтированы в мостовую. Кроме этого, данная рекреация условно разделена на подзоны, вымощенные плиткой разных цветов. Одна сторона – для спокойного отдыха, другая – для пешеходов. В спокойной зоне стоят скамейки с готическими зеркальными спинками, огромные цилиндрические вазоны и высокие урны из блестящего, отражающего свет металла. В вечернее время, когда на Рюйтли зажи-

гаются фонари, вся световая композиция уличного пространства начинает блистать отраженным светом.

Эстонский день в ноябре короток, быстро наступает вечер, и народ тянется в теплые помещения. Тайна улочек старого Тарту продолжается в Музее игрушек, за окошками которого разыгрывается кукольный театр теней. По соседству творят в мастерских художники Гильдии святого Антония, где частенько проходят народные гулянья. Особой любовью у горожан и туристов пользуется пивной ресторан, в далеком прошлом «Пороховой погреб». Строительным материалом для него в XVIII веке послужили камни руин епископского замка и церкви Святой Марии. Как ни странно, в таверне мы встретили группу детей: шел детский десятидневный праздник. Интерьеры заведения поражали своей десятиметровой высотой, древней кирпичной кладкой и коллекцией пивных кружек с надписями знаменитостей. Дубовая мебель и фонари на цепях усиливали иллюзию средневекового замка. Толстые стены порохового погреба надежно хранили тайны далекого прошлого, время остановилось и подчинило нас своему особому замедленному ритму.

Однако за стенами этого загадочного сооружения вечерний город жил полноценной жизнью, рекламные вывески зазывали в магазины и кафе. Ярко освещенные интерьеры научно-развивающих и спортивных комплексов дразнили аттракционами, бассейнами и фонтанами, вода плескалась буквально у наших ног, прохожие застывали, глядя на гигантскую «машину энергии». От яркой, веселой обстановки нас отделяло почти иллюзорное прозрачное стекло. Это неумоимо работали аквапарк AURA и научно-популярный центр АННАА. Внутри бегали неугомонные дети, пробовали все достижения современной техники на себе, и мы тоже не удержались от соблазна взобраться на «стульчики» для Гулливера. Оригинальный подход к восприятию предметной среды с точки зрения ребенка! Желаете почувствовать себя маленьким, неумелым, неказистым – попробуйте перейти границы возраста, попытайтесь залезть на огромный стул и выпить молока из гигантской кружки – сразу поймете, как это нелегко.

В научно-популярном центре АННАА много интересных развлечений, после которых довольные посетители могут отдохнуть на расставленных в холле скамейках. Поверхность деревянных низеньких чудо-скамеек покрыта резиновыми пупырышками, колючими спиралями и мягкими полосками. Тактильные ощущения от их прикосновения приятно расслабляют все тело, массируют и тоже призывают к игре. Дизайн предметной среды постоянно предлагал нам игровые ситуации. Возможно, это объяснялось существованием в городе большого количества учебных заведений, студентов, молодежи, а может быть, эстонцы просто не любят скучать.

Современные кварталы Тарту, особенно студенческий городок университета, равно как и старый центр города, даже ночью не оставили нас равнодушными.

Новый «Спортхолл» светился, как морской лайнер. Он вырос из естественного зеленого холма, и трава «колосилась» прямо по подоконникам огромных окон. Границы между внешним и внутренним простран-

ством здания были призрачны. Через стеклянные стены народ мог наблюдать за соревнованиями, при этом зеленая трава на холме казалась свежей и нетронутой даже в середине ноября. Два противоположных торца чудесного спортивного сооружения были «ершисты как ежик», деревянные бруски торчали из них кольями. Для эстетического воздействия или для какой-то иной цели были задуманы эти конструкции, осталось загадкой, но стены привлекали внимание и будоражили воображение вечером, а затем и ранним утром.

В воскресный день вся округа отдыхала. Удивительное спокойствие исходило от раскинувшихся вокруг зеленых пространств, от архитектуры горизонтально «распластанной» по земле, очень родственной этому ландшафту. Все учебные здания университета, а их здесь немало, вольготно отнесены друг от друга на приличные расстояния. У каждого из корпусов есть свое «лицо», по облику напоминающее органическую архитектуру Фрэнка Ллойда Райта. Естественное и гармоничное слияние с природой дополняют раститель-

ные доминанты в виде групп хвойных и лиственных деревьев, а большие валуны и огромные декоративные коряги расставляют акценты между строениями. С помощью этих элементов происходит масштабное разграничение открытого пространства. Корпуса здания университета вытягиваются во фронт, ступеньками поднимаются в гору или спускаются в низину, сливаются с природным окружением или дополняют его. В овраге, примыкающем к современному учебному сооружению, течет ручей. Мы узнали, что бывшую сточную канаву студенты вычистили сами и организовали в овраге уютную зону отдыха со скамейками, тропинками и эстрадой. Рядом за деревянным, аккуратным, абсолютно целым забором располагается открытая баскетбольная площадка.

Благодаря холмистому рельефу горизонтальности просматривались очень хорошо. Вдали, в низине, наше внимание привлек странный объект – ленты песочного цвета затейливо извивались по земле. Как оказалось, это был велотрек, в зимнее время – лыжная трасса и скейт-парк. Рядом, за полупрозрачным ограждением,

тянулось ровное шоссе. Эти плавные линии вновь напомнили нам об идеальных эстонских дорогах. Интересно, что присущая данной местности тщательность дорожных и ландшафтных работ выражается не только в качественном покрытии магистралей, но и в экологичном, а также в колористическом решении обрамления проезжей части. Границы асфальтированного участка отсыпаны смесью щебенки и измельченной древесной коры. Благодаря окаймляющим дорожкам такого типа, луж на обочинах дорог практически не остается, формируется гуманное буферное пространство, сохраняющее зеленый почвопокровный слой и привносящее своеобразную цветовую эстетику в придорожную зону.

Машины по идеальным дорогам не едут, а «плывут». Прямые линии магистралей связывают все города Эстонии, по ним движутся красивые комфортабельные автобусы из Санкт-Петербурга, Москвы, со всей Еврозоны. Въезд грузового транспорта в центр городов ограничен. Жестко соблюдаются правила стоянки, и это подтверждают примеры быстрого реагирования

полиции на нарушителей порядка. В городках, около домов, частенько висят большие плакаты: «Мы следим за вами!» Смущает это только приезжих из России, если им переведут смысл написанного предложения. Население Эстонии просто педантично и добросовестно бережет свои частные и общественные границы, свой покой и комфорт.

Взаимодействие человека и природы в стране является оптимальным и экологически устойчивым. Движение к современному благоустройству среды, ландшафтному дизайну в Эстонии не относится к числу временных, модных явлений. Оно часть эстонской национальной культуры, в которой отражается не только уважение к каждому из живущих на этой земле людей, но и желание жить в постоянной гармонии с природой. Ведь следование духовно-нравственным ценностям, утвержденным общественным правилам, сохранение культурных традиций и уважительное отношение к деталям есть признак цивилизованного общества.

Литература

Нефедов В. А.
Ландшафтный дизайн и
устойчивость среды. –
СПб., 2002. – 295 с.: ил.

- > Александр Панкин.
Числа Фибоначчи. Проект
объекта для городской
среды
- > Игорь Шелковский.
Проект объекта для город-
ской среды

Объекты современного искусства в городской среде

текст
Юрий Самодуров

Постановка проблемы

Городская среда включает архитектурно-градостроительную компоненту и произведения искусства. Архитектурно-градостроительная компонента городской среды современной Москвы визуализирует, недвусмысленно предлагает и транслирует существуемому в ней социуму и каждому человеку в отдельности определенный набор смыслов, идей, ценностей. В набор этих смыслов входят: престиж, богатство, комфорт, успех и вместе с тем скромное, ни на что не претендующее существование, забота о красоте и одновременно полное пренебрежение к ней, противоречивость, спонтанность и вместе с тем организованность и упорядоченность всего, что создано и делается людьми, параллельное, одновременное существование современности и прошлого, их совместимость и конфликт, постоянная смена человеческих вкусов, краткость и вместе с тем продолжительность сменяющих друг друга исторических эпох и многие другие.

Если задаться вопросом: какие непреходящие ценности и идеи человеческого существования и предназначения помимо стремления к красоте визуализирует и транслирует социуму архитектурно-градостроительная среда Москвы – ответ очевиден. Благодаря церковной архитектуре и большому числу церквей в облике Москвы визуально ярко представлено и соответственно тем или иным образом может восприниматься людьми религиозное измерение жизни и религиозные цели существования человечества. Представим мысленно, что церквей в Москве нет, что они исчезли. Что изменится? Не только внешний вид города. Почти полностью исчезнет и архитектурно-градостроительное, визуальное выражение духовной составляющей жизни людей. Лицо Москвы потеряет в своем визуальном выражении то, что у людей составляет религиозную цель существования. Церкви – это не просто здания, куда люди ходят молиться, это здания, облик которых ярко и определенно символизирует высокое предназначение и духовную цель, которую люди с религиозным чувством и сознанием реально ощущают и принимают, а все остальные просто знают о ее существовании.

К сожалению, иных ценностей духовного плана, кроме религиозного и эстетического измерений (при этом религиозный и эстетический аспекты в Москве ярко представлены в соединении именно в культовых

сооружениях), архитектурно-градостроительная компонента городской среды Москвы практически не визуализирует и социуму почти не транслирует (редкие исключения – Останкинская башня, здание Планетария, главный корпус МГУ на Ленинских горах, производящий впечатление храма науки, здание Центрального экономико-математического института с лентой Мебиуса на фасаде, отчасти здание Палеонтологического музея, похожее на укрепление, хранящее что-то вечное и ценное). Объясняется это многими причинами, на чем я, не будучи специалистом в этой области, останавливаться не буду.

Но религиозным и эстетическим отношением к мирозданию и своему предназначению отнюдь не исчерпываются ощущаемые и угадываемые людьми и человечеством духовные цели своего присутствия в мире. Люди реализуют свои духовные стремления в занятиях политикой, наукой, музыкой, искусством, поэзией, в помощи нуждающимся, в уходе за животными, вообще в бескорыстном и творческом созидании чего угодно, в общении с природой, в любви. Художники, скульпторы, поэты, музыканты всегда стремились наряду с религиозной идеей выразить духовную составляющую жизни людей, которая не сводится к одной религии. Нерелигиозные духовные цели и задачи в не меньшей степени, чем религиозные, позволяют людям в какой-то мере выходить за рамки и ограничения, налагаемые личными способностями, семейным и социальным положением, образованием, профессией, историческими и политическими условиями существования и даже кратковременностью человеческой жизни.

Чтобы представить и визуализировать в городской среде духовные цели, работали и продолжают работать тысячи художников, скульпторов, архитекторов. В Москве ими были созданы и установлены на улицах и в парках сотни произведений монументального искусства.

Рассмотрим традиционные монументальные произведения, а также объекты современного искусства в городской среде и постараемся понять и оценить роль, которую те и другие играют в обретении городом

< Василий Павловский.
Проект объекта для
городской среды

< Юрий Аввакумов.
Полярная ось. Проект
объекта для городской
среды

визуального лица, транслирующего социуму, каждому жителю и всем приезжающим в Москву духовные цели и ценности. Речь идет, в конечном счете, о том, чтобы население Москвы и все, кто бывает в столице, своими глазами увидели и смогли почувствовать, что у человечества, у нас с вами, у тех, кто жил до нас, и кто придет после нас, существует «священное стремление именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бес-сознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели» (Андрей Сахаров, из Нобелевской лекции, 1975 год).

Возможности и задачи обычных, традиционных произведений и необычных объектов современного искусства в городской среде

Современное искусство так же бесконечно и неисчерпаемо, как Интернет. Тем не менее можно предложить рабочее определение современного искусства, которое охватывает все его виды, жанры, техники, материалы, объекты, в том числе объекты современного искусства в городской среде. Рабочее определение, которым я дальше буду пользоваться, такое: современное искусство – это произведения с неожиданными, непривычными для зрителей смыслами и неожиданной, непривычной формой. Слова «неожиданный и непривычный» означают, что форма и смысл произведений неожиданны и необычны для данной общественной среды, в данное время, в данном месте и контексте. Когда форма и смысл произведения со временем становятся привычными, традиционными, то оно перестает входить в круг произведений современного искусства и воспринимается зрителями как обычное произведение искусства. Что касается места, то в широком смысле – это, например, Франция, или Россия, или улицы Москвы и Парижа, в узком смысле – это Третьяковская галерея или Лувр. Так, в конце XIX века в России картины импрессионистов воспринимались и переживались как произведения современного искусства, их форма и смысл публику поражали и шокировали, сейчас они воспринимаются практически всеми

жителями России как традиционные произведения. В то же время «Черный квадрат» Малевича, подавляющее большинство жителей нашей страны до сих пор воспринимает как поразительное, необычное произведение «непонятого» современного искусства, в то время как в Нью-Йорке или Париже даже неискушенная публика, думаю, воспринимает «Черный квадрат» уже как обычное произведение, а не как произведение современного искусства.

Готовясь к проведению в Государственном центре современного искусства (ГЦСИ) круглого стола по теме настоящего доклада, я просмотрел в Интернете все, что сумел найти об объектах искусства, существующих сегодня на улицах и в парках Москвы. В основном это памятники, мемориалы, монументы, стелы и некоторые другие формы. Время создания этих объектов – последние 200 лет, считая от памятника Минину и Пожарскому (1818) до памятника Ростроповичу (2012). Используя Википедию, сайт «Необычные памятники Москвы» и некоторые другие я насчитал в Москве около 350 объектов искусства, установленных в городской среде. На самом деле их раза в два больше. Из этих 350 просмотренных мной объектов я отношу к произведениям современного искусства примерно 12.

Отнесение к произведениям современного искусства тех или иных из 350 произведений монументального искусства, фотографии которых я просмотрел, – это, конечно, мое личное интуитивное суждение, правильность которого ни подтвердить, ни опровергнуть логическим путем невозможно, как и любое интуитивное решение. С другой стороны, если участники круглого стола и читатели статьи назовут и выберут примерно те же 10–15 объектов (или частично иные, но примерно столько же), то действительно можно будет принять за установленный факт, что число объектов современного искусства в городской среде в Москве сегодня составляет около 3% от общего числа объектов искусства на улицах и парках. Скорее даже, эта цифра уменьшится до 1–2%, так как я посчитал не все объекты искусства в городе.

^ Ольга Татаринцева.
Проект объекта для городской среды

^ Юрий Аввакумов.
Летающий пролетарий.
Проект объекта для городской среды

Число объектов современного искусства в Москве я оцениваю в 1–3% от общего числа произведений монументального искусства в городе. Это мой первый тезис. Много это или мало – 3% произведений современного искусства для городской среды? Ответ зависит от того, в чем состоит миссия (назначение) традиционных, обычных произведений и произведений современного искусства.

Чаще всего привычные, традиционные монументальные произведения искусства символически материализуют и символически продолжают существование во времени всего того, что смертно, краткосрочно, что состоялось, но присутствие и продолжение существования чего и / или кого в современности, собственной жизни и будущей истории страны различные группы общества, власть и создатели произведений считают необходимым и значимым и всего того, что обычные, привычные формы искусства способны представить и визуализировать. Привычные произведения искусства, которых сегодня более 97% от общего числа монументальных объектов искусства на московских улицах и в парках, это в основном памятники людям, составляющим славу русской культуры и науки, мону-менты, символизирующие и увековечивающие победу над врагом, героизм их участников, принесенные на алтарь этих побед жертвы, иногда это литературные герои, персонажи сказок и т. п. Например, памятник погибшим на войне одноклассникам скульптора, ученикам 110-й московской школы (выдающаяся работа Д. Митлянского), символически продлевает существование и присутствие в нашей жизни и будущей истории нашей страны не только этих ребят, но и всех других погибших на войне выпускников предвоенной и военной поры.

В отличие от традиционных, привычных произведений, главная цель и миссия произведений современного искусства (точнее, одного из «кизводов» современного искусства) другая. Необычные, непривычные, абстрактные формы (в сочетании с фактурой и цветом) этих произведений способны визуализировать существование не того, что смертно, краткосрочно, что состоялось, а, так сказать, бессмертных и вневремен-

ных сущностей мироздания, бытия, загадку существования человека и космоса, математические соотношения и законы, которым подчиняется Вселенная, визуализировать и транслировать интеллектуальные, эстетические, духовные, этические стремления цели, поиски людей и человечества, несводимые к религиозной форме сознания. Это чудо абстрактных форм и цвета, восприятие и воздействие которых не всегда поддается литературному пересказу, а до конца – не поддается никогда. В целом произведения современного искусства способны визуализировать иной, чем традиционные произведения искусства пласт жизни, образно говоря, самый высокий ее «этаж», на котором материя, дух, разум, чувства, интуиция, можно сказать, существуют нераздельно. До появления современного искусства на этот «этаж» можно было заглянуть и подняться только благодаря серьезной музыке, религиозной живописи, церковной архитектуре, очень редко и то отчасти это удавалось реалистическому монументальному искусству (чуть ли не единственный пример, который могу привести, это «Рабочий и Колхозница» В. Мухоминой), иногда в поэзии, еще реже в науке. В городской среде Москвы этот «этаж» существования человечества представляет почти только одна церковная архитектура, но она визуализирует, как говорилось выше, только религиозную «высь». Правда, современная мировая архитектура (авангардные здания некоторых музеев, библиотек, авангардные формы мостов и рекордных по высоте телебашен) уже открыла возможность визуализации и трансляции социуму духовных и интеллектуальных нерелигиозных ценностей не менее вечных и высоких, чем те, что выражает архитектура православных и готических соборов. В отличие от традиционных произведений монументального искусства и 99,9% городских зданий и построек объекты современного искусства способны визуализировать то, что люди могут почувствовать и представить, глядя на звездный купол неба, находясь на горной вершине, любясь подмосковным пейзажем или Тадж-Махалом, слушая прекрасный женский вокал, наслаждаясь картинами Кандинского или поэтическими строками. Традиционные монументальные произведе-

< Вячеслав Колейчук.
Проекты двух объектов
для городской среды

< Андрей Красулин.
Фонтан (1980). Москва,
Беломорская, 19

дения искусства такие чувства и мысли возбудить и выразить не могут, у них иные пластические средства, другие возможности и другая задача.

Миссия произведений современного искусства – выражение в пластической форме определенных духовных состояний, мыслей, эмоций, не связанных, точнее говоря, редко связанных с конкретными историческими событиями, лицами и т. п., их назначение и сфера – символическая материализация «бесплотных» смыслов и сущностей, определяющих назначение людей в мире и утверждающих неслучайность нашего пребывания во Вселенной.

Например, объекты современного монументального искусства способны в символической материальной форме и, разумеется, в моей субъективной интерпретации представить взгляду рождение Вселенной, пронизываемой потоками космических частиц (созданный Андреем Красулиным в 1980 г. по заказу Института повышения квалификации врачей «Фонтан» на Беломорской улице), выразить устремленность к высокому и одновременно предел этому стремлению (проект Красулина «Синодики» и проект Юрия Авакумова «Полярная ось»), нежную структуру живого (проекты биоморфных объектов Василия Павловского), и то, что живое перестанет быть живым, если его структуру жестко зафиксировать (геометризованные деревья-проекты Игоря Шелковского), взаимосвязь чисел «ПИ» и «е» и существование чисел Фибоначчи (проекты Александра Панкина). Современное искусство способно выразить «птицекрылость» и легкость физического усилия и организованность действий человеческого коллектива (проект Авакумова «Летающий пролетарий»), сделать зримым сложность, напряженность, взаимообусловленность «валентностей» гармоничных структур (проекты Вячеслава Колейчука), передать ощущение музыкальности простых абстрактных форм и чистых цветовых тонов (проекты Олега и Ольги Татаринцевых) и многое другое.

В городской и вообще урбанизированной среде России, ставшей для 70–90% населения естественной и главной средой жизни, и, в частности, в Москве, только очень редкие и дорогие светские здания и

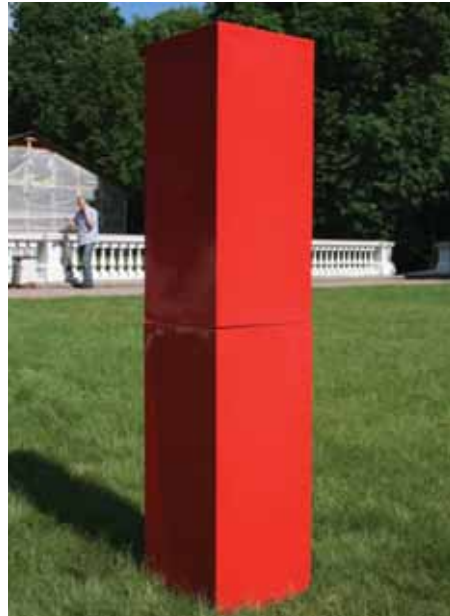
сооружения способны визуализировать и транслировать социуму и людям интеллектуально-духовные ценности. Это могут (могли бы) делать в десятки и сотни раз более дешевые в проектировании и производстве, чем уникальные архитектурные сооружения, другие элементы городской среды – непривычные и почти не представленные в Москве объекты современного искусства, проекты которых созданы многими замечательными российскими художниками и скульпторами. Традиционные, реалистические, привычные произведения монументального искусства эту задачу решить не могут. Это мой второй тезис.

Рискну предположить, что, если мысленно изъять из городской среды несколько сот существующих в Москве традиционных памятников и монументов (среди которых много любимых мной, например, памятники Пушкину, Грибоедову, Островскому, Щепкину во дворе Щепкинское училища), основной культурный код и «выражение лица» городской среды Москвы изменится не так значительно, как это кажется. Выше говорилось, что основная духовная функция традиционных произведений монументального искусства – символическое продление существования в современности и будущем того, что уже существовало, а также выражение эстетически прекрасного. Наряду с традиционными памятниками эти функции выполняет и в определенной степени дублирует сама городская застройка центра Москвы со зданиями разных эпох, стилей и различной степени сохранности. В этом плане традиционные произведения монументального искусства визуализируют и «повторяют» приблизительно «то же самое», о чем сообщает архитектурно-градостроительная компонента городской среды.

А вот если бы в Москве было несколько сотен качественных монументальных объектов современного искусства, визуализирующих в абстрактной пластической форме вечные цели и задачи человеческого бытия «как таковые», вне связи с конкретными личностями, событиями и религией, изъятие этого множества объектов из городской среды качественно изменило бы культурный код города (для визуального выражения религиозной цели существования человечества

> Ольга и Олег Татаринцевы. Красный столб (2009)

> Александр Панкин. Геометрия чисел ПИ и «е». Проект объекта для городской среды

примерно то же самое замечательно делает церковная архитектура, о роли которой говорилось выше). Этот мысленный эксперимент я привожу, чтобы показать, что объекты современного искусства в формировании нового, «дополнительного» ВЫРАЖЕНИЯ лица Москвы способны, в отличие от традиционных произведений монументального искусства, выполнить столь же значительную роль, что играют в Москве сорок сороков московских храмов. Конечно, произведения современного искусства способны выразить и транслировать социуму и зрителям и массу других, более «простых» смыслов, ярко выражающих любые эмоции и идеи (например, в период недавних выборов я видел в нескольких местах на стенах замечательно остроумную, острую и притом очень адекватную и производящую сильное впечатление посредством современного художественного языка листовку в поддержку Путина, а на площади Сахарова видел не менее яркие и остроумные плакаты против Путина, также воздействующие на зрителя средствами современного искусства). Язык и возможности современного искусства в этом плане универсальны и почти безграничны.

Тем не менее именно наиболее сложный и утонченный по языку и содержанию аспект миссии современного искусства, о котором я говорил выше, представляется мне самой интересной, благодарной, наиболее социально значимой и перспективной задачей, за решение которой властям города и художникам пришлось, по-моему, время взяться по-настоящему. Сегодняшнее градостроительно-архитектурное ЛИЦО Москвы посредством большого, а в будущем еще большего числа церквей визуализирует и транслирует только один духовно значительный и вечный смысл существования людей – религиозный. Необходимо представить в городской среде средствами произведений современного искусства и нерелигиозный «этаж» духовных и интеллектуальных целей и ценностей существования, связывающих человечество, каждого человека и Вселенную в одно целое. Появление в Москве нескольких сотен высококлассных, не обязательно очень дорогих объектов современного искусства спо-

собно качественно преобразовать существующую городскую среду в эстетически и интеллектуально более значительную и более адекватно представляющую спектр духовных целей и задач человека и человечества в современном мире. Думаю, что за 20–25 лет задачу изменения лица Москвы в обрисованном направлении можно было бы решить. И, если начать решать ее сейчас, как раз за 20–25 лет родится и вырастет поколение, которому абстрактный язык монументальных объектов современного искусства в городской среде станет привычен, интересен, понятен и нужен.

Что я предлагаю сделать

По моему мнению, в культурной и градостроительной политике Правительства Москвы, в архитектурном и художественном образовании следует пересмотреть отношение к произведениям современного искусства как к чему-то не основному, а факультативному.

Если понимание этого будет, целесообразно и возможно сделать следующее:

1. Создать в департаменте культуры правительства Москвы отдел произведений современного искусства в городской среде. Отдел подготовит для рассмотрения и утверждения городскую программу «Объекты современного искусства в городской среде» и бюджет по двум направлениям – текущему и перспективному.

2. Создать специальность (возможно кафедру) «Объекты современного искусства в городской среде» в художественных и архитектурных вузах Москвы.

3. Ввести в градостроительной политике и застройке золотое правило современной архитектуры: на одном-двух квадратных километрах площади города должны быть на стадии проектирования и строительства предусмотрены создание и установка качественного и стационарного объекта современного искусства (по крайней мере, место для этих объектов).

4. Было бы замечательно, если бы в Москве нашлась префектура, заинтересованная в сотрудничестве с художниками и скульпторами, готовыми реализовать свои проекты объектов современного искусства в городской среде.

Скульптура и разломы городского пространства

В сентябре 2007 года был заключен муниципальный контракт на создание концепции монументально-декоративного оформления Иркутска. Потребность в конструировании единого монументально-декоративного пространства стала очевидной после бурных дискуссий 2004 года, разгоревшихся в связи с установкой памятника Колчаку. Тогда не только место скульптуры, но и само ее существование было поставлено под вопрос. Была создана инициативная группа; в нее вошли тогдашний главный дизайнер Иркутска, архитектор А. П. Картопольцев, народный художник России, академик, профессор В. Г. Смагин, директор Музея декабристов Е. А. Ячменев. Именно Е. Ячменеву принадлежит заслуга подробного описания и инвентаризации всех городских памятников, которая была проведена в 2005 году. В списке оказалось около 70 объектов, что сильно удивило участников работы: им (да и не только им!) казалось, что памятников в городе мало.

Городская скульптура представлена отчетливо различающимися по форме и воздействию вариантами. Наиболее традиционной, авторитетной и широко представленной является монументальная скульптура. В памятниках императорам, политическим деятелям, выдающимся военачальникам и деятелям культуры утверждается государственническая идеология, привычная и для скульпторов, и для горожан. Сфотографированные в разных городах памятники позволяют увидеть, что до сих пор существует некое единое «скульптурное пространство России», конструирующее и поддерживающее сходные принципы их создания и сохранения. Эта идеология подпитывается продолжающими стоять на площадях и в скверах монументами, уже имеющими солидную историю. Высоко поднятые головы, размашистые многозначительные жесты возвращают зрителя к поэтике классицистского театра и его условности; эполеты, шинели, шпаги, ряды орденов или орденские планки безошибочно распознаются как предметные символы власти, а высокие постаменты и значительные размеры героев формируют феномен «дистанцированной созерцательности». Можно предположить, что именно она и «замыливает глаза» горожанам, оставляя эти объекты

вне поля их внимания. Неудивительно, что сугубо политизированная ориентация в оценках и заказах на иркутские проекты порождала поистине абсурдистские споры у жюри: в какую сторону должен смотреть бабр, исполненный Д. Намдаковым и С. Элояном (они стали фрагментом общей дискуссии о том, куда должен быть повернут бабр на гербе города).

Проблема эстетического качества монументальной скульптуры стерта отчасти из-за солидного возраста самих памятников, утверждающего их «как бы» художественные достоинства, отчасти из-за внехудожественной значительности прототипов или обстоятельств возникновения этих изображений. И в случае установки новых объектов критериями «приемлемости» проекта оказываются отнюдь не их художественные качества. Два примера из жизни сегодняшней: возле установленного на въезде в исторический квартал Иркутска антихудожественного бабра всю фотографируются (хотя с ней рядом и стоять-то страшно-ва-то!), а памятник первому губернатору Ножикову, преднамеренно поставленный практически на землю, вызывает у прохожих теплые чувства безотносительно к отсутствию внешнего сходства с прототипом.

В 2007–2008 годах творческой группой художников, архитекторов и дизайнеров был составлен список исторических событий и известных людей, которые «достойны увековечивания», подобраны градостроительные площадки для их установления. В декабре 2007 года разосланы письма в городские общественные организации с просьбой высказать свое мнение. Ответов пришло мало. Это обстоятельство тоже может стать предметом самостоятельного размышления. Но в начале 2008 года Городской думой была принята «Концепция размещения произведений декоративно-прикладного искусства и монументально-декоративной живописи на территории г. Иркутска». Она предполагала отведение определенных мест для размещения будущих объектов и их характеристики. Создатели документа особо подчеркивали значение связи будущих объектов с архитектурной средой: их должна характеризовать единая стилистика с архитектурой, «решенная согласованность функции архитектурного объекта и изображения». В документе точно определе-

текст и фото
Марина Ткачева

^ Откуда берутся томские дети?

^ Тепло ли тебе, девица,
тепло ли тебе, молодец?

ны основные понятия, на которых строится концепция (монументально-декоративное искусство, памятник, монумент, архитектурный памятник, памятный знак и т. д.), подчеркивается, что ее реализация призвана формировать неповторимый образ конкретного города. А. Картопольцев подчеркнул, что в документе не определяется конкретный стиль, жанр памятника, но устанавливается общее видение, контекст его существования и окружения.

В концепции нашли отражение исторические события, объекты и известные люди. Места установления объектов, по возможности, были определены непосредственно вблизи исторических «точек» городского пространства. Безусловно, это способствовало «освежению» городской памяти и хотя бы частичному возвращению исторического облика центральной части города. Эта категория памятников не вызвала и, по всей видимости, не будет вызывать особых протестов и дискуссий: статус Иркутска и его юбилей настраивали на торжественный лад. Так, мэрия была готова установить (или обновить) композиции на 22 «местах размещения» к 350-летию города. Из них 10 — это въездные знаки в административные округа, четыре — на въезде в город. Были заказаны памятники декабристам и первопроходцам.

В марте 2008 года мэр заявил, что нужно увековечить как можно больше «выдающихся современников», судьбы которых так или иначе связанных с Иркутском. В этот список вошли режиссер Н. Охлопков, конструктор М. Янгель, кинорежиссер Л. Гайдай, историк Н. Романов, танцовщик Р. Нуриев (родившийся в поезде вблизи Иркутска). Очевидно, споры и дискуссии может вызвать не столько список, сколько способы воплощения темы. Создатели концепции предложили открытые конкурсы как форму осуществления проектов. Из описанных предложений пока оказался осуществленным только конкурс на памятники декабристам и первопроходцам.

Наибольший интерес и наибольшую свободу в формах воплощения представляют скульптуры и знаки, не связанные непосредственно с выдающимися историческими деятелями и знаменитыми современниками («Легенда о Байкале и Ангаре», «Омуль с душком»,

«Клоуны», «Памятник влюбленным»). Такие объекты могут более успешно выполнять функцию организации пространства и интересной разнообразной рекреативной деятельности в нем. Уже сейчас есть прецеденты такого пространства: на перилах видовой площадки Нижней набережной гроздьями висят замки с выгравированными именами. Секрета никакого: после регистрации и венчания сюда приезжают новобрачные и оставляют «клятву верности» на чугунной ограде. Чем не памятник влюбленным? Кстати сказать, и в других городах, где мне приходилось бывать, есть нечто подобное или такое же (были бы перила!): Томск, Кореновск Краснодарского края, Кисловодск.

По рисункам Леонардо да Винчи В. Смагин спроектировал «Полет» («Крылья»), символизирующий единство науки и искусства. Он задуман не просто как символ ИРГТУ — место развития высоких технологий (по замыслу автора, памятный знак является не только монументально-декоративным произведением в конкретной архитектурной среде, но и раскрывает основные цели и задачи научно-исследовательского университета). Скульптура сама должна быть очень сложной, высокотехнологичной. Может, она будет кинематическая, может, будет двигаться, может, будет издавать звуки... Это было бы инновационным прорывом в городском мемориально-декоративном оформлении. Но с достаточной долей вероятности можно предполагать, что изящная идея так и останется проектом — не только из-за дороговизны, но главным образом из-за остро ощущаемой установки изрядной части молодежи на разрушение и варварское обращение с непривычными объектами. Преподаватель кафедры изобразительного искусства ИРГТУ недавно рассказал, что один из его студентов спроектировал для Ново-Ленино декоративный объект — бетонную стенку, специально предназначенную для того, чтобы ее раскрашивали и портили. По его наблюдениям, такой безопасный «выхлоп» социальной агрессии необходим.

В октябре 2009 года в Иркутском областном художественном музее имени В. П. Сукачева были выставлены проекты памятников декабристам и первопроходцам и основателям города Иркутска¹. Совершенно неожиданно проведение конкурса на лучшие проекты этих

1. См.: Ткачева М. Два конкурса к юбилею города // Проект Байкал. 2009. № 22. С. 82–83.

памятников вскрыли любопытные тенденции и разногласия в понимании их идей и значения.

Условия конкурса предполагали, помимо оценки профессионального жюри, голосование жителей города. Свободный вход на экспозицию способствовал активности горожан: в голосовании участвовало около восьмисот человек. После закрытия экспозиции итоги обсуждались профессиональным жюри художников, дизайнеров, архитекторов и историков.

Авторам было необходимо не только разработать проект, но и определить место будущей скульптуры и — по возможности — спроектировать обустройство территории вокруг нее. Место установки скульптуры — особая тема: ведь скульптура обладает не только собственно художественным качеством. Организуя пространство, она предполагает определенную динамику отношения к себе, проектирует активную деятельность в зоне памятника. И желательно, чтобы это пространство становилось все более цивилизованным. Размеры скульптуры, высота постамента, близость к зрителю конструируют пропорции монументальности и интимности. Участники сошлись во мнении, что памятник декабристам должен находиться на территории мемориального комплекса декабристов. Относительно памятника первопроходцам и первостроителям мнения разошлись как у авторов, так и в жюри. Большинство проектов предполагали размещение памятника в обустроенной зоне исторического центра на Нижней набережной. Возражения были весьма серьезными: добавлять еще одну скульптуру или скульптурную группу в пространство, уже насыщенное историческими объектами, в том числе и скульптурами, нецелесообразно. Было предложено расположить памятник там, где благоустройство Нижней набережной только начинается: и место еще пустынное, и от центра недалеко.

Неровным был уровень проектов: на конкурс памятников декабристам предложения были слабее, чем на конкурс памятников первопроходцам. Идеи (трудно говорить об окончательной реализации, так как большинство моделей демонстрировали признаки спешной работы) небесспорны. Даже проекты-призеры имели весьма существенные недоработки. У историков были также вполне обоснованные претензии к степени

исторической достоверности тех деталей, которые были использованы авторами. Конечно, художники могут трактовать тему обобщенно, но, если они ставят задачу создать образы, близкие к исторически достоверным, без точности в деталях им не обойтись.

Бросился в глаза тематический «перекосяк»: в проектах первопроходцам был сделан акцент именно на теме первооткрывателей. Но тогда возникает недоумение: что же, до прихода Ермака территория Восточной Сибири была необитаемой, ненаселенной? А где же коренное население, которое обустроивало землю до Ермака? Вместе с тем, если уточнить само название — не «первооткрывателям» и тем более не «покорителям», а строителям города, его зачинателям, тогда соответствие идеи и воплощения было бы более полным и адекватным.

На просмотре проектов было ощущение, что духовый оркестр играет бравурный марш: высоко поднятые головы, героические жесты, оружие в руках первооткрывателей и кресты у священников создавали настроение государственной ангажированности, идеологизированности. За малым исключением все проекты трактовали основание города как нашествие на Сибирь военных и (иногда) священников, несущих свет веры. Отсюда привычные атрибуты: кресты в руках священников, благословляющие и указующие жесты персонажей, ружья и топоры — все это создавало отчетливый привкус советской традиции монументальных памятников. Впечатление дополнялось запроектированными вокруг скульптуры газонами, по конфигурации напоминающими очертания военных наград и крестов, высокими постаментами и расположением в районе города, насыщенном официальными зданиями и храмами. Конечно, 350-летие города — важная дата; поскольку именно к ней была приурочена установка скульптур, сами они не могли не воплощать дух некоторой торжественности и официоза. Но памятник будет жить дольше, чем память о празднике, и его потенциальная культурно-моделирующая роль от излишней помпезности может весьма существенно пострадать.

Любопытен результат этого конкурса: на Нижней набережной стоит откровенно вторичный, выполнен-

^ Как бы мыслитель

- > Краснодарский край.
Расстаемся с прошлым
- > Собеседники

ный опять же в традициях середины пятидесятих годов XX века «мужик с ружьем». То ли завоеватель, то ли охотник; то ли агрессор, то ли миротворец? Постамент чрезмерно высок, что всегда вызывает определенное отторжение у зрителя. Да и зрителю уготована привычная пассивная роль.

Для сохранения жизнеспособности монументальной скульптуре в настоящее время уже недостаточно быть закреплением идеологических импульсов и напоминанием об исторических событиях. В полном соответствии с духом времени она впитывает мифологические токи, взбаламучивая иррациональные пласты исторической памяти, синкретически отзываясь на разломы времени и пространства.

Сегодня чрезвычайно велика мода на этнографию, нечто невиданное и экзотическое. Мне представляется, что в этом увлечении проявляется интуитивное тяготение к коллективному бессознательному, мифологическому. Возрастание интереса к предметам культуры, чуждой для Европы, стало буквально «маркой» XX и XXI веков. Этнографические элементы, связанные с непривычным образом жизни, ее трудностями, специфическими приметами этнических особенностей и типов, привлекают все большее внимание. Но конвергенция, которая представляется как сближение путей Африки и Европы, Запада и Востока, происходит и в плоскости пространственной, и «возрастной», исторической. Художники конструируют свой собственный мир, свободно путешествуя во времени и пространстве, используя архаические, символические и родовые образы, всплывающие в воображении. Наглядный пример – творчество имеющего мировое признание Даши Намдакова, о котором я писала неоднократно².

Наиболее показательным процессом смыслообразования выступает создание и распространение мифов, главными «действующими лицами» которых выступают скульптурные образы. Миф выступает как устойчивый способ объяснения чего-либо в общественной жизни, который «разумеется сам собою», используется автоматически, по привычке и укоренен в глубинах повседневной жизни народа или сословия. Сами события (или их интерпретация), которые «удостаиваются чести» мифологизации, должны быть общеизвестны (чтобы не было необходимости описывать их от начала до конца при упоминании) и достаточно значимы для местного сообщества. Они должны быть просты, «одно-

ствольны» для более-менее полного первоначального описания (возможно, в событии или предмете стихийно выделяется только один смысл). Мифы и их смыслы передаются изустно, что делает их и чрезвычайно подвижными, и устойчивыми одновременно. А фантазия передающего (или простой эффект «испорченного телефона») создают эффект легкого искажения смысла, переноса акцентов при интерпретации знакомого сюжета. Операция сравнения исходного смысла (или события, которое наблюдал человек) с интерпретацией доставляет слушателю и самому рассказчику особое удовольствие. Скульпторы выводят из коллективного бессознательного или впервые создают такие способы объяснения, описания и обоснования социально-значимых фактов, которые ранее не наблюдались и которые рождаются благодаря знакомству с ними.

Если распределение объектов в городском пространстве находится в ведении конкретных социальных, точнее – политических сил, то установление скульптуры как объекта, имеющего исключительно символический смысл, также подвержено влиянию этих социальных сил. Это символическое господство прочитывается как в топографии памятников, так и в их характере. В таком случае дополнением и – отчасти – нейтрализацией символического господства политических властей являются структуры гражданского общества, имеющие не имеющие возможность реализовать интенции общественного мнения относительно символических смыслов городского пространства.

В то же время, одним из существенных качеств городского образа жизни является значительная свобода, приобретаемая в результате концентрации искусств и знаний. Воспроизводство в сфере образования, культуры, проектирования происходит за счет человеческих инициатив и интеллектуальных источников. Таким образом, идеологическая «односторонность» городской скульптуры оказывается мнимой: в реальности message городской скульптуры и памятников, обращенный к зрителям, прочитывается ими в контексте многих других взаимодействий, в том числе и порожденных своеобразием городской жизни, а ее местонахождение сосредотачивается «на острие копыя», куда «все стекается, собирая и пронизывая собою все, а собранное проясняется и просвещается, высвобождаясь для сущности» (М. Хайдеггер).

Еще одна модификация городской скульптуры –

2. См.: ПБ № 14, 24, 32, а также статью К. Лидина «Живущий всегда» в ПБ № 17.

пленэрная, или уличная скульптура – имеет более короткую историю, чем привычно-монументальная. Как правило, она создана сравнительно недавно и имеет иную социальную нагрузку. Требуем ли мы от них художественности, являются ли они произведениями искусства в привычном значении слова? Совершенно очевидно, что нет.

Во-первых, такие скульптуры, если бы они делались знаменитым мастером, стоили бы весьма недешево. Поэтому они зачастую тиражируются (для уменьшения стоимости). А тиражность и до сих пор зачастую воспринимается как нечто несовместимое с художественностью. Но с тиражностью культурных объектов сознание современного человека постепенно свыкается, да и пространство, в котором они находятся, конструируется «в единственном числе».

Во-вторых, нередко городская скульптура создана даже не профессиональным скульптором, а просто человеком, знающим технологию плавки металлов или обработки камня. Ситуация напоминает многократно описанный в литературе по истории советского дизайна феномен 60-х годов XX века, когда люди могли украшать интерьер жилых помещений самодельными «картинами», «статуями» и т.п. Нередко результат был интересен именно потому, что он выглядел как «портрет» создателя, отпечаток его творческой активности, а творческий процесс в настоящее время иногда ценится выше его результата.

В городской скульптуре груз смысла несут вовсе не художественные качества объектов. Наибольшей популярностью пользуются отнюдь не самые инновационные и художественные объекты, а наиболее простые: чем обобщеннее образ, тем мгновеннее узнавание; такие образы плотно вписываются в ритм городской жизни, подгоняющей человека, исключая возможность длительного созерцания. Роль скульптуры нередко выполняют «натуральные макеты»: пожарные машины, «катюши», танки... Их можно найти практически в любом российском городе, в Монголии и Испании, Венгрии и Болгарии.

Возле музейного комплекса «Усадьба В. П. Сукачева» на наклонной плите стоит танк – память об участии иркутян в Великой Отечественной войне. Его обלאзали все мальчишки и подростки; иркутяне даже остановку городского транспорта именуют «У танка». Очень популярен миф, что знаменитые гости

(Е. Евтушенко) «самоходом» снимали его с постамента и ездили на танке ночью по городу. Миф весьма устойчив (есть даже «свидетели», самолично наблюдавшие это событие), несмотря на то, что двигателя у танка не было с момента его установки на пьедестал, а сама реальная история выглядела совершенно иначе.

Насыщенность городской скульптуры социальными смыслами дополняется рядом специфических особенностей, порожденных ее взаимодействием с другими видами художественной деятельности. За их счет расширяется спектр композиционных средств и приемов художественной выразительности. Как элемент городского пространства, скульптура взаимодействует с архитектурой и дополняет ее, подчас становясь альтернативным акцентом. Такое происходит, если архитектурная среда скучна, однообразна и рутинна (как это бывает в районах городской массовой застройки). Даже самые незамысловатые скульптурные «вставки» превращаются в активно осваиваемые жителями места: персонажи мультфильмов, небрежно развалившиеся на уличных лавочках; птичка, присевшая на спинку скамьи; две ретродамы из папье-маше, беседующие перед входом в кафе... К сожалению, почти все это не у нас. Разве что яйцо, кошка на ограде (перекресток ул. Степана Разина и Марата) и сквер около стомцентра за Русско-Азиатским банком на ул. Ленина.

Об этом уголке города стоит сказать подробнее. Я назвала его «от Биг-Бена до Родена». И в самом деле: где еще можно обнаружить по соседству трех мифологических восточных обезьян («не вижу, не слышу, не говорю»), копии двух статуй Родена, какую-то псевдоантичную группу ангелочка с богиней, читающих детей на лавочке, фонтан с лебедями, да еще целых две коровы! В соответствии с сезонными потребностями здесь, вдобавок ко всему, появились ледяные скульптуры зверей и детские горки. Этот густой микс, весьма напоминающий китайские города, высветил еще одну особенность, связанную с климатическими условиями нашего города: очень странно выглядят заснеженные обнаженные тела роденовских возлюбленных и мыслителя, напоминающего питекантропа... Хорошо хотя бы то, что здесь не скучно. И пофотографироваться есть с кем.

Подчас простота замысла доходит до абстрактности; тогда проявляется еще одна особенность уличной скульптуры и, возможно, ее главная ценность – свобо-

< Новосибирская студентка и ее окружение

< Пасха

З. См.: М. Рожанский.
Имперский воск: семь историй из жизни иркутских памятников // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.

в Новосибирск. Третьим будешь?

да самопроявления людей, взаимодействующих с этими объектами. Чем проще идея, тем большей универсальностью характеризуется деятельность, организуемая вокруг них. А свобода проявления намерений людей в поступках, имеющих публичный характер, прямо соотносится со степенью допустимого вольнодумства и эпатажа, в первую очередь отличающего поведение молодежи и подростков. Вместе с тем действия, которые провоцирует городская скульптура, делают очевидным качество культурных привычек разных слоев населения, наглядно указывают границу дозволенного и недозволенного, конструируя тем самым особую поведенческую реальность.

Таким образом, действия людей вокруг «каменных гостей» гораздо более показательны, потому что проявляют их понимание памятников и смысла их возведения. Несомненно, у скульптуры малых форм значительно больше возможностей для того, чтобы вписаться в новый для себя контекст активной городской

среды, нежели у монументальной скульптуры. Вместе с тем, если говорить конкретно об Иркутске, то влияние властных импульсов и императивов сказывается и на «неформальной» скульптуре. Пожалуй, единственным и образцовым примером такого влияния стала многосерийная история с яйцом на ул. Канадзавы³. Итак, в скульптурных объектах городской среды я вычленила три среза смыслов: официально-идеологический, возрождающийся и модифицирующийся мифологический, повседневно-обыденный. У каждого из них – свое предназначение и поддержка. Очевидно, что если в монументально-декоративном оформлении города будут реализовываться только идеологические смыслы, то увеличится его унылое сходство с другими городами, но цель, которая была заявлена в концепции – создать его своеобразный облик, «лица необщее выражение» – достигнута не будет.

^ Проект
Даши Намдакова и
Сергея Элояна

Про бабра

Осенью 2012 года иркутская интеллигенция была взбодражена появлением этого ластоногого чудовища. Да и чего ожидать? И установили его втихую, и на месте захоронения именитых граждан, в том числе и первого губернатора Фраундорфа (по крайней мере, мнение существует именно такое)... Да и сама по себе скульптура достоинства имеет сомнительные, особенно если рассматривать ее с тех точек, откуда вообще можно рассмотреть: со стороны исторического квартала – видишь, извините, задницу. Со стороны трамвайной линии и Крестовоздвиженской церкви – цинично задранный хвост. А уж мордагеральдического зверя сделана, видимо, для сугубого устрашения горожан и особенно гостей города. Со всех сторон – символ. Что сей символ означать должен?

Известно, что были проекты и до него. Самый известный – Намдакова и Элояна. И как ни старались художники и произведение искусства создать, и требованиям начальников угодить, – нет, не получилось. И стыдно никому не стало. А репутация города – да кому она особенно-то интересна? Она уже сложилась. По другому поводу я уже писала, что есть события, в которых кристаллизуются ключевые смыслы. Установка бабра (я решительно отказываюсь писать его с заглавной буквы!) – из числа именно таких. Приветствую Сергея Шмидта, который натолкнул меня на эту небольшую реплику (см.: Иркутская Торговая газета. 2012. № 38, 39. – itg.irkutsk.ru).

Итак, выбор между знаменитым художником и осуществленным уродцем сделан. Смеем думать, что Намдаков – художник, понимающий цену себе и своим скульптурам, – запросил не самую маленькую сумму за своего не очень геральдического, улыбчивого и расположенного к людям тигренка. А уж предложенный вращающийся постамент! Увольте – если не вслух, то про себя, возможно, воскликнули блюстители крепкой вертикали власти и официоза во всех его проявлениях. Это что же: его хватать будут и поворачивать, как кому вздумается?

Я поймала себя на мысли, что именно соображения и догадки меркантильного порядка приходят в голову прежде всего. Но если посмотреть на этот объект (не

решаюсь назвать его по-другому) через очки уже существующих изображений, воздвигнутых в городе за последний десяток лет, то какой-то единый замысел прорисовывается. (Я исключаю простенький символ на улице Канадавы: он установлен не нами, и все его приключения многожды описаны.) И пусть субъективное, но вполне возможное объяснение общего смысла в контексте смутных, непроговоренных настроений Иркутска тоже появится. Мне оно видится так.

Долгое время, как мы знаем, количество «неофициальных» скульптур было равно двум: уже упомянутое яйцо и недалеко от него расположенная «беседка» (тоже, кстати, японского происхождения). В других сибирских городах уже были неформатный Чехов, водопроводчик, вылезавший из люка, младенец в капусте. А в Иркутске на постаменте «мечты импотента» вознесся все тот же Александр III. Конечно, молодежь и в нем находила иронию, но потереть его нос или даже схватиться за саблю – руки коротки! И монументальное изображение Колчака стоит себе в пределах ограниченного доступа: смотреть смотри, а трогать не смей.

текст
Марина Ткачева

фото
Марина Ткачева
Мария Носова

v Вот он, наш «герой». Скульптор Наталья Бакут, архитектор Ольга Смирнова. Установлен на въезде в 130-й квартал на месте лютеранского кладбища и мемориального камня с надписью: «Здесь будет памятник декабристам»

^ Турист

^ Первый новосибирский светофор – и уже немного того...

^ Корова

А вот новинки последних лет. Памятник первопроходцам. Я имела возможность наблюдать обсуждение проектов. Бросалась в глаза их какая-то туповатая вторичность и непроработанность. И вот установили. «Возвышенный» постамент, размашистые жесты. В проекте был еще нос корабля. А летом я побывала в Твери. И там, на набережной Волги, стоит... наш первооткрыватель (ну, не совсем, но о-о-очень похож!). И нос корабля – бронзовый, со смотровой площадкой над ним) наличествует. Только эта скульптура отлита в 1955 году и изображает она Афанасия Никитина. Не хочу никого обвинять в плагиате; выбирали, конечно, тот проект, который был получше. Но симптоматично само направление мысли и представление о «нужном» и «подходящем». Замечу в скобках, что самым интересным мне показался проект, изображающий очень стилизованный нос корабля, да еще из стекла. И никаких мужиков в малахаях. Боюсь даже вообразить, что будет, когда дело дойдет до памятника декабристам.

Реализован проект скульптурной группы в память Леонида Гайдая – сразу же страшное предупреждение: на колени автору тройки комиков садиться нельзя, сломается! Возле ИрГТУ не летит смагинско-леонардово «Крыло», хотя где же ему и быть, как не здесь, возле исследовательского университета?

Но уже появились некие неформальные скульптуры. Турист, гитара, кот (или кошка?) на ограде (угол улиц Степана Разина и Марата). «Самым иркутским уголком» мне кажется место за бывшим Русско-Азиатским банком, на территории стоматологического центра. Здесь Биг-Бен соседствует с Роденом. Роден представлен уменьшенными копиями «Мыслителя» и «Поцелуя». Присутствуют также две коровы (одна установлена довольно давно, другая – сравнительно недавно); лавочка с двумя пухлявыми амурчиками, которые держат веночки; еще лавочка с тремя сидящими на ней восточными обезьянками, еще лавочка с читающими детьми. А уж фонтан с лебедями – прямо как на клеенчатых ковриках времен Труса, Балбеса и Бывалого! От всего этого великолепия веет отчетливой иронией,

которая возникает в точке пересечения столь разных эпох, стилей, символов. Слегка утешает то, что всюду можно залезть, в ухе коровы поковырять, книжку вместе со скульптурными мальчиком-девочкой почитать.

Что же здесь типично иркутского? А вот как раз это: непереваренное соединение, «смесь французского с нижегородским» и китайским, не доведенные хотя бы до мало-мальской гармонии. И еще – вторичность: мы делаем то, что в других местах уже есть, что уже освоено (вот зонтик Чехова в Томске никому не приходит в голову ломать!), ну, значит, и у нас тоже чего-нибудь этакое дозволено. Вот копию Родена установить – это можно, это уже освящено авторитетом, это уже считается красивым. И уж если устанавливать бабра – то как можно ближе к геральдическому, чтоб похож был!

Инновации – пусть даже их авторами являются Намдаков, Элоян или Смагин – не находят себе места в сознании иркутян. Неважно, что иркутяне в данном случае – это представители власти. Уж если горожане вверились властям и не высказывают своего недовольства, мирятся со всем предложенным, – значит, только (или почти исключительно) эта власть и является настоящими иркутянами. А остальные – так, «пиплы, которые хавают» то, что им дают или подсовывают.

Но в отместку за «пиплов» – вот вам: гитару регулярно ломают, в рот Вампилова суют бычок сигареты, губы у бюста Ленина (возле «Сезона») раскрашивают помадой. Ректор БГУЭП М. А. Винокуров как-то оговорился, что одной из причин неустановки скульптуры Намдакова «Девушка со звездой» явилась боязнь, что ее испортят, сломают. По этой же причине декоративную инсталляцию в вестибюле БГУЭП огородили цепями. Так что тревожные звоночки в отношении к общественным ценностям имеются, и не только в Иркутске: 14 января в СМИ прошло сообщение о вандализме, учиненном в Петербурге по отношению к ограде Троицкой набережной.

Варварство – это оборотная сторона отсутствия «чувства города». И больше говорить не хочется!

объект номера / object of the issue

Двор в Красноярске

Двор в Красноярске

Южный берег Енисея

Проект благоустройства двора внутри многоэтажной застройки был поручен проектировщикам фирмы «Сады Семирамиды» в 2007 году заказчиком и подрядчиком ЗАО «Южный берег».

Произошло это вскоре после того, как проектная мастерская братьев Добролюбовых «Ардис» выполнила стадию «технический проект» на жилой комплекс. Комплекс должен был вырасти на территории судостроительного завода, размещение которого в центре города на берегу Енисея признано нецелесообразным и для которого генпланом было предусмотрено другое место, за городом, ниже по течению реки. Заказчик все еще постепенно выкупает территорию и возводит на ней жилые дома. Так что жилье на первых порах оказалось рядом с еще работающими цехами на соседних участках.

Название комплекса – «Южный берег» – связано с географией места. Если взглянуть на карту, то легко убедиться, что территория жилого комплекса действительно оказывается с южной стороны Енисея: река течет с юга на север, но именно в этом месте поворачивает на северо-восток.

Проектировщики «Ардиса» выполнили раздел благоустройства в составе своего проекта и отразили в нем морскую тематику (детские игровые комплексы, напоминающие корабли и маяки). Все малые архитектурные формы предусматривалось сделать по индивидуальным проектам.

Тем не менее заказчик обратился в специализированную фирму «Сады Семирамиды» к специалистам, занимающимся конкретно ландшафтом, уровнем земли. В данном случае это была не везде земля, а по большей части кровля: во всех четырех углах квартала детские площадки и какое-то озеленение должны были располагаться на кровлях закрытых автопарковок, расположенных в нижних этажах зданий.

Тема «юг, тепло» была заложена заданием на проектирование, и ландшафтные архитекторы выполнили два концептуальных варианта, раскрывающих ее по-разному. После бурных, совместных с ландшафтно-архитектурными специалистами обсуждений заказчик выбрал вариант под названием «Калейдоскоп», ассоциативный ряд которого

основывался на трех китах: солнце, море, пляж.

Решаться это должно было с помощью цвета и новых материалов. В качестве такого материала, который еще никогда не использовался в Красноярске, для покрытия детских площадок была выбрана резиновая крошка «Сэндвич-Гумибо». А для того чтобы на кровлях могли расти не только цветы, но и кустарники, предлагалось возвести подпорные стенки. В игровых комплексах, в отличие от проекта «Ардиса», было предложено использовать типовые малые формы, но разные в каждом углу. Их соответствие теме достигалось скорее цветом, чем формой. Все линии плана плавные, «песчано-морские» – так, чтобы это контрастировало и смягчало жесткие линии окружающих многоэтажек, а из окон виделось радостным цветным ковром хотя бы в бесснежное время года.

Приподнятые над кровлями подпорные стенки призваны предохранять зелень от соблазна припарковать на ней автомашину в снежное время года. В центре двора, уже на земле, расположилась спортивная площадка и скейтотдром. Зимой горки игровых комплексов и спортивные площадки при желании могут быть залиты льдом, в центре двора предусмотрено место для установки новогодней елки.

Зелень на уровне земли и в двухъярусных подпорных стенках подобрана подробнейшим образом, с указанием латинских названий растений. Все они ассоциативно связаны с югом. Из доступного в сибирском континентальном климате ассортимента выбирались широколиственные и светлолиственные кустарники и деревья, а где позволял уровень освещенности появились и цветные акценты – пестролистные и пурпурнолистные формы. На нижних подпорных стенках, где толщина грунта была для кустарников маловата, предложено высадить многолетники. Был подробно проработан «пирог» зеленой кровли в емкостях, находящихся внутри подпорных стенок.

Реализованный проект благоустройства получил самую высокую награду в одной из номинаций на проходившем в октябре 2012 года в Москве конкурсе ландшафтной архитектуры.

название проекта

«Благоустройство квартала в жилом комплексе "Южный берег" в Красноярске»

заказчик
ЗАО «Южный берег»

исполнитель
Проектно-производственная фирма ООО «Сады Семирамиды»

авторы
ГАП Ольга Смирнова, архитектор Ольга Сорокина, при участии архитектора Татьяны Зверевой

проектирование
2007, 2009 гг.

строительство
2009–2010 гг.

площадь территории внутри квартала

4,2 га, в том числе эксплуатируемой кровли парковок 1,5 га

площадь озеленения

2,4 га, в том числе зеленые кровли

мошение

1,8 га, в том числе спортивные площадки 0,2 га

КОММЕНТАРИЙ АРХИТЕКТОРА

Когда проект давно уже был у заказчика и мы занимались другими делами, к нам в офис пришла женщина из проектного бюро «Южный берег» с просьбой согласовать проект корректировки наших стенок. Эта их корректировка предполагала замену наших «извилистых» стенок на металлические круги, в которых будут посажены какие-нибудь цветочки. Объяснила она это тем, что Добролюбовы, дескать, неправильно рассчитали перекрытия, и теперь они не выдержат того, что мы на них нагрузили в соответствии со своими замыслами. «Ну вот опять. Хотелось как лучше, а получилось, как всегда», – подумала я и сказала: «Делайте, как хотите, но согласовывать я ничего не буду: то, что вы предлагаете, это уже ваш проект, а не наш».

И покатила жизнь дальше со своими удачами и проблемами. Об очередной неудаче постаралась забыть.

И даже когда выросли на другом берегу Енисея рыжие башни, не ездила смотреть на их дворы: зачем в очередной раз расстраиваться?

Но в прошлом году пришлось встретиться с тем же заказчиком уже по другому поводу. Вот тогда-то я и узнала, что благоустройство все же было выполнено по нашему проекту.

– Эх, и костерили же мы вас, Ольга Федоровна, когда заказывали опалубку для подпорных стенок в Германию! – сказали мне при встрече. – Но зато теперь это самое популярное место во всем районе. В этот двор жен с детишками на джипах привозят, как в парк. На спортивную площадку записываются заранее: такой на нее спрос. Команды сформировались по симпатии. Играют страстно, соревнуются. Мамы с колясками кочуют с площадки на площадку. Утром они все собираются здесь, вечером – в этом месте».

– Это они за солнышком двигаются, – сказала я.

А про то, что популярность спортивных площадок так велика от того, что вокруг не хватает подобной инфраструктуры, говорить не стала: слишком это показалось мне очевидным.

– Но прогорели мы на этом благоустройстве сильно: очень дорого оказалось. И опять вас, Ольга Федоровна, ругали: ведь был другой вариант, не такой дорогой, так вы же убедили нас, что этот лучше!

Но я промолчала. Конечно, я знала, что строительство, в том числе и неизведанное, обходится в жизни дороже, чем сумела посчитать смета... Но наша мечта была и остается – делать как можно лучше для горожан. Вот и делаем, что можем, чем можем и там, где возможно.

Ольга Смирнова
автор проекта

название проекта

«Жилой комплекс "Южный берег"»,
первая очередь строительства

заказчик

ООО «УСК "Новый Город"»

проектирование

ООО «Ардис»

авторы концепции благоустройства

ООО «Ардис», ООО «Сады Семирамиды»

строительство

октябрь 2011г.

КОММЕНТАРИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПСИХОЛОГА

Являются ли товаром человеческие эмоции? В каких-то случаях ответ очевиден. Собираясь в кино, на концерт или спектакль, мы не ждем, что несколько часов эмоций достанутся нам бесплатно.

Иное дело – эмоции, которые доставляют нам городские пространства. Почему-то кажется, что комфортное, насыщенное радостью общественное пространство горожане должны получать безо всяких затрат, за счет неких доброхотных благодетелей...

Между тем в современном городе яркие, динамичные эмоциональные состояния – не просто источник удовольствий. Эмоции стенического ряда (энергичные, горячие, цветные) так же необходимы, как витамины. Без них начинается упадок интереса к жизни, пессимизм, уныние. Все, что называется модным словечком «депрессия». Или еще более новым термином – «аутизм». Это такое состояние

души, когда человек не хочет больше находиться в общей для всех физической реальности, а уходит внутрь себя, в свою собственную реальность, обрывая все социальные связи.

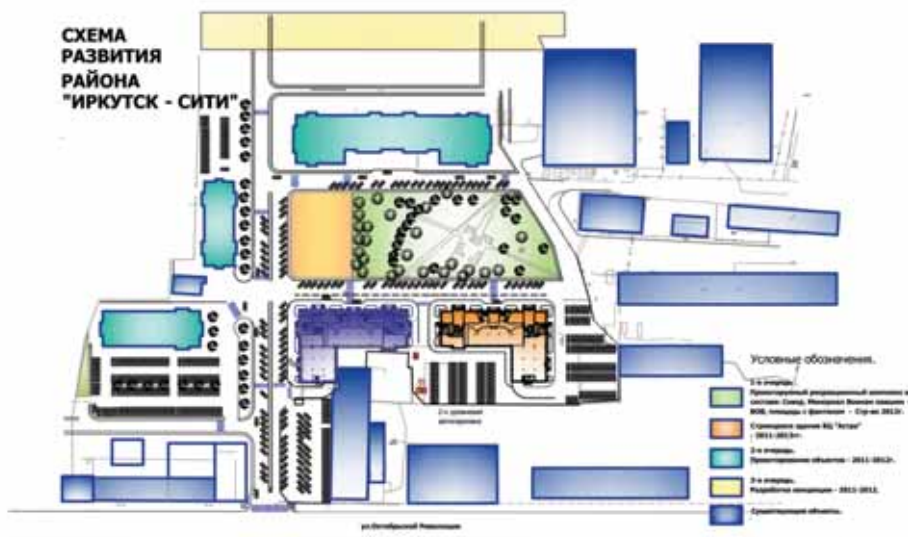
Аутистические расстройства, особенно среди детей, растут с жуткой скоростью – в три раза за последние десять лет.

Есть мнение, что одним из немногих эффективных способов борьбы с аутизмом является архитектура. Тут можно вспомнить нашумевший в 2000 году проект А. Чернихова и Н. Щербаковой – специальную школу для детей-аутистов. Есть еще несколько похожих по свойствам объектов: школа в Москве К. Шехояна, школа в Иркутске Е. Григорьевой, детский сад в Санкт-Петербурге С. Шамова. Все это – индивидуальные проекты, которые обошлись заметно дороже, чем типовые стройки. И данный факт никого не удивляет.

Так что появление архитектурных объектов, помогающих бороться с социально-психической цингой, вполне обоснованно. В том числе – экономически. Поймите меня правильно, я же не предлагаю брать плату с тех, кто приводит детей поиграть на площадку Ольги Смирновой. Хотя это было бы справедливо. Но, слава богу, находятся еще доброхотные благодетели, хотя и с руганью, и с претензиями, но соглашающиеся оплачивать сверхнормативные расходы ради общественного психического здоровья. И кто знает, что бы с нами всеми было, если бы не архитекторы-энтузиасты, которые сквозь ругань и претензии реализуют такие вот витаминизированные общественные пространства.

Константин Лидин
социальный психолог

Проект сквера на территории делового центра «Иркутск-Сити»

текст
Андрей Большаков

авторский коллектив
Андрей Большаков
Валерий Васильев

Проект принял участие в конкурсе на III Российскую национальную премию по ландшафтной архитектуре и садово-парковому искусству, проходившем в октябре 2012 года, и стал победителем в номинации «Лучший общественный нерезализованный или концептуальный проект открытого общественного пространства площадью менее 1 га».

В декабре 2011 – феврале 2012 года группа компаний «Актив», партнер завода им Куйбышева, проводила в городе конкурс на проектирование рекреационно-мемориального комплекса на территории делового района Иркутск-Сити. По результатам голосования победил эскизный проект ООО «Лаборатория культуры ландшафта и городской среды», выполненный архитекторами А. Г. Большаковым и В. О. Васильевым. Была разработана рабочая документация, уточнен эскиз.

Градостроительное положение

Градостроительное положение проектируемой площадки – в ядре формирующегося административно-дело-

вого комплекса «Иркутск-Сити» на территории бывшего завода тяжелого машиностроения в Иркутске. Район Иркутск-Сити ограничен ул. Октябрьской революции с юга, ул. Энгельса в створе моста через реку Ушаковку с востока, берегом Ушаковки с севера и проездом Литейщиков с запада. В настоящее время построено и введено в эксплуатацию административное здание «Терра», состоящее из двух башен в 8 и 10 этажей, соединенных трехэтажным подиумом. Такое же здание возведено строительной коробкой, расположено по той же оси, вдоль улицы Октябрьской революции к востоку от «Терры», носит название «Астра». Перед данными зданиями находится площадка проектируемого сквера размером 54 м в ширину и 150 м в длину.

Ландшафтное местоположение

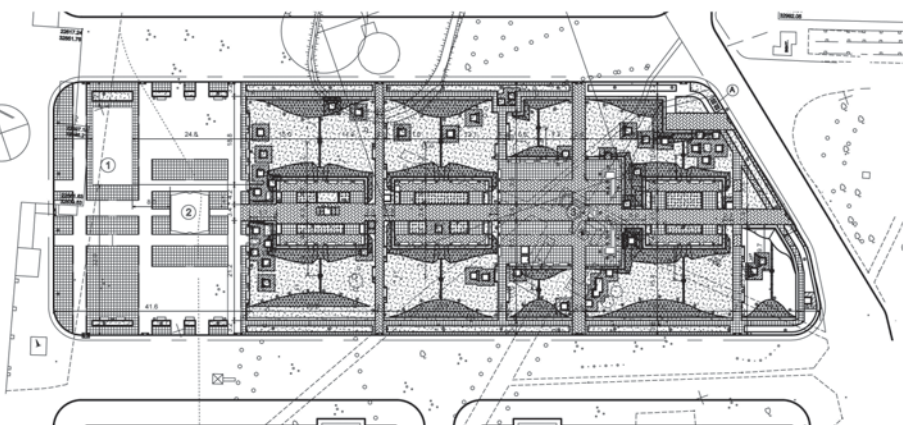
Площадка находится на прибрежной территории реки Ушаковки. В процессе эксплуатации территории заводом на площадку был отсыпан слой насыпного грунта мощностью более 2 м во избежание подтопления и затопления территории паводковыми водами Ушаковки.

По имеющимся у заказчика планам сразу за сквером будет строиться еще одно офисное здание. В перспективе площадку сквера целесообразно будет связать пешеходной связью с набережной Ушаковки, которая пока никак не благоустроена.

Поверхность площадки относительно ровная. Подземные воды залегают на глубине 427,5-427 м. Техногенные грунты залегают с поверхности до глубины 2,8 – 3,4 м. Это говорит о том, что производилась подсыпка поверхности во избежание ее подтопления. Близость грунтовых вод позволяет осуществлять сток ливневой канализации и воду, поступающую на поверхность с целью полива газонов. Воды, которые будут использоваться для полива газонов, и дождевые воды, естественно, должны быть чистыми (после фильтрации через устраиваемые газоны).

^ Рис. 1. Генеральный план проектируемого сквера

v Рис. 2. Ситуационный план проектируемой площадки на территории делового района Иркутск-Сити, адрес ул. Октябрьской Революции, 1/4

↙ Ситуационное положение проектируемого сквера.
 1 – проектируемый сквер; 2 – здание существующего автовокзала;
 3 – офисные здания бизнес центра «Иркутск- Сити».
 Стрелка показывает перспективную связь сквера с будущей набережной реки Ушаковки

Существующее использование

На площадке имеются зеленые насаждения и мемориал, посвященный воинам-заводчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Мемориал состоит из стелы высотой около 7 м и двух мемориальных стенок, на которых прикреплены доски с выбитыми именами погибших воинов. На стеле и боковых стенках имеются барельефы, с изображением сцен Великой Отечественной войны. Главная ось мемориала (с юго-запада на северо-восток) была изменена.

На площадку заходит южная часть мазутохранилища, которое из-за отсутствия в нем необходимости будет убрано. Также будет удалена свалка строительного мусора на том месте, где проектируется площадь в составе сквера. Существующие насаждения представлены полосой вязов на границе будущей площади и сквера, дугой насаждений, преимущественно кленов и вязов. К востоку и северо-востоку от мемориала посажены ели, а к юго-востоку расположена высокая осветительная мачта, которая будет удалена из-за неудовлетворительного состояния конструкций.

Транспортный проезд вокруг сквера

Вокруг площадки сквера отсыпано полотно местного транспортного проезда, которое поднялось над существующей поверхностью в среднем на 1,5 м. Вертикальная планировка проезда шириной 12 м с юга и с севера, 19 м по проезду Литейщиков, организована так, что по южному отрезку ливневой сток собирается с перекрестков дороги к ее середине и между зданиями «Терра» и «Астра» уходит в ливневую канализацию по ул. Октябрьской Революции, а по северному отрезку – зеркально противоположно – посередине отрезка отметка поднята до 431.60, и спускается до 431.30 на концах отрезка. Таким образом, с южных перекрестков вода стекает по боковым отрезкам дороги вокруг сквера на северные перекрестки с перепадом 30 см при протяженности отрезков 65 м. Факт возвышения транспортного проезда над площадкой проектируемо-

го сквера имеет большое значение, так как поверхность сквера необходимо будет поднять на уровень окружающей дороги.

Инженерные коммуникации на площадке

Важную роль в определении параметров пространственной формы сквера сыграло также то, что теплотрасса, обеспечивающая теплом офисные здания, проходит в нескольких метрах от тротуара по площадке будущего сквера. Теплотрасса положена в лотке, низ которого находится на базовой поверхности 430, а верх конструкции лотка на отметке 431.39. Поскольку украшение лотком теплотрассы не входит в концепцию сквера, принято решение его засыпать грунтом, спрятать под газоном. Для этого также пришлось поднять нижнюю отметку поверхности газона и отодвинуть вглубь участка одну секцию бокового откоса.

Существующие насаждения

На площадке проектируемого сквера растут боярышник, вязы, клены, ели, кедры, рябины, тополя и другие растения. 39 деревьев в плохом состоянии решено вырубить. Сохранено будет 48 деревьев.

Генеральный план и архитектурно-ландшафтная и функционально-планировочная концепция организации сквера

В функциональной организации территории выделяется площадь – место массовых мероприятий, устройства развлекательных программ, зона тихого отдыха с зелеными комнатами, аллеями и газонами и мемориальная зона, посвященная воинам – заводчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Структура пространства и пространственная композиция сквера строится на анфиладной компоновке площадок на главной продольной оси – променаде. В цепочке площадок – главная площадь с двумя архитектурными акцентами – павильоном кафе и фонтаном, от нее на променаде расположены три рекреационных

^ Рис. 3. Перспектива главной променады, завершенная вертикалью стелы, посвященной героям Великой Отечественной войны. Эскиз, выигравший в конкурсе концепций сквера в апреле 2012 г. Архитекторы А. Г. Большаков, В. О. Васильев

^ Рис. 4. Проект сквера в районе делового центра Иркутск-Сити. Общий вид. Архитектор А. Г. Большаков

> Рис. 5. Общий вид одной из зеленых комнат, нанизанных в виде анфилад на главную променду. Окончательный вариант планировки. Архитекторы А. Г. Большаков, В. О. Васильев

v Рис. 6. Проектируемый дендроплан. Архитектор А. Г. Большаков, дендролог Т. Л. Якушева

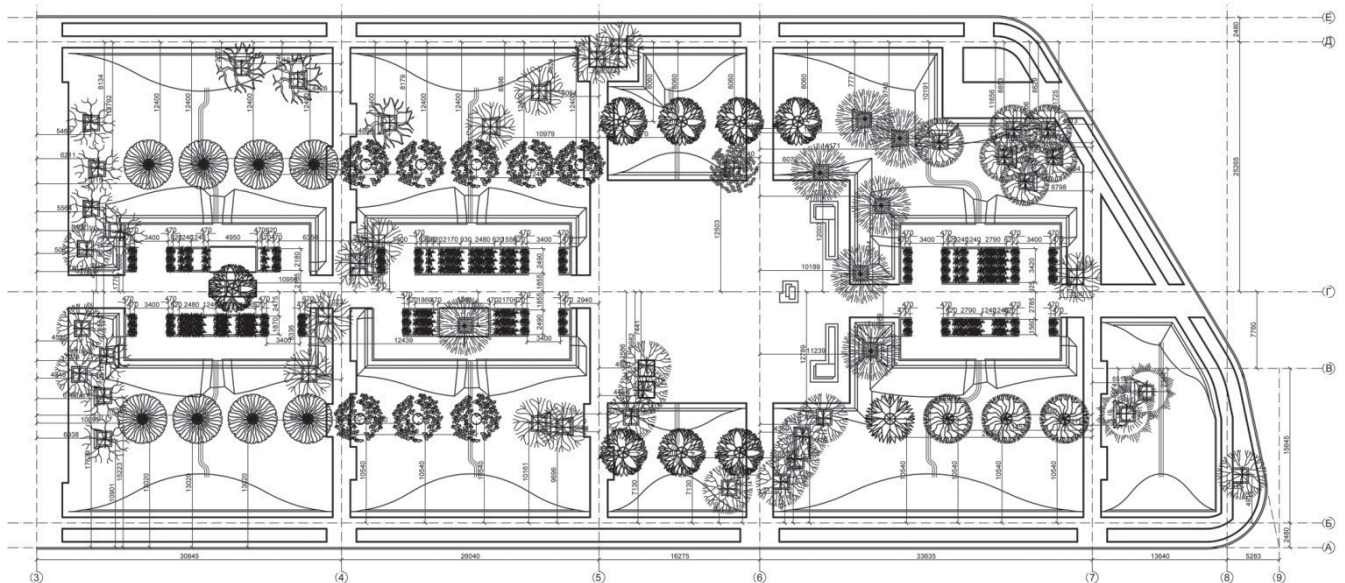
площадки – зеленые комнаты и площадка мемориала. Променада и площадки обрамлены газонами со сложной пластичной поверхностью. Газоны образуют пять ячеек с правой стороны по направлению движения от главной площади к площадке мемориала и четыре ячейки с левой стороны. Геопластика газонов строится на основе сопряжения волновой поверхности, в которой гребни и ложбины чередуются в продольном направлении, с боковыми откосами периметрального тротуара и площадок на променаде. Каждая газонная ячейка получается двойкой кривизны, в продольном и поперечном направлении.

Композиция насаждений включает существующие две полосы – на границе площади и зеленой зоны и дуга вокруг мемориала – и два новых ряда деревьев, образующие аллею вдоль променады. За мемориалом располагается группа существующих елей. В итоге

зеленые древесные насаждения образуют решетку, с доминированием продольного направления и акцентом из елей за мемориалом.

Таким образом, в основе планировочной структуры лежат ячейки с твердыми покрытиями: площадь, три зеленых комнаты, площадка мемориала и ячейки газонов. Газоны имеют планировочные границы, образованные по периметру сквера тротуаром, поперечными дорожками, идущими по названным осям и разбиваются главной променадой на 9 ячеек – четыре с северной стороны и пять с южной стороны. Газоны имеют специальное устройство, о котором будет сказано ниже. Планировочные узлы сквера – три архитектурных объекта: павильон кафе, фонтан на площади, мемориал.

Основная поверхность газона в продольном профиле имеет форму волновой поверхности. Сопряжение

^ Рис. 7. Один из узлов архитектурной организации пространства сквера – фонтан на главной площади

^ Рис. 8. Второй архитектурный узел пространства сквера – павильон кафе

боковых откосов с главной поверхностью газонов осуществляется таким образом, что фигуры бокового откоса периметрального тротуара представляют собой сегменты, ограниченные дугами окружностей. Откосы у «зеленых комнат» по главной променаде имеют более сложную форму с устройством на поперечной оси откоса ложбины, ведущей к дренажной канаве.

Тротуары сквера представляют собой узкие бульвары, шириной 3,2 м, посередине которых пролегает полоса газона шириной 1,4 м (рабатка). Периметральный бульвар, таким образом, разбивается рабаткой на внешнюю и внутреннюю дорожки.

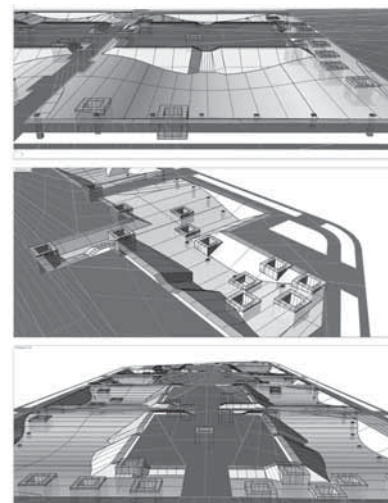
Павильон кафе располагается в северо-западном углу площади. Фонтан расположен по центральной оси площади, ближе к ее восточной границе.

Геопластика поверхности

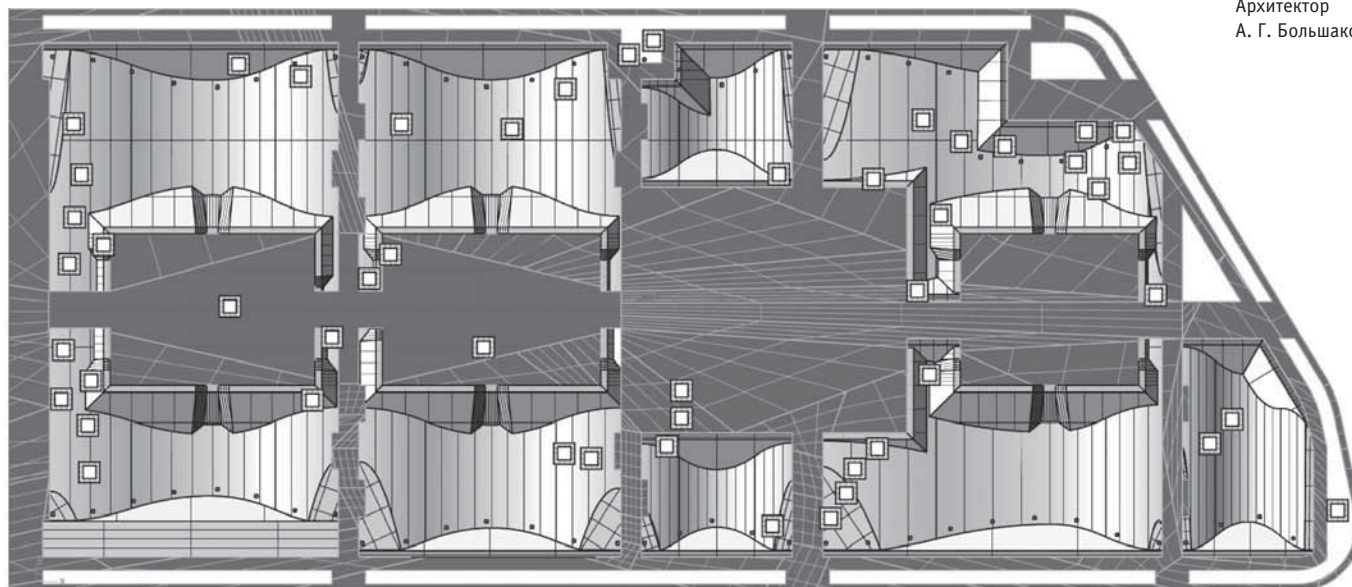
Таким образом, основным архитектурно-планировоч-

ным достоинством проектируемого сквера является развитие приема геопластики. Поверхность газона в силу технических условий площадки строительства (поднятый над исходной площадкой сквера кольцевой местный проезд, расположение на территории сквера инженерных коммуникаций, возвышающихся над исходной поверхностью площадки) потребовалось поднимать на высоту около 2 м путем создания грунтовой насыпи объемом 10 тыс. куб. м. Для создания безбарьерной среды для ветеранов и иных посетителей сквера с ограниченными возможностями дорожки будут соединены с кольцевым проездом без ступеней и заметных перепадов высотных отметок.

Это заставило искать интересную форму поверхности газона, которая создавало бы индивидуальное, эстетически, технически и экологически продуманное пластическое решение пространства.

v ^ Рис. 9. Общее решение геопластики сквера. Архитектор А. Г. Большаков

текст
Доминик Гарриг

фото
Камелия Менап

texte
Dominique Garrigues

photographer
Camellia Ménard

v Abbaye du Mont Saint-Quentin / Монастырь на горе Сент-Квентин

В конце сентября 2012 в небольшой квартирке в самом центре Парижа состоялась прелестная выставка по садово-парковому искусству в гравюрах и исторических документах.

Монастырь на горе Сент-Квентин в Пероне (р. Сомма)
Этот монастырь украшают несколько садов.

Во внутреннем дворе аббатства расположена большая узорная клумба. Глядя на нее, можно различить две стилизованные геральдические лилии.

В самом низу гравюры обозначен приусадебный огород. Он состоит из четырех квадратов, каждый из которых разделен на три грядки и окружен бордюром шириной в одну грядку. Этот бордюр засажен кустарниками.

Над огородом, на приподнятой террасе, видны два квадрата, украшенные геометрическими мотивами.

Abbaye du Mont Saint-Quentin à Péronne (Somme)

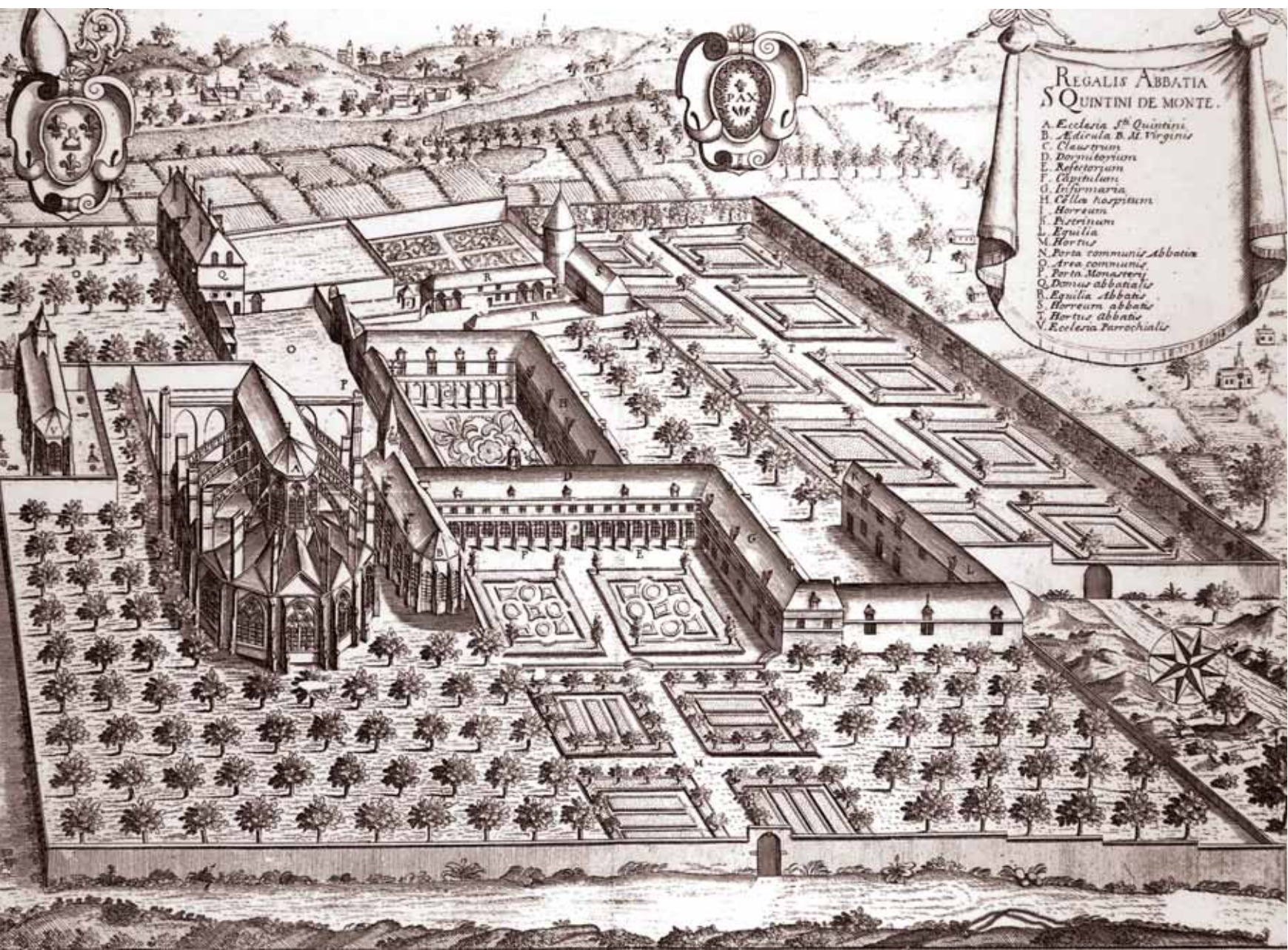
Plusieurs jardins ornent cette abbaye :

– Dans le cloître se trouve un parterre de broderie constitué d'un seul compartiment. Il est possible d'y distinguer deux fleurs de lys stylisées.

– Hortus (M) : il s'agit sans doute ici du jardin potager, composé de quatre carrés subdivisés chacun en trois planches, entourés par une bordure de même largeur que celles-ci, et plantés d'arbustes.

– Au-dessus de l'hortus (M) sur une terrasse surélevée, sont visibles deux carrés ornés de motifs géométriques, chacun de

Les Jardins des Monasteres / Монастырские сады

Каждый квадрат обрамлен бордюром, углы которого обозначены четырьмя кустарниками. Впереди – капитул, рефекторий (столовая) и больница, а с левой стороны – церковь Пресвятой Девы Марии.

Монастырский сад состоит из десяти квадратов, каждый из них окружен бордюром, по углам которого высажены четыре кустарника. К стене монастырской ограды привязаны лозы винограда.

Следует также отметить обилие деревьев, посаженных ровными рядами в общем пространстве, справа от огорода, за монастырской церковью и вдоль келий для приезжих, вплоть до монастырских конюшен, находящихся в верхней части гравюры.

За конюшнями расположена узорная клумба, огражденная стенами монастыря. Она разделена на четыре богато украшенные прямоугольные части. Снаружи аббатства видны поля и некоторые поселения.

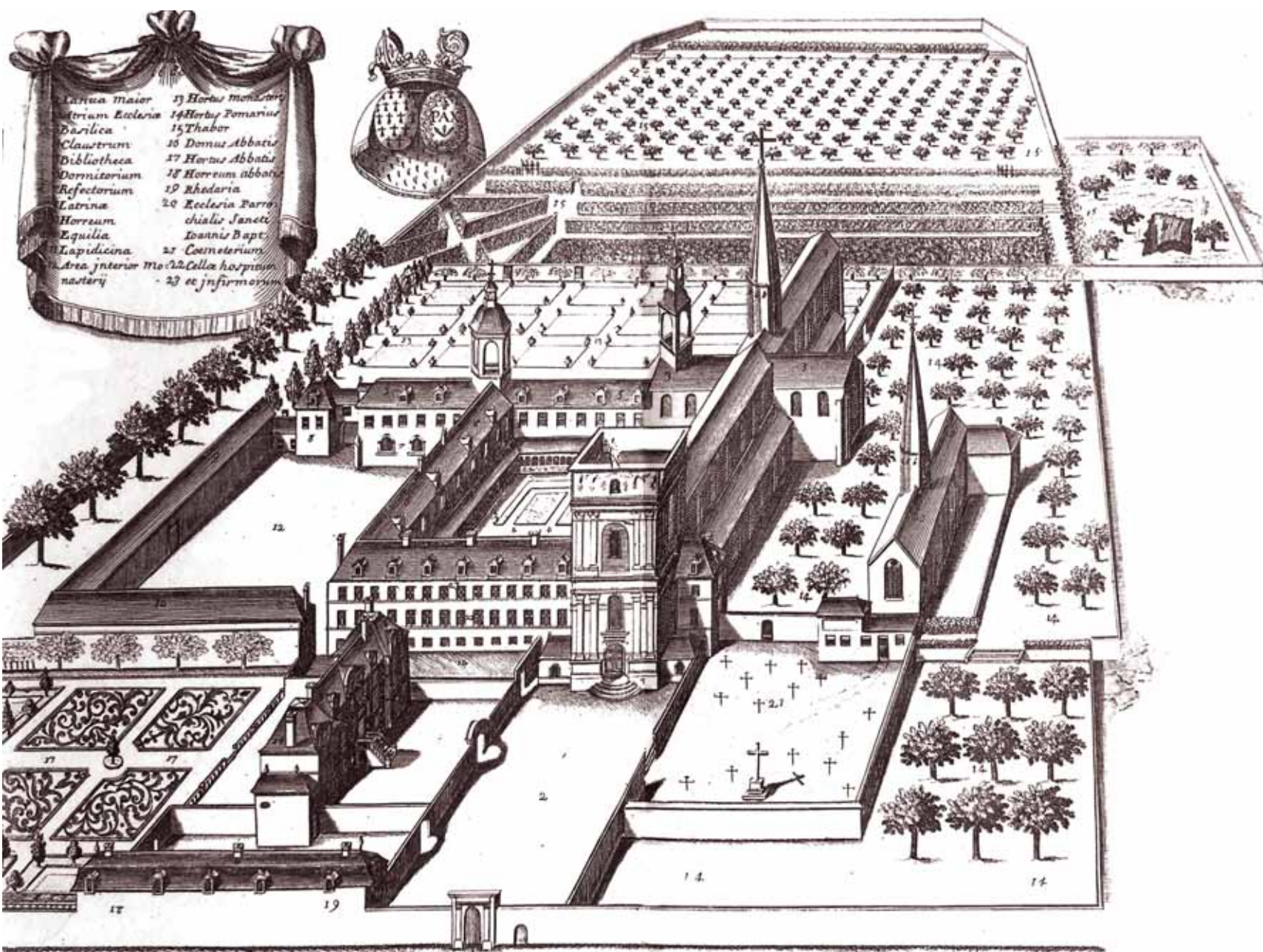
ces carrés étant bordé d'une plate-bonde bornées aux angles par quatre arbustes. Devant le capitulum (F) et le rectorium (E), l'infirmeria (G), et à gauche un côté de l'église dédiée à la bienheureuse Vierge Marie (B).

– Hortus abbatis (T) : jardin de l'abbaye, composé de dix carrés, chacun entouré d'une plate-bonde bordée au angles de quatre arbustes. Sur le mur de clôture de l'abbaye, une succession d'arbres palissés.

– Il convient aussi de remarquer la profusion d'arbres plantés en alignements réguliers sur la place commune (O), à droite de l'hortus (M), et derrière l'église abbatiale (A), ainsi que le long de la cellae hospitum jusqu'à equilia abbatis (R).

– Derrière equilia abbatis, un parterre de broderies est enclavé dans les limites de l'abbaye, à savoir quatre compartiments rectangulaires richement brodés. En dehors de l'abbaye, des champs et quelques hameaux sont éparpillés.

v Abbaye de Saint-Melaine de Rennes / Монастырь Сент-Мелен де Пен

Abbaye de Saint-Melaine de Rennes (Ille-et-Vilaine) – 1680

Située dans un faubourg de Rennes, cette abbaye fut fondée, d'après la tradition, en 648, par Solomon, roi de Bretagne. On lui connaît aussi un autre fondateur, saint Patern, évêque d'Avranches. La gravure porte en haut le titre *Topographia Abbatiae Sancti Melani Rhedonensis*. Les jardins visibles sont :

- Hortus monasteri (13). Il s'agit du jardin des moines. Le graveur n'a représenté que les contours de carreaux séparés par des allées perpendiculaires les unes aux autres. Le mur du fond comprend une ouverture permettant l'accès au Thabor.
- Thabor et Lapidicina (11). C'est un jardin composé d'un bois de deux haies d'un système de palissades formant quatre triangles. A droite, un petit escalier de trois degrés permet d'accéder à une terrasse sur laquelle court sur toute la largeur une haie dotée de deux portes qui donnent sur un autre jardin composé d'arbres plantés en quinconces alignés les uns par rapport aux autres. L'endroit appelé *lapidicina* (11 – il s'agit peut-être d'une carrière de pierre – est situé dans une petite extension à droite, plantée de quelques arbres.
- Hortus pommarium (14) : pommeraie. Le cimetière des moines se trouve près de la pommeraie.
- Hortus abbatii (17) : on peut voir, en bas à gauche, la partie d'une parterre dont on devine qu'il est composé de compartiments traités en broderies. Quelques arbres (ou arbustes) entourent des compartiments simplement engazonnés.

v Le Palais Royal / Пале-Рояль

Монастырь Сент-Мелен де Рен (1680)

Монастырь расположен в пригороде Рен (департамент Иль и Вилан). Согласно преданию, это аббатство было основано Соломоном, королем Бретани, в 648 году. Известен также другой его основатель – святой Патерн, епископ Авранша. Наверху гравюры надпись на латыни: «Топография монастыря святого Мелания Ренского». На гравюре показаны следующие сады:

- Монастырский сад. Graveur показал только контуры квадратов, разделенных перпендикулярными проходами. Задняя стена имеет проем, обеспечивающий доступ в сад Табор.
- Табор и Липидина. Это сад, состоящий из двух рядов зеленой изгороди, образующей форму четырех треугольников. Справа небольшая трехступенчатая лестница обеспечивает доступ к террасе, по всей ширине которой проходит изгородь. Две двери этой изгороди выходят в еще один сад, где деревья посажены стройными рядами в шахматном порядке. Это место называется Липидина, что означает, скорее всего, каменоломню, расположенную в небольшом расширении справа и засаженную несколькими деревьями.
- Яблоневый сад. Рядом с садом находится кладбище монахов.
- Монастырский сад. В левой нижней части гравюры можно увидеть фрагмент клумбы, которая состоит из отсеков, украшенных узорами. Простые травяные газоны окружены несколькими деревьями (или кустами).

L'histoire du Palais Royal commença à partir de 1298 avec la construction d'un premier hô tel particulier pour la famille Flament, puis d'un autre édifice en 1365 pour le Sire d'Ermenonville.

Richelieu entreprit de 1634 à 1639, d'importants travaux qui aboutirent à l'émergence d'un vaste ensemble immobilier derrière le quel fut planté un vaste jardin.

Cet endroit fut nommé "palais Royal" lorsque le reine Anne d'Autriche vint y habiter.

Il fut remanié au 18 ° siècle par l'architecte Robert de Cotte.

En 1845 le Palais Royal fut reconstruit et ses galeries percées d'arcades, le jardin fut replanté de tilleuls et orné de parterres ornés de statues, le bassin actuel fut placé en 1816.

История королевского дворца Пале-Рояль началась в 1298 году со строительства первого особняка для семьи Фламент, а в 1365-м было построено еще одно здание для господина д'Эрменонвиля.

Кардинал Ришелье провел здесь значительные работы с 1634 по 1639 год, благодаря чему появился огромный жилой комплекс, позади которого был посажен большой сад.

Это место получило название Пале-Рояль, когда в нем стала жить королева Анна Австрийская. Пале-Рояль был восстановлен в XVIII веке по проекту архитектора Роберта де Котта.

В 1845 году королевский дворец был перестроен, и в его галереях появились аркады. В саду были посажены липы и разбиты газоны, украшенные статуями. Нынешний бассейн построен в 1816 году.

texte
Dominique Garrigues

photographer
Camellia Ménard

текст
Доминик Гарриг
фото
Камелия Менар

Le Palais Royal / Пале-Рояль

v Le Palais Royal /
Пале-Рояль

Справка

Гайд-парк (англ. Hyde Park) – королевский парк в центре Лондона. С запада к нему примыкают Кенсингтонские сады. Традиционное место политических митингов, празднеств и гуляний.

текст

Ольга Смирнова

Еще до норманнского завоевания парк принадлежал Вестминстерскому аббатству; название получил от древней единицы измерения площади. С началом роспуска монастырей (1536 г.) Генрих VIII изъял его в казну, чтобы использовать для собственных охотничьих увеселений. Для публики он был открыт через сто лет, при Якове I, а при Карле II стал излюбленным местом отдыха лондонцев. Главная достопримечательность парка – озеро Серпентайн, искусственно созданное еще в XVIII веке при королеве Кэролайн. Свое название оно получило из-за извивающейся формы (serpentine – змея). На озере разрешено купание, прогулки на лодках и катамаранах. По всей территории парка проложена аллея для конной езды Rotten Row.

Западнее Гайд-парка находятся сады Кенсингтона. Их разделяет только дорога. Часто сады относят к Гайд-Парку, но они были отделены еще в 1728 году по приказу королевы Кэролайн. Территория садов состав-

ляет примерно 275 акров, а Гайд-парк занимает 350 акров (1, 4 кв. км). При дневном свете оба парка выглядят как единое целое, но с наступлением темноты сады Кенсингтона закрываются, а Гайд-парк на протяжении года открыт с пяти утра до двенадцати ночи.

В парке размещаются культурные учреждения и основные спортивные клубы. Во время Олимпийских игр на озере Серпентайн проводился 10-километровый плавательный марафон и плавательный этап триатлона.

В северо-восточной части Гайд-парка располагается знаменитый Уголок Ораторов (Speakers' Corner). Он существует с 1872 года, когда в Англии был принят закон, разрешающий всем желающим собираться там и ораторствовать на любую тему, включая обсуждение королевских особ.

<http://ru.wikipedia.org/wiki>

<http://london2012.olympic.ru/london/objects/view/25/>

<http://londonmania.ru/hyde-park-photo>

Гайд-парк

В поисках ораторов

Гайд-парк... Многие знают его потому, что там находится интересное место, где можно говорить все что угодно. Поэтому, когда я попала в Гайд-парк впервые (а это случилось в 1999 году), я только и искала глазами это необычное место. Но так его и не нашла. Видела много воды, гусей, уток, деревьев, а знаменитой трибуны нигде не было.

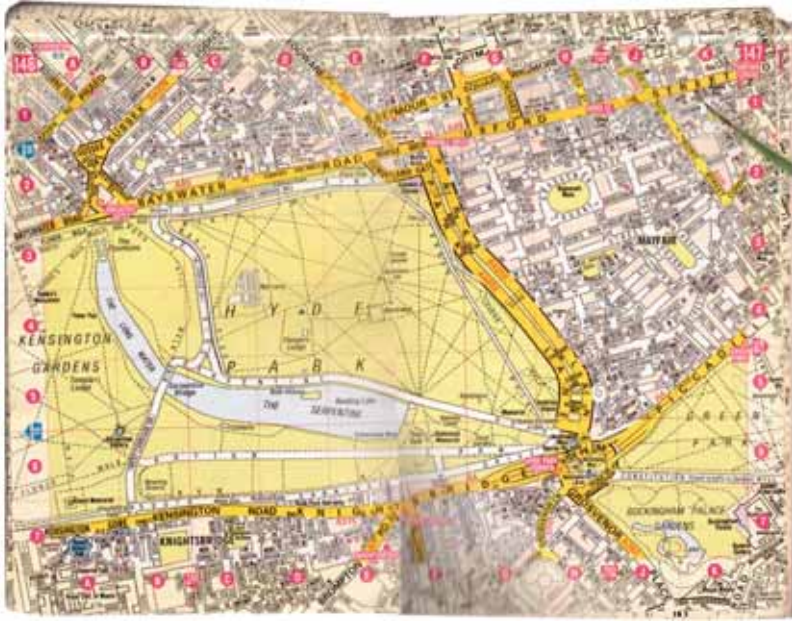
Теперь я понимаю, почему я ее не увидела. Гайд-парк имеет площадь 145 га. Это больше, чем все государство Монако. (Правда, до острова Татышев в Красноярске никак не дотягивает. Он у нас 612 га). Но тогда я об этом не знала, думала: ну, может, как наш Парк Горького, гектаров этак семнадцать... Все-таки самый центр города, земляца, поди, ого-го как дорого стоит. Так что, оглядываясь вокруг в поисках «этого места», я искренне полагала, что где-то рядом уж и конец парка. А он, оказывается, вон какой!

Так что в октябре этого года я отправилась туда специально в поисках знаменитого места ораторов. Ну, еще и – скульптуры Даши Намдакова, которая тоже должна быть где-то тут, совсем рядом. Недавно поставили.

И опять ничего не нашла. Видела конные аллеи, озеро с мостом, еще один парк со скульптурами, опять много гусей, лебедей, бегунов с собачками и без них, огромные луга и платановые аллеи. Да ему же конца нет! Устала. Ушла.

Во время следующей прогулки в Гайд-парк видела много людей, которые обучаются танцам на свежем воздухе, большие пространства, засыпанные мульчей, на которых зимой стояли палатки разных стран. Проводник рассказал, что в одной немцы продавали пиво. В другой – россияне устроили бесплатное ледовое шоу. Потому сейчас и засыпали англичане все это дело древесной корой, чтобы потом газон восстановить.

Опять бегуны, пешеходы, старые, малые, молодежь, ролики, самокаты, велосипеды. Где же он, Уголок Ораторов? Обошли все кругом, увидели скульптуру Питера Пена, римские фонтаны, даже отыскали мемориал принцессы Дианы. Он оказался кольцевым водо-

< Гайд-парк

↘ А лошадь-то невидимка

∨ Вот такой мемориал для
принцессы Дианы

общественные пространства / public spaces

^ Мост на озере
Серпентайн

v Памятник Питеру Пену

емом, в котором два потока воды бегут навстречу друг другу через искусственные пороги и, встречаясь, исчезают в незаметной щели. Нет трибуны ораторов, нет Даши Намдакова. Устали. Ушли.

Через пару дней я опять отправилась в Гайд-парк. Теперь уже с провожатой. И она, наконец, показала мне площадь, на которой с одной стороны видна голова гигантской невидимой лошади, а с другой стороны стоит медный всадник.

Это и есть Чингисхан? Если так, то тогда его соплеменник Даши переписал историю, и мне это нравится. Не было ужасающих войн, не было горя и бедствий, потому что Чингиз передумал. Он упал с неба и обнаружил себя на пустынной скале перед бездной. И понял, что если шагнет в нее, то утащит в пропасть полмира. И остановился Чингиз. И решил, что не стоит этого делать. Хватит с него и того, что на его седле изображено: пантера напала на мирную лошадь, такая ужасная картина, век бы не видел...

Так что больше не будет насилия. Будем жить мирно.

И конская грива враз превратилась в деревья, и копыта вросли в скалу, пуская в ней мощные корни. Поднял изящно Хан свои тонкие девичьи кисти: никогда не держать этим пальчикам саблю и лук, не вынуть стрелу из колчана. Закрыв он вежды и увидел вечность. Задумался о том, как нести в мир светлое, доброе, вечное, мирное и хорошее.

Правильно, Даши, так и надо. В этом и есть миссия любого поэта, тем более гения. Чтобы даже мерзость в истории переписать в ангельском свете. И кто сказал, что миссия эта невыполнима?

В задумчивости уходим отсюда. Стоп! А где же вождь-деленный Уголок Ораторов? Где то место, на котором Ленин и Маркс оставили эхо своих выступлений?

Да вот оно, рядом, метрах в пятидесяти. Что, вот это?..

Так вот почему фотографий его нигде не найти!

Простая площадка, асфальт и... скука. Это ее английский закон определил для демократии. И сделано это было... батюшки светы, в 1872 году!

^ Неизвестная скульптура
на другом берегу

v Над пропастью

Нет на ней ни одного оратора. И трибуны никакой нет. А я-то думала, что заберусь на нее и произнесу речь о том, что в Красноярске тоже есть много красивых мест. Есть места и общественные. Только мы за них постоянно и крепко боремся, потому что их все время пытаются застроить. И спросила бы я англичан, как им удается сохранять столько пустого места в своей столице? Почему у них эти места не застраивают? Ведь тоже, поди, земля дорогая. И богачей в мире достаточно, чтобы купить ее.

А впрочем, я знаю ответ. Мне уже говорили, пожимая плечами: «Потому что нельзя».

Нельзя и все тут.

^ Озеро Серпентайн в Гайд-парке

< Фонтан

↗ Скульптура ибиса в парке

> Римские фонтаны у одного из входов в парк

ТЕКСТ
Мария Белова
Марк Меерович
Алексей Чертилов

ФОТО
Алексей Чертилов

ГРАФИКА
Мария Белова

Этнографические музеи под открытым небом во всем мире являются самой эффективной формой спасения архитектурного наследия, утрачиваемого по разным причинам. Одна из них – затопление обширных территорий, связанное со строительством гидроэлектростанций. В наши дни завершается возведение четвертой ступени Ангарского каскада ГЭС в Богучанах (Восточная Сибирь, Красноярский край). Хотя подготовка ложа Богучанского водохранилища ведется с 1970-х годов и за это время ликвидированы практически все старые населенные пункты, на

территории Усть-Илимского района Иркутской области уцелели немногочисленные объекты народного деревянного зодчества. В ходе экспедиции студенческого реставрационного отряда ИрГТУ летом 2010 года в деревне Ёдарме, в 100 км ниже по Ангаре от райцентра Усть-Илимска, на границе с Красноярьем, был выявлен ряд объектов, представляющих архитектурно-этнографическую ценность. Выполнены значительный объем обмерных работ, детальная фотофиксация объектов (см. статью об этом в ПБ31, с. 110–117).

На основе материалов той экспедиции за учебный сезон 2010–2011 студентами архитекторами-реставраторами Института архитектуры и строительства ИрГТУ были разработаны курсовые проекты на тему «Сельская усадьба» и «Музей народного быта». Кроме того, в том же 2011 году одним из участников экспедиции – дипломницей Марией Беловой – была выполнена научно-исследовательская работа на тему «Историко-архитектурное обоснование создания музея деревянного зодчества «Илимская деревня» (на базе переноса

Несостоявшийся музей деревянного зодчества «Илимская деревня»

- > Схема расположения музейных объектов в системе города:
1. Усть-Илимский краеведческий музей.
 2. Проектируемый музей деревянного зодчества «Илимская деревня». Гостиничный комплекс.
 3. Проектируемый центр народного творчества и ремесел «Невон». Гостиничный комплекс.
 4. Проектируемая рекреационно-развлекательная зона

Исходная ситуация

Город Усть-Илимск, появившийся во второй половине XIX столетия в связи со строительством очередных промышленных гигантов на Ангаре – Усть-Илимской ГЭС и Усть-Илимского лесопромышленного комплекса (ЛПК), является территориальным преемником древнего Илимска, бывшего некогда центром легендарного обширного воеводства, земли которого частично стали дном водохранилища. Единственно уцелевшая материальная память об архитектуре Илимского острога хранится под Иркутском – в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», куда вывезены из зоны затопления, отреставрированы отдельные уникальные памятники народного деревянного зодчества – острожная Спасская башня и Казанская церковь, а также две крестьянские усадьбы из деревни Ёдармы.

Советский Усть-Илимск заложен в 1966 году у Толстого мыса. В 1973-м он получил статус города областного подчинения. Является административным центром Усть-Илимского района, расположенного на северо-западе Иркутской области. Застраивался город по генеральному плану, составленному ЛенНИПИградостроительства в соответствии с проектом районной планировки, выполненным институтом «Гипрогор» в 1962 году. Главная идея генплана – строительство современного города в тайге.

Райцентр разделен рекой Ангарой и водохранилищем на две части: более раннюю левобережную, называемую горожанами «старый город», и правобережную – «новый город». Левый берег освоен изыскателями,

где изначально возник небольшой поселок, получивший дальнейшее развитие. Правобережье же застраивалось сразу по генеральному плану, имеет селитебную и промышленную территории, разделенные лесозащитной полосой. Ниже плотины расположен ЛПК. Промышленные районы с жилыми кварталами соединяют широкие магистрали, пересекающие город с севера на юг. Административный центр размещается на возвышенности между двумя логами. С поперечных улиц, идущих с востока на запад, раскрывается захватывающая дух панорама на водохранилище и таежные дали. При строительстве между микрорайонами были оставлены участки многовековой тайги, также как и включенные в застройку зеленые островки.

Являясь примером современного урбанизированного города, Усть-Илимск лишен памятников истории и культуры, в том числе деревянного зодчества. Чего не скажешь о его соседе – Братске, возникшем также со строительством ГЭС, который сохранил свои исторические корни: здесь создан небольшой, но привлекательный музей деревянного зодчества «Ангарская деревня». Попытки создания подобного музея в Усть-Илимске также предпринимались. Первая была в 1988–1990 годах, когда по заказу Усть-Илимского ЛПК известными московскими исследователями, реставраторами русского деревянного зодчества А. В. и Е. А. Ополовниковыми был выполнен проект историко-музейного комплекса «Илимская крепость». Проект, оставшийся нереализованным, в силу своей добротности достоин отдельной публикации. Здесь

симых объектов из зоны затопления Богучанской ГЭС» (руководители кандидат архитектуры, доктор исторических наук, профессор М. Г. Меерович, доцент А. К. Чертилов). На Международном смотре-конкурсе дипломных проектов и работ по архитектуре – 2011, прошедшем в Ереване, эта работа удостоена диплома первой степени. Статья подготовлена на материале данной работы.

Научное обоснование с проектными предложениями к генеральному плану планируемого музея, к сожалению, в реальном проектировании не

было использовано по причине незаинтересованности усть-илимских властей в создании в городе, очередного, третьего по счету на территории Иркутской области музея деревянного зодчества. (Напомним, что, кроме известного многим в Прибайкалье АЭМ «Тальцы», в Братске существует еще один, менее известный – архитектурно-этнографический филиал городского объединенного музея «Ангарская деревня».)

В 2012 году администрацией Иркутской области принято окончательное решение о перемещении всех

ценных объектов из Ёдармы в «Ангарскую деревню». В настоящее время разобранные в октябре того же года срубы, конструкции домов, хозяйственных построек находятся на территории музея, ждут своей реставрации, музеефикации. Тем не менее «усть-илимское» обоснование научно состоялось, аргументировано и остается актуальным. Оно представляет собой не только практическую, но и методическую ценность и может быть использовано при разработке научно-исследовательских работ по родственной тематике.

же необходимо отметить, что его основная идея – разместить исторические постройки внутри острожных стен, причем все, включая башни, стены, выполнить в так называемом новоделе, – коренным образом отличается от предлагаемой нами.

Предпосылки для создания музея

Толчком для идеи создания нового музея деревянного зодчества на Ангаре послужили материалы экспедиции студенческого реставрационного отряда ИРГТУ, состоявшейся в 2010 году в единственно тогда еще сохранившуюся, но брошенную (а сегодня уже затопляемую) деревню Ёдарму (100 км ниже Усть-Илимска).

С целью выявления принципов определения музейной планировочной, экспозиционной структуры было проанализировано около сорока примеров организации аналогичных музеев, как западных, так и отечественных, в том числе сибирских. Зарубежные страны – Белоруссия, Грузия, Дания, Латвия, Украина, Финляндия, Чехия, Швеция, Эстония. Российский музейный опыт проанализирован в Архангельской, Вологодской, Иркутской, Кемеровской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Новосибирской, Московской, Пермской, Свердловской, Суздальской, Тверской областях, республиках Бурятия, Карелия, Удмуртия, Якутия, Красноярском крае.

Базой для комплексного анализа послужили библиографические (текстовые и графические) источники, материалы периодической печати, нормативно-методическая документация, некоторые проектные разработ-

ки, данные натурных и экспедиционных исследований, а также ресурсы Интернета. В результате выявлено полутора десятка видов музейных комплексов (скансены, музеи под открытым небом, музеи деревянного зодчества, этнографические музеи и т. п.), раскрывающих принципы их зарождения и формирования.

Основной причиной создания таких музеев почти всегда являлась угроза утраты памятников на изначальных местах их расположения. В России одним из факторов исчезновения объектов народного зодчества, помимо многих иных, служили и служат, возводимые гидроэлектростанции. В частности, из-за этого возникли оба архитектурно-этнографических музея в Иркутской области – «Тальцы» и «Ангарская деревня». Кроме того, в единичных случаях экспозиция развивалась на базе усадеб, первоначально использовавшихся в коммерческих целях (Белоруссия), или для усиления мемориального значения поселения (Шушенское).

Инициаторами выступали как частные лица, так и общественные организации, а также правительства. Либо совместно – частные лица и правительства.

В ходе исследования выявлены три типа музея, основанных на сохраняемых на месте или переносимых памятниках: 1) музей-резерват; 2) музей из перевозимых объектов; 3) смешанный музей (на базе одного либо нескольких объектов-резерватов). Варианты выбора площадки размещения музея: а) выделение специального земельного участка; б) на территории, являющейся рекреацией или природным памятником; в) на территории уже

в Спасская башня Усть-Илимского острога. Фото 1960-х гг.

^ Усть-Илимская ГЭС, водохранилище. Вид с площадки планируемого музея. Фото 2011 г.

v Строительство Усть-Илимской ГЭС у мыса Толстого. Фото А. Я. Ковалева, нач. 1970-х гг.

существующего музея или рядом с ранее располагавшимся историческим поселением, или ценным архитектурным объектом. По географическому признаку музеи размещаются: а) в селе, вдаль от города (на расстоянии 17–70 км), б) в пригороде, в) в городе (в центре, в рядовой застройке, на окраине). По топографическому признаку они занимают: 1) островное положение, 2) прибрежное (около реки, водохранилища, пруда, озера), а также 3) материковое или 4) смешанное (островное и прибрежное, как, например, «Кизи»).

В работе рассмотрены различные примеры создания музейных экспозиций: 1) на основе предварительно разработанного генерального плана,

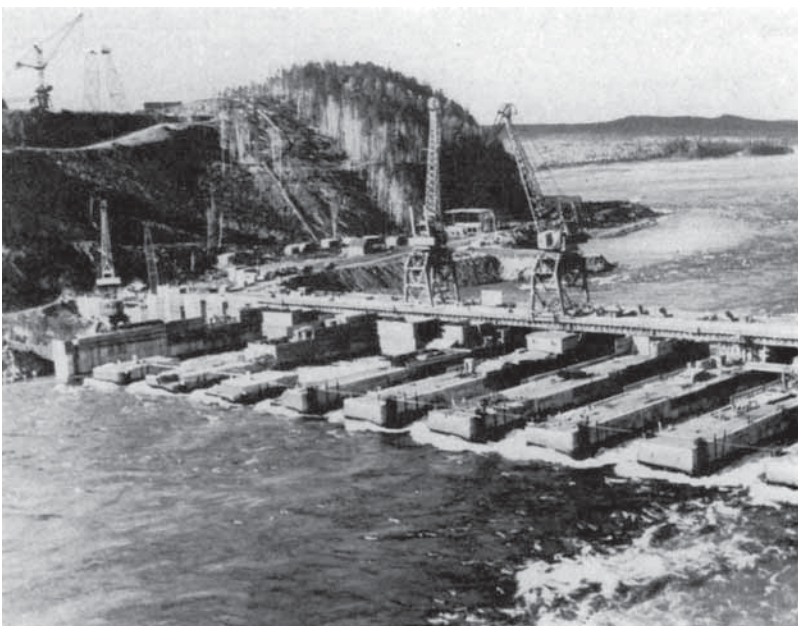
схемы размещения объектов; 2) при отсутствии таковых; 3) размещение первых объектов при отсутствии генплана с последующей его разработкой. Была сформирована типология музеев по их масштабу, определенному исходя из количества объектов и занимаемой площади: а) малые (5–11 объектов, 4,5–12 га), б) средние (15–46 / 30–52), в) большие (50–85 / 60–100), г) крупные (100–300 объектов, 140–390 га). Выделены разновидности музея по масштабу и структуре: 1) музей-усадьба (представлена одна усадьба-комплекс); 2) музей-поселение (характерными объектами представлено типичное либо определенное поселение); 3) музей-парк (свободная постановка характерных объектов); 4) музей-«регион» (отдельными секторами представлены определенные районы региона); 5) музей-«страна» (секторами либо единичными объектами представлены регионы страны).

Кроме того, выявлены и описаны «функционально-тематические» профили музеев в зависимости от специфики формирования экспозиций: 1) историко-этнографический (по регионам); 2) архитектурный (преобладает композиционный принцип); 3) смешанный (историко-этнографический и архитектурный; историко-этнографический и тематический; историко-этнографический и хронологический, другие).

По количеству экспозиционных секторов выделяются музеи, имеющие от двух до одиннадцати различных обособленных зон; обнаружены примеры с отсутствием зонального разделения. При их размещении в большинстве случаев за основу брались

особенности исторического ландшафта и планировочные характеристики местности. Подборка объектов для формирования экспозиций, как правило, проводилась по результатам специальных экспедиций или в результате целенаправленного переноса утрачиваемых памятников. Неэкспозиционные секторы, как правило, представлены лишь административно-хозяйственным и рекреационно-развлекательными функциями.

Помимо этого, статистический подсчет объектов, формирующих музейные экспозиции, позволил классифицировать постройки на три группы. Первая группа (обязательные составляющие в количестве более 20% от общего числа объектов) включает: жилой дом, амбар, баня, хлев, навес, сарай, погреб (т. е. условно – комплекс усадьбы); мельница, кузница, овин, рига, гумно (т.е. производство); церковь, часовня, колокольня, школа, торговые, питьевые (т.е. общественные); далее – оборонные, промышленные, сезонные, археологические, другие. Вторая группа (вспомогательные, «не стандартные», 6–20% от общего числа) включает: общественные амбары (мангазеи), управы, тюремные, мастерские, пожарные, поварни, склады, культовые этнические, зимовья, прочие. Третья группа (редкие, менее 6% от общего числа объектов) включает: почту, медоварню, пекарню, гончарню, маслобойню, лесопилку, сукновальню, винокурню, смолокурню. Следует отметить, что в российских музеях наиболее часто встречаются (кроме жилых построек): церкви, бани, овины, оборонные сооружения, а в зарубежных – школы и сараи. Также характерной чертой российских

^ Объекты народного деревянного зодчества в д. Ёдарме. Фото 2010 г. >

музеев является размещение в экспозициях зимовий и тюремных построек, а для зарубежных музеев характерны: мастерские, склады и производственные сооружения (сукновальни, маслобойни и пр.).

Выводы. Музеи под открытым небом предназначены для сохранения, изучения народного историко-культурного наследия. Создаются они, как правило, в результате угрозы утраты памятников по различным причинам. В редких случаях встречается целенаправленный подбор экспонатов. Первоначально музеи возникли по инициативе частных лиц и обществ, поддержка государства оказывалась позднее. Как правило, они формируются из перевозимых объектов. Менее распространены музей-резерваты, сохраняемые на исконных местах в полном составе, либо дополняемые переносимыми постройками. Музейная территория в большинстве случаев является исторически значимой, что, как правило, отражается в названии музея.

Характерно тяготение музеев к городам (размещение в застройке, на окраине, в пригородной зоне), хотя встречаются музеи и на значительном удалении от крупного населенного пункта (при условии наличия удобной транспортной доступности). Не менее важна близость водных объектов: при отсутствии естественных (рек, озер, водохранилищ) специально создаются искусственные (каналы, пруды).

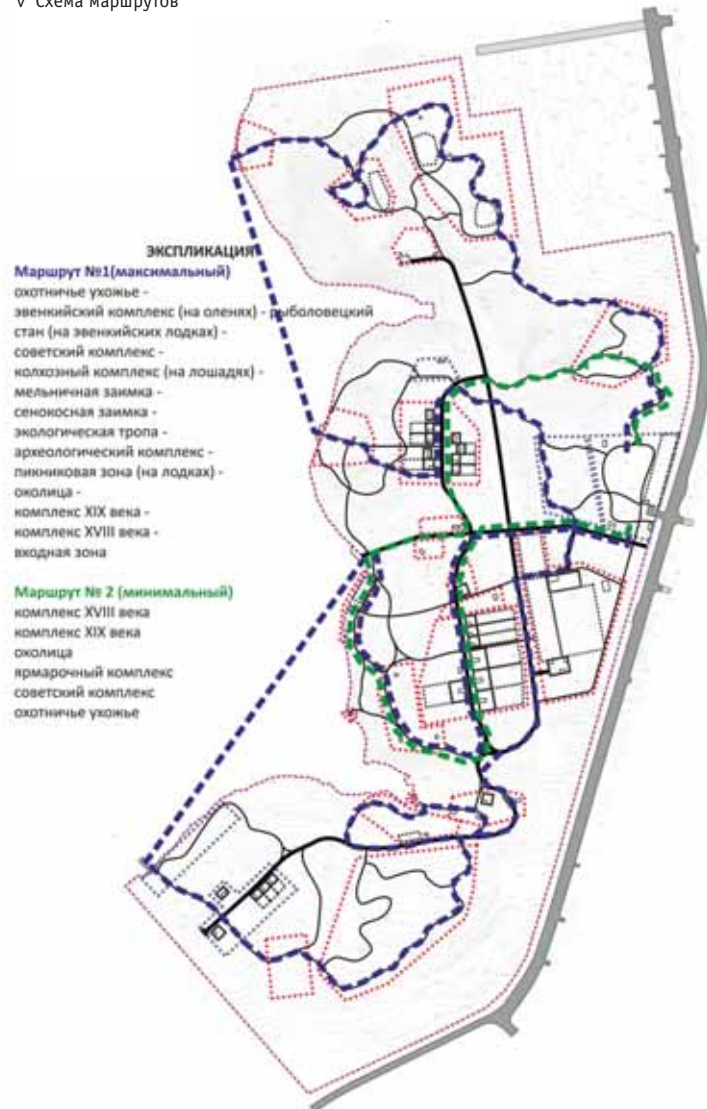
Создание первых музеев осуществлялось без разработки какой-либо схемы размещения, в результате чего при дальнейшем их развитии возникали трудности экспозиции (наруше-

ние расстояний, сочетаемости объектов, пр.). Порой доходило до переноса музея на другую площадку. Но даже при наличии генерального плана в некоторых случаях приходилось экстренно вывозить и размещать объекты «как придется», поскольку на корректировку, согласование и утверждение генплана требовалось значительное время. Таким образом, очевидно, что при проектировании генплана музея под открытым небом необходимо предусматривать перспективу его развития, пополнения новыми экспонатами.

Музеи различаются по масштабу экспозиции. Самым мелким является музей-усадебка (показ взаимосвязанных объектов в одном локальном комплексе) или ряд построек (демонстрация единичных объектов исторически, композиционно не связанных). Более полной информацией обладают музеи, представляющие характерное для региона поселение, как с отражением всех его архитектурно-планировочных особенностей, так и путем свободной расстановки уникальных и типичных зданий. Комплексный показ обеспечивают музеи, экспозиция которых рассредоточена в изолированных секторах, где каждый демонстрирует в виде модели поселения определенных районов (регионов).

Помимо экспозиционного материала, музей должен обладать сопутствующей инфраструктурой. Главными являются административно-хозяйственные (для сотрудников) и рекреационные (для посетителей) отделы. Размещение их различно: как в экспозиции, так и с выносом в отдельные сектора.

v Схема маршрутов

Концепция музея деревянного зодчества «Илимская деревня»

На основе выявленных принципов формирования экспозиций музеев под открытым небом и с учетом особенностей народной архитектуры Среднего и Нижнего Приангарья разработана концепция создания музея деревянного зодчества «Илимская деревня» в Усть-Илимске. Определены рекомендации по общим параметрам, экспозиционным и неэкспозиционным секторам, экспонирования и использования объектов.

Расположение музейных объектов в системе города. Музей деревянного зодчества «Илимская деревня» в Усть-Илимске предполагается как составная часть системы рассредоточенных в городской черте объектов (филиалов) существующего городского Краеведческого музея, что подразумевает централизованное размещение основной части административно-хозяйственного комплекса на территории этого музея (фондохранилище, библиотека, служебные помещения и пр.). Площадка проектируемого музея представляет собой среднюю часть обширной лесопарковой (рекреационной) зоны на правом берегу Усть-Илимского водохранилища. Согласно генплану города, на нее выходит главный проспект, проходящий через застройку, охватывающую амфитеатром береговые склоны.

При проведении ландшафтного анализа площадки по крутизне уклонов и гипсометрии были выявлены оптимальные для размещения экспозиций и организации точек обзора участки. Вся территория имеет понижение от автодороги к водохранилищу (с запада на восток), а также повышение в направлении с юга на север. В диагональном направлении проходит заброшенная промышленная железная дорога, насыпь которой частично предлагается использовать в качестве эксплуатационной (неэкспозиционной) автомобильно-пешеходной дороги, остальные участки – рекультивировать. Парковая зона во многом состоит из естественного лесного массива, представленного разными сочетаниями пород деревьев, в основном – сосна, береза, осина. Вырубки потребуются в незначительном объеме с обязательной компенсацией насаждений. Впадающий в водохранилище лог с ручьем пригоден для размещения мельничной заимки. Кроме того, предполагается в старинном поселке Невон (левый берег Ангары, ниже плотины) на базе нескольких деревянных усадеб, памятников-резерватов создать центр народного творчества и ремесел. Для рекреационно-развлекательных, прогулочных целей также используется остров Нижний.

Общие параметры планируемого музея. Изначально рассматривались три потенциальные площадки размещения музея. Первая – около здания городского музея, на пустыре, совсем рядом с центральным жилым микрорайоном. Вторая – островная, в буквальном смысле: этот отрезок Ангары знаменит мелководьем, многочисленными островами, на которых традиционно часто располагались русские заимки, деревни, села, их использовали как выпасы, сенокосы, поэтому логичным было бы размещение музея на ближайшем от города острове, ниже по течению. Третья – в обширной рекреации, предусмотренной генпланом города, в естественном зеленом массиве правого берега водохранилища, недалеко от оздоровительного комплекса (курорта) «Русь». Площадка должна была отвечать основным критериям: территория – вмещать семь усадеб ($\approx 4,5$ га) и другие необходимые сектора. В итоге был выбран третий вариант.

Хронологические границы определены в диапазоне XVIII – середины XX столетия. Наиболее характерной планировочной схемой русских старожильческих поселений данного района являлась линейно-речная (одно- или двухрядная, реже много-рядовая, встречались гнездовая, смешанная). Целесообразно представить основные планировочные типы усадеб: одно-, двух- и трехдворные, с открытым и крытым дворами; геометрического очертания: вытянутая поперек или вдоль улицы, либо приближенная к квадрату, неправильной формы. Представить существовавшие до затопления территорий характерные типы жилых домов: клеть (одноколок), дом-связь, пятистенок, шестистенок (крестовик), «круглый» дом. Воссоздать по материалу этнографических экспедиций интерьеры изб определенного времени. Насыщение экспонатами: предметы быта, орудия труда, пр. С усадьбами должны сочетаться («из той эпохи»): огороды, сельхозугодия, местные дикие и домашние животные. Естественный фон окружения – водоем, лесной массив («тайга»).

Экспозиция. Разделение по историко-этнографическим, хронологическим, тематическим, архитектурно-функциональным, социально-экономическим принципам. Показ сравнительных и индивидуальных характеристик объектов путем формирования отдельных секторов. Построение экспозиции на основе исторических планировок поселений и исконного ландшафта. Комплектация усадеб характерными, типичными постройками, либо перевоз целиком усадебных комплексов. Допустимы реставрационные копии (макеты в натураль-

ную величину) и реконструкции объектов. Учитывается социальное расщепление. Обязательно отражение этнографической темы в аборигенной экспозиции (эвенки, буряты).

Экспонирование. Обязательно наличие «центральной» площади для проведения праздничных мероприятий. Комплексный показ предметов народной культуры и быта. Функционирование построек; показ традиционных ремесел и производств (действующие объекты); систематизация осмотра экспозиции; разработка маршрутов и графиков движения посетителей; применение информационных стендов; устройство постоянных и временных выставок.

Использование объектов. Музейный показ экспонатов и интерьеров; проведение выставок; гостиные, музейные лавки, магазины, хозяйственные нужды, временное жилье для сотрудников, фондохранилище, административные, ремесла.

Экспозиционная структура (секторы). Деревенское поселение (усадебь, отдельные общественные постройки). Комплексы: производственный (гумно, мельницы, кузница, пр.); охотничье-промысловый комплекс (станы, зимовья, лабазы, охотничья оснастка); этнический (юрты, чумы, прочая жердевая архитектура); культовый (православная церковь, часовня, молельный дом); археологический; земледельческий (пашня, покосы); животноводческий (выгоны, пастбища).

Неэкспозиционная структура (секторы). Комплексы: административно-хозяйственный (кассы, служебные помещения, временное жилье для сотрудников, помещения охраны и пр.); сопутствующий (торговые лавки, кафе, рестораны, гостиницы); научный (реставрационный, библиотека, архив, фондохранилище).

Схема генерального плана музея
Выбранная площадка под музей (11 га) позволяет разместить необходимые, обозначенные выше сектора, в основном изолированные друг от друга. Ядром экспозиции является комплекс XIX века, основу которого составляют перевозимые из Ёдармы объекты народного деревянного зодчества. Остальные экспозиционные сектора предполагается комплектовать подлинными объектами в дальнейшем, выявляемыми в Усть-Илимском и смежных с ним районах последующими экспедициями, и постройками, воссозданными «по образу и подобию» исторических, т.е. реставрационными копиями. Оснащение современными коммуникациями объектов предусмотрено только в неэкспозиционных зонах (входная, административно-хозяйственная, гостиничная).

Предусмотрено создание 12 секторов, экспозиционными из которых являются шесть: русский, производственный, промысловый, эвенкийский, археологический, лесной. К неэкспозиционным зонам относятся: входная, административно-хозяйственная, выставочная, детская, гостиничная, пикниковая.

В административно-хозяйственной и входной зонах размещены: здание администрации, трактир, касса с музейным магазином, охранный пункт, реставрационные мастерские, автомобильная парковка. Ниже по рельефу расположен детский городок, оборудованный различными историческими малыми формами типа карусели, качелей и пр.

Русский сектор подразделяется на четыре зоны по хронологическому признаку (XVIII, XIX, XX века). Основу композиции формируют перевозимые из зоны затопления усадьбы и отдельные объекты народного деревянного зодчества из Ёдармы.

Первоначальным типом застройки Приангарья был гнездовой, который представлен в зоне XVIII века усадьбой с крытым двором. Подобная структура характерна для первопоселенцев с Русского Севера. В дальнейшем, под влиянием климатических условий, надобность в крытом дворе отпала. Появляются однодворные, а затем двух- и трехдворные усадьбы с разделением на чистый и хозяйственный (+ скотный) дворы. Застройка приобретает порядковый тип с приоритетной ориентацией лицевыми фасадами на воду. Позднее образовывается уличная планировка с двусторонней застройкой. Порой складывается совмещенный тип – одно- и двусторонней планировкой, как в Ёдарме. Немаловажное значение имело ориентирование изб по сторонам света – жилой частью, окнами преимущественно на юг. Этот принцип соблюден и в зоне XIX века. С течением времени поселение развивалось и церковь, возводившаяся, как правило, на краю села, оказывалась в застройке, часто формируя главную и единственную площадь. Таким образом, культовое сооружение (по аналогу церкви из села Ката) поставлено в центральной части экспозиции, отделяя дореволюционную застройку от комплекса советского периода. С некоторым смещением от церковной площади обозначена ярмарочная зона. В советское время происходит сокращение земельных наделов (в соответствующем комплексе показаны четыре жилые усадьбы, школа), появляются новые объекты (поселковое правление, клуб, магазин, больница – также представлены в экспозиции), здесь планировка принята уличная, двусторонняя.

Производственный сектор.

Приангарские селения окружали разбросанные и, как правило, не связанные между собой производственные постройки и угодья. Поэтому сектор разбит на подгруппы, размещенные с учетом ландшафтных условий. Под пашню выбирались южные склоны, участки могли находиться на значительном расстоянии от деревни, поэтому нередко на заимках ставились временные сооружения (балаганы, шалаши, юрты (чумы)) или более основательные – избушки, срубные зимовья. На мельничной заимке показан мельничный комплекс: наливная мельница, ставившаяся при сооружении плотины; мельница-мутовка, наиболее распространенный тип в Приангарье; мельница-ледянка, установившаяся в зимний период, устанавлившаяся на льду; и паровая мельница, появившаяся в советское время. Под дом мельника приспособляется одно из переносимых зимовий из Ёдармы. За ручьем – сенокосная заимка с балаганом, шалашом.

Гумно традиционно находится за пределами поселения: овин, рига и подтоварник. Последнее сооружение относится уже к середине XX века, колхозному периоду, это крупный производственный навес, его можно использовать под реставрационную или ремесленную мастерскую. Рядом – колхозный комплекс: действующая конюшня с конным двором и выездкой, и скотоводческая ферма (возможно приспособить под универсальный зал, лекторий). Выгоны для скота, как им и положено, располагаются за огородами. Также за пределами жилой зоны с целью пожарной безопасности выносились такие постройки, как мангазая (общественный амбар), кузница, смолокурня, дегтегонка, кожевня. У воды ставились бани. Размещение огородов было различным: как позади усадьбы, так и перед ней, на береговом склоне. В музее представлены все варианты, кроме того, огород усадьбы XVIII века решено расположить с отрывом от двора, на берегу реки, в целях показа льняной культуры, возделывание которой было характерно и распространено в Приангарье именно в то время.

К промысловому сектору относятся рыболовецкий стан с зимовьем и различными малыми формами, запроектированный напротив советского комплекса на берегу, и охотничье «ухожье», состоящее из зимовий XIX и XX столетий, лабазы, ловушек, размещенных на возвышенном участке за деревней, к нему ведет тропа через «степь» и «тайгу».

Эвенкийский сектор. За пашенными угодьями, в отдалении обозначен этнографический сектор аборигенного населения, состоящий из зимнего

стойбища и летнего юртовца. В обоих станах показаны чумы (крытые шкурами, корой), загон для оленей, лабазы, ловушки, сушилки, будки для охотничьих и ездовых собак. На зимнем стане показано лесное захоронение, на летнем – святилище. Имеется спуск к воде, где на берегу – эвенкийские лодки-плоскодонки.

С другой стороны деревенской околицы запланирована прогулочная лесная зона с экологической тропой и **археологический комплекс**, где можно показать раскопы, в павильонах разместить археологические находки. Для многодневного размещения посетителей предусмотрен гостиничный комплекс, включающий три усадьбы с «огородами», клуб для проведения конференций, других подобных мероприятий, банный комплекс. При желании гости могут ознакомиться с практикой возделывания различных старожильческих культур на огородах.

Экспозиционные маршруты.

Маршрутный план предполагает проведения экскурсий любой тематики. Маршруты разработаны таким образом, что возможен выбор очередности и полноты осмотра секторов, т.е. позволяет включать или исключать из экскурсии те или иные комплексы. Для достижения большего комфорта посетителям предоставляются музейные транспортные услуги: поездки на лошадях (верхом, на телегах), оленях, велосипедах, лодках. Минимальный маршрут включает осмотр только одного сектора, например, русского, компактно расположенного в центральной части музея.

Заключение

Музей деревянного зодчества «Илимская деревня» в Усть-Илимске посредством показа как подлинных памятников, так и реставрационных копий в окружении естественной для них среды, был задуман нами как значимая местная достопримечательность, способная продемонстрировать региональное своеобразие практически утраченного народного архитектурного наследия этой части Приангарья. Он мог стать посещаемым местными жителями, в первую очередь школьниками, молодежью, которые, скорее всего, уже никогда не увидят, не узнают деревенской жизни ангарских первопоселенцев, своих предков. Кроме того, несомненно, это был бы единственный в городе туристический объект такого рода, основу которого составляют оригинальные ретрообъекты. Увы, последние свидетели минувшей эпохи Илимского водства переехали в другой город, в соседний Братск. Как ни печально констатировать, но историческая нить в Усть-Илимске прервана...

Литература

- Ангара – дочь Байкала. – Иркутск, 1994.
- Бубис Н. Г. Село «у Невоны-камня» // Мозаика Иркутской губернии. Старинные селения Приангарья: очерки истории и быта XVIII–XX вв. – Иркутск, 2007. – С. 324–337.
- Бубнов А. С. Илимская пашня. Время перемены. – Иркутск, 2002.
- Вагнер Г. К. Деревянное зодчество русских старожил в Среднем Приангарье // Советская этнография. – 1956. – № 3. – С. 54–68.
- Вилков О. Н., Резун Д. Я. Историко-архитектурные особенности Илимского края в XVII в. // Известия СО АН СССР. – 1978. – № 1. – Серия общественных наук. Вып. 1. – С. 92–97.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Новая серия. Т. 55. – М, 1960.
- Ковалев А.Я. Ангарский каскад. – М, 1975.
- Колгушкин В. Д. Развитие деревянного зодчества Нижнего Приангарья в процессе заселения и освоения района // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1983. – С. 44–56.
- Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья XVI–XX вв. // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Приангарье. – Новосибирск, 1971. – С. 106–143.
- Маслова Г. С., Сабурова Л. М. Этнографическое изучение русского колхозного крестьянства Восточной Сибири в 1957–1959 гг. // Советская этнография. – 1960. – № 5. – С. 118–128.
- Маслова Г. С., Сабурова Л. М. Этнографическое изучение русского населения Восточной Сибири // Советская этнография. – 1958. – № 3. – С. 154–167.
- Нефедьева А. К. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX – начало XX в.) // Тальцы. – 1997. – № 1(2). – С. 3–9.
- Нефедьева А. К. Памятники Илимска в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» // Земля Иркутская. – 2006. – № 2(30). – С. 89–93.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Земля Иркутская деревянная. – М, 2004.
- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Избяная литургия: книга о русской избе. – М, 2002.
- Роговской Е. О., Лохов Д. Н. Исследования древних культур Илим // Земля Иркутская. – 2006. – № 2(30). – С. 3–9.
- Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. – Л, 1967.
- Тихонов В. В. Усадьба крестьянина Зарубина Среднего Приангарья начала XX века // Тальцы. – 2001. – № 1(12). – С. 66–70.
- Чертилов А. К. Объекты народного деревянного зодчества в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС (участок Иркутской области) // Проект Байкал. – 2012. – № 31. – С. 110–117.
- Чертилов А. К. Прощание с Ёдармой // Наследие народов Российской Федерации. – 2011. – № 3–4. – С. 79–82.
- Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. В 2 т. – Иркутск, 1949, 1957.
- Шмелев В. Г. Музеи под открытым небом: очерки истории возникновения и развития. – Киев, 1983.

1. АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗОНЫ

- 1.1. здание администрации
- 1.2. трактор
- 1.3. касса и музейный магазин
- 1.4. охрана
- 1.5. парковка
- 1.6. реставрационные мастерские

2. ВЫСТАВОЧНАЯ ЗОНА

- 2.1. закрытая сцена

3. РУССКИЙ СЕКТОР

3.1. Комплекс XVIII века

- 3.1.1. усадьба с крытым двором
- 3.1.2. экономический магазин

3.2. Комплекс XIX века

- 3.2.1. усадьба однодворная А.К. Аи (дер. Едарма, №10)
- 3.2.2. усадьба однодворная В.Н. З (дер. Едарма, №11)
- 3.2.3. усадьба однодворная (дер. Т)
- 3.2.4. усадьба двухдворная З. Зар (дер. Едарма, №3)
- 3.2.5. усадьба двухдворная Н.Т. За (дер. Едарма, №9)
- 3.2.6. усадьба двухдворная (дер. К)
- 3.2.7. усадьба двухдворная (дер. Т)
- 3.2.8. баня
- 3.2.9. церковь (дер. Ката)
- 3.2.10. поварня

3.3. Советский комплекс

- 3.3.1. усадьба
- 3.3.2. правление (поселковая контора с обозом)
- 3.3.3. школа (библиотека, музей)
- 3.3.4. клуб
- 3.3.5. магазин
- 3.3.6. больница

3.4. Ярмарочный комплекс

- 3.4.1. литейный дом (XVIII в.)

4. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СЕКТОР

4.1. Околица

- 4.1.1. мангазея
- 4.1.2. кузница
- 4.1.3. смолокурня
- 4.1.4. дегтегонка
- 4.1.5. кожевня
- 4.1.6. выгон
- 4.1.7. мост гужевой

4.2. Пашня

- 4.2.1. зимовье
- 4.2.2. юрта
- 4.2.3. хлебное остожье

4.3. Сенокосная заимка

- 4.3.1. балаган
- 4.3.2. шалаш
- 4.3.3. сеновое остожье

4.4. Мельничная заимка

- 4.4.1. наливная мельница
- 4.4.2. водяная мельница-мутовка
- 4.4.3. мельница паровая (XX в.)
- 4.4.4. мельница-ледянка
- 4.4.5. дом мельника (дер. Едарма)
- 4.4.6. плотина

4.5. Гумно

- 4.5.1. овин (XVIII в.)
- 4.5.2. рига (XIX в.)
- 4.5.3. подтоварник (XX в., реставрированная мастерская)

4.6. Колхозный комплекс (XX в.)

- 4.6.1. конюшня с конным двором
- 4.6.2. выездка
- 4.6.3. ферма (лекторий)

5. ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕКТОР

5.1. Рыболовецкий стан

- 5.1.1. зимовье

5.2. Охотничье ухажье

- 5.2.1. зимовье (XIX в.)
- 5.2.2. зимовье (XX в.)

6. ЭВЕНКИЙСКИЙ СЕКТОР

6.1. Стойбище

- 6.1.1. чум
- 6.1.2. загон для оленей
- 6.1.3. захоронения

6.2. Юртовиче

- 6.2.1. чум
- 6.2.2. загон для оленей
- 6.2.3. святилище

7. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

7.1. Раскопы

- 7.2. Павильоны

8. ЛЕСНАЯ ЗОНА

- 8.1. Экологическая тропа

9. ДЕТСКИЙ ГОРОДОК

10. ГОСТИНИЧНЫЙ КОМПЛЕКС

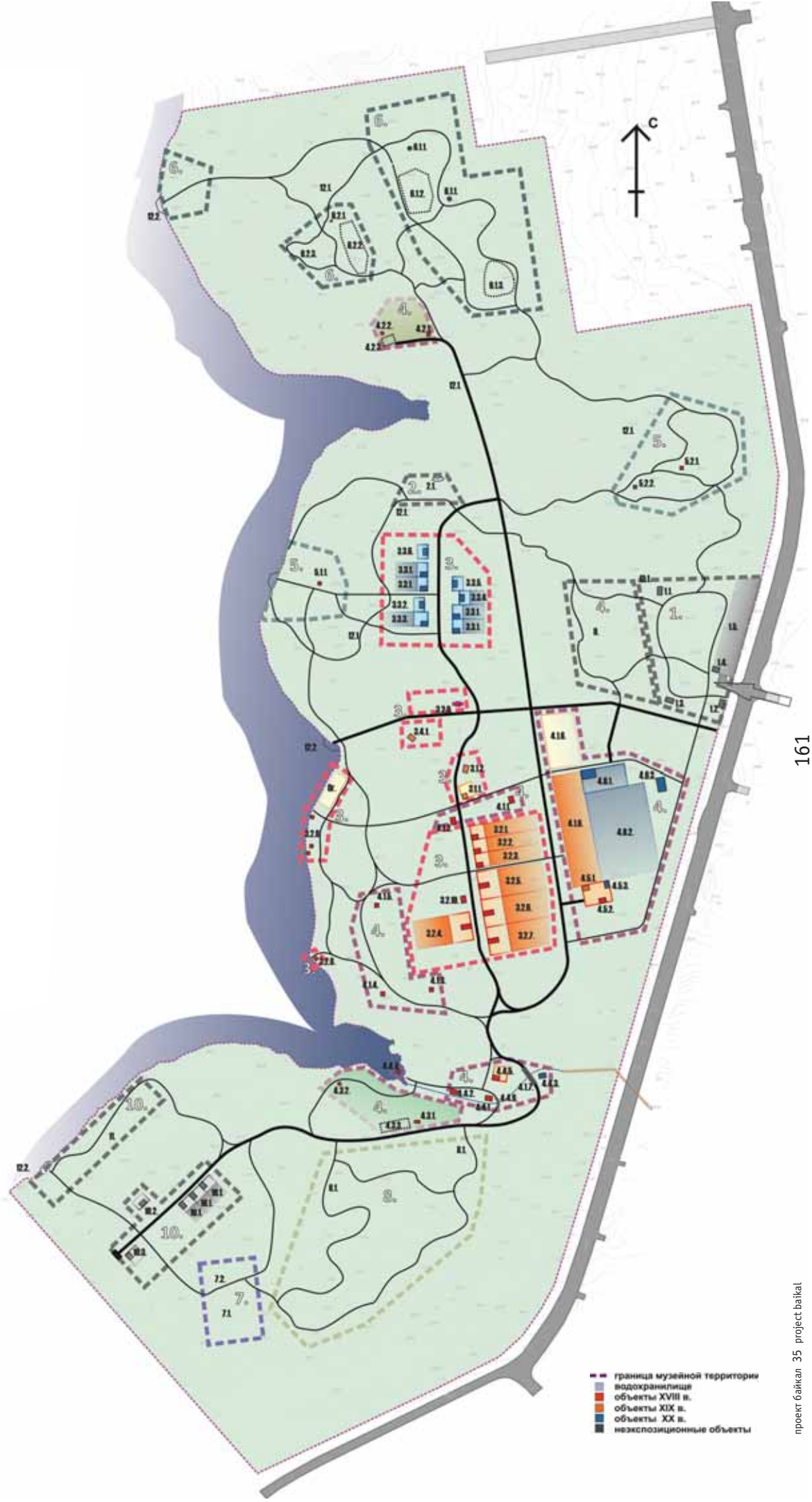
- 10.1. усадьба (3)
- 10.2. клуб (конференц-зал)
- 10.3. банный комплекс

11. ПИКНИКОВАЯ ЗОНА

- малые формы

12. ПРОЧЕЕ

- Ог. - огород
- 12.1. смотровая площадка
- 12.2. причал

- граница музейной территории
- водохранилище
- объекты XVIII в.
- объекты XIX в.
- объекты XX в.
- неэкспозиционные объекты

Белова Мария Александровна – архитектор-реставратор, аспирант Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Большаков Андрей Геннадиевич – доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектуры и градостроительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, член Союза архитекторов России

Бордовская Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры изобразительного искусства и методики ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия образования» (Иркутск)

Визнер, Диана – архитектор, ландшафтный дизайнер, директор и учредитель Фонда холмов Боготы (Колумбия)

Гарриг, Доминик – историк, профессор Высшей школы садово-ландшафтной архитектуры (Париж, Франция)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, вице-президент Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, лауреат Государственной премии Российской Федерации

Девар, Дэвид – кандидат наук, почетный профессор Университета Кейптауна, городской и региональный планировщик (ЮАР)

Кирк, Мерон – директор по градостроительному и ландшафтному проектированию компании BDP (Великобритания)

Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, зав. сектором социально-градостроительных проблем Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Козак Александра Игоревна – архитектор, директор Международного Байкальского зимнего градостроительного университета

Козлова Людмила Валерьевна – аспирантка архитектурного факультета Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Макотина Светлана Александровна – старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Меерович Марк Григорьевич – профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной академии архитектуры (Москва), член ICOMOS, член Союза архитекторов России, член Союза дизайнеров России, заслуженный архитектор России

Ольшевич Артем Юрьевич – архитектор, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Панкратьева Юлия Олеговна – архитектор, урбанист, директор департамента урбанистики COOPARCH.RU, вице-президент Ассоциации дипломированных урбанистов (Брюссель, Бельгия)

Пиль, Кристиан – ландшафтный дизайнер, урбанист-гидролог, директор фирмы Composante Urbaine (Париж, Франция)

Самодуров Юрий Вадимович – старший научный сотрудник Государственного центра современного искусства (Москва)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член Союза архитекторов России (Красноярск)

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования, научный руководитель лаборатории архитектурного наследия Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, член ICOMOS, член Союза архитекторов России

Опровержение

В журнале «Проект Байкал» (2012/33–34) на с. 217 под номером 4 опубликованы фотографии произведений из керамики, выполненные студентами Восточно-Сибирской академии образования. В списке участников авторами данных работ ошибочно были названы дети, занимающиеся в студии дизайна «Спектр».

Maria Belova – architect-restorer, post-graduate of Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Andrei Bolshakov – Doctor of Architecture, Professor, head of the Department of Architecture and Town Planning of National Research Irkutsk State Technical University, member of the Union of Architects of Russia

Irina Bordovskaya – senior lecturer of the Department of Fine Arts and Teaching Methods at FSBEI HPE East Siberian Academy of Education (Irkutsk)

Diana Wiesner – architect, landscape designer, director and founder of Fundacion Cerros de Bogotá (Columbia)

Dominique Garrigues – historian, professor at the High School of Garden and Landscape Architecture (Paris, France)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice-president of the Union of Architects of Russia, director of the RAACS East-Siberian Academcenter, laureate of the Russian Federation State Prize

David Dewar – Ph.D., Emeritus Professor at the University of Cape Town, city and regional planner (South Africa)

Mehron Kirk – Urbanism and Landscape Director, BDP (UK)

Leonid Kogan – Doctor of architecture, Professor, head of the urbanology department of the State Central Scientific Research and Planning Institute of Town Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Moscow)

Alexandra Kozak – architect, director of International Winter University of Urban Planning Design

Lyudmila Kozlova – post-graduate of the Department of Architecture at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Svetlana Makotina – senior lecturer of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Mark Meerovich – Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University, Doctor of Historical Sciences, Ph.D. in Architecture, corresponding member of the RAACS, corresponding member of the International Academy of Architecture (Moscow), member of the ICOMOS, member of the Union of Architects of Russia, member of the Union of Designers of Russia, honoured architect of Russia

Artem Olshevich – architect, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Ioulia Pankratieva – architect, urbanist, director of the Department of Urbanism at COOPARCH.RU, vice-president of the Association of Certified Urbanists (Brussels, Belgium)

Christial Piel – landscape designer, urbanist-hydrologist, director of Agence de paysage Composante Urbaine (Paris, France)

Yuri Samodurov – senior researcher at the National Center for Contemporary Art (Moscow)

Olga Smirnova – the chief architect of Semiramida Gardens Landscape Company, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk)

Sergey Smolkov - senior lecturer of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Eduard Tovmasyan – head of the department of urban planning for territorial development of the State Central Research and Design Institute of Urban Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, honored architect of the Russian Federation (Moscow)

Fabio Todeschini - architect, city planner, urban designer and heritage practitioner, emeritus professor at University of Cape Town (South Africa)

Evgeny Khokhrin – head of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design, scientific adviser of the Laboratory of Architectural Heritage at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University, member of the ICOMOS (International Council of Monuments and Sites), member of the Union of Architects of Russia

Vera Shirokova – Ph.D. in Education, Ass. Professor, head of the Department of Fine Arts and Teaching Methods at FSBEI HPE East Siberian Academy of Education (Irkutsk)

Регистрация и прием работ
до 10 апреля 2013 года

Положение о конкурсе на
www.mirstekla.ru/competition

mirstekla@bk.ru

www.mirstekla.ru

Конкурс Стекло в архитектуре

Организатор:

Конкурс «Стекло в архитектуре» проводится в третий раз,
начиная с 2011 года.

Национальная премия за лучший реализованный проект
с применением стекла и светопрозрачных конструкций.

Традиционно проводится по единой программе
с международной конференцией «Стекло в архитектуре»
(23-24 апреля 2013, Московский архитектурный институт).

Награждение лауреатов состоится на 15-й юбилейной
международной выставке «Мир стекла 2013».

На конкурс представляются постройки и проекты.

Москомархитектура

Регистрация и прием работ
до 1 марта 2013 года.

Положение о конкурсе на
www.woodinarch.ru

woodinarch@bk.ru

www.woodinarch.ru

Конкурс Дерево в архитектуре

Организаторы:

Конкурс «Дерево в архитектуре» проводится впервые.
Национальная премия за лучший реализованный проект с
применением дерева и деревянных конструкций.

Награждение лауреатов состоится на 18-й международной
выставке «Деревянное домостроение / Holzhaus».

На конкурс представляются постройки и проекты.

Проекты могут быть представлены авторами, отделениями
Союза архитекторов России, заказчиками, фирмами -
производителями, строительными организациями,
девелоперскими компаниями и т.д.

Руководитель проекта - Георгий Солопов,
вице-президент Союза архитекторов России.

Координаторы проекта –

Ольга Белова, Елена Глазкова.

+7 (495) 691-86-60

+7 (495) 697-69-11

Москомархитектура

